

**ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени академика Бабаджана Гафурова**

На правах рукописи

Одинаев Абдуманон Ибрагимович

**ТОПОНИМИЯ И МИКРОТОПОНИМИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ САДЫ
ГОРНОЙ МАСЧИ
(лингвистический аспект)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22. – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык)

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Вахобов Толиб

Душанбе – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5

Глава 1. Структурный анализ топонимов Центральной Сады Горной Масчи

1.1. Общие проблемы	15
1.2. Географические названия селений Горной Масчи и их изучение	23
1.3. Простые топонимы и микротопонимы	33
1.4. Составные топонимы и микротопонимы.....	33
1.4.1 Таджикские топоформанты.....	34
1.4.1.1. Формант «-зор».....	34
1.4.1.2. Формант «-ак»	30
1.4.1.3. Формант «-хо//-о».....	37
1.4.1.4. Формант «-ун (-он)».....	38
1.4.1.5. Формант «-а»	39
1.4.1.6. Формант «-й».....	40
1.4.1.7. Формант «-стун//-истун (-стон//-истон)»	41
1.4.1.8. Формант «-гах//-гоҳ»	43
1.4.1.9. Формант «-дон//-дун»	44
1.4.1.10. Формант «-ча»	45
1.4.2. Согдийские топоформанты	46
1.4.2.1. Формант «-кат».....	46
1.4.2.2. Формант «-ич»	48
1.4.2.3. Формант «-иф»	49
1.5. Сложные топонимы и микротопонимы	51
1.6. Топонимы-словосочетания	52
1.7. Топонимы и микротопонимы категории pluralia tantum.....	60

Глава II. Анализ топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи в аспекте их языкового генезиса

2.1. Топонимы, относящиеся к иранским языкам.....	63
2.1.1. Таджикские топонимы и микротопонимы региона.....	63
2.1.2 Согдийские (ягнобские) топонимы.	66
2.2. Заимствованные топонимы	92
2.2.1. Арабские топонимы	92
2.2.2. Тюркские топонимы	98
2.3. Смешанные топонимы (двуязычные)	89
2.4. Топонимы и микротопонимы, языковой генезис которых не установлен	102

Глава III. Топонимы и микротопонимы Центральной Сады Горной Масчи: семантический анализ

3.1. Антропотопонимы региона.....	105
3.1.1. Антропооронимы	107
3.1.2. Антропогидронимы.....	110
3.2. Зоотопонимы	112
3.2.1. Образование топонимов на основе названий диких животных	113
3.2.1.1. Образование топонимов на основе названий хищных животных	113
3.2.1.2. Образование топонимов на основе названий нехищных животных	114
3.2.2. Образование топонимов на основе названий домашних животных....	114
3.2.3. Образование топонимов на основе названий птиц.....	115
3.3. Фитотопонимы	116
Заключение	127
Сокращения.....	131
Список литературы	132

Введение

Актуальность темы. Горная Масча находится в верховьях долины Зеравшан, её селения расположены на берегах одноимённой реки, в предгорьях горных хребтов Зеравшан и Туркестан. Согласно сведениям, полученным из трудов историков и других исследователей, посвятивших значительное число работ изучению этой долины, она имеет давнюю историю, и люди издревле сделали её местом своего обитания. То, что Масча имеет древнюю историю, небезосновательно, так как во многих её селениях имеются древние крепости. Другим доказательством древности этого края является то, что в согдийских документах горы Муг были отражены названия некоторых селений Масчи (в том числе Мадрушкат) [68, 24].

Всестороннее комплексное исследование и изучение говора Масчи, изучение слов, выражающих обычаи и традиции этого древнейшего народа, определение географических частей этой местности, рассмотрение и разработка Верхней и Нижней частей Масчи с точки зрения общности и различия этих локальных говоров, определение черт общности подговорами (**зерлахча**) Верхней Масчи с говорами приграничных регионов Каротегина (Гарм, Рашт) и локальных говоров Нижней Масчи с Фалгаром и горными окраинами Ганчи (Метк, Росровут, Угук и др.), также, по мере возможности, сравнение системы их географических названий с их обычаями и традициями и т.п., в целом топонимической системы этого региона имеет специфическое значение.

В указанном аспекте проблема сбора топонимов этого региона, в том числе топонимов и микротопонимов Горной Масчи, имеет существенное значение, поскольку:

а) до сих пор топонимы и микротопонимы указанного региона не собраны в полном объеме;

б) проблема разработки и анализа топонимов и микротопонимов Горной Масчи в целом, и ее Центрального Сады в том числе, позволяет ответить на ряд вопросов, исторических и языковых загадках топонимики этого региона;

в) Горная Масча в целом и Центральный Сады особенно, по признанию специалистов-лингвистов и историков считается регионом, который вместе с другими территориями является регионом обитания согдоязычного населения.

История показывает, что население этой местности постепенно потеряло свой язык, отделилось от своих истоков на огромные промежутки расстояния. Несмотря на это согдийские топонимы и микротопонимы этой долины среди географических названий ономастической системы региона занимают важное место, их наличие доказывает тот факт, что эти края в далёком прошлом были местом обитания согдоязычной народности;

г) всесторонний анализ топонимов и микротопонимов Горной Масчи позволяет пролить свет на неисследованные проблемы этого таджикского региона, подвергнуть более обстоятельному изучению систему географических названий данного сада. Такой подход позволит нам определить языковой генезис географических названий края и их историческое значение.

Вообще, топонимы и микротопонимы играют неимоверно большую роль в деле определения истории народа и страны. Топонимисты придерживаются мнения, что «всестороннее изучение географических названий имеет большое научно-практическое значение, ибо названия являются свидетелями минувших эпох, они тесно связаны с историческими событиями и происшествиями, преобразованиями общественного строя, процессом развития истории языка, спецификой вымерших языков» [181]. По этой причине, для всестороннего анализа географических названий одних лингвистических знаний недостаточно, исследователю необходимо получить всестороннюю подробнейшую информацию о регионе. Прежде чем заняться изучением топонимов и микротопонимов, исследователю необходимо получить из других источников достаточно глубокое представление о совокупности всех отличительных особенностей того региона: сведения о географии, истории, населении региона, о живых и мёртвых языках края,

религии, обычаях и традициях и других отличительных особенностях района и его населения, т.е. следует исследовать в связи с реальной действительностью региона или края [70, 70].

Актуальность изучения данной темы заключается в том, что впервые в работе будет подвергнута обстоятельному исследованию топонимия и микротопонимия одного из горных регионов страны - Центральной Сады Горной Масчи. По этой причине специфическую особенность имеет, на наш взгляд, намерение рассмотреть в диссертационном исследовании в лингвистическом аспекте топонимы и микротопонимы этого региона, комплексно не изученные учёными данной отрасли. Топонимы Центральной Сады Горной Масчи, особенно микротопонимы, одновременно с наименованием географических названий являются структурными элементами словарного актива жителей этого региона, их изучение актуально также для определения специфики говора населения данной местности. В работе использован термин «Садаи миёна» «Центральный ареал» Горной Масчи, хотя эта лексическая единица отсутствует в нынешней официальной системе административных делений и географических названий этого района, но он исторически функционировал в этом горном регионе, равно как и в некоторых других горных регионах Таджикистана.

Актуальность данной проблемы обосновывается тем, что топонимы и микротопонимы одного из горных регионов страны, имеющего древнюю историю, до сих пор не изучены, они впервые становятся предметом подробного монографического исследования. Топонимы Центральной Сады Горной Масчи, особенно его микротопонимы, наравне с выражением географических названий, составляют словарный фонд говора данного региона, в связи с чем его изучение приобретает особую важность в деле установления специфики говора региона.

Степень изученности темы. В изучении таджикской ономастики весьма значительна роль видных учёных А. З. Розенфельда и А. Л. Хромова. По признанию большинства исследователей, именно эти учёные являются

основоположниками школы изучения ономастики в Таджикистане. Первым исследованием, посвященным исключительно изучению ономастики Таджикистана и заложившее прочные основы развития этого раздела таджикской лингвистики, является статья известного востоковеда А. З. Розенфельда «Название «Лангар» в топонимике Таджикистана» [199]. Она была издана в 40-х годах XX в., а в последующие годы научно-исследовательская деятельность учёного получила дальнейшее развитие, одновременно с изучением южных говоров таджикского языка, она занялась лингвистическим анализом географических названий юга Таджикистана и другими проблемами таджикской топонимии и антропонимии.

Другой видный иранист - А. Л. Хромов также посвятил свои исследования изучению таджикской ономастики, особенно относящейся к Верхней части долины Зеравшан. Весьма ценный труд этого известного учёного «Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана» [154] открыл новый этап в разделе изучения топонимии Таджикистана, что в дальнейшем, как весьма ценный первоисточник, послужил делу разработки новых научных трудов в данной отрасли. Высказывая в этой книге свои взгляды относительно топонимии и микротопонимии одного из древнейших регионов проживания таджиков - Ягноба и верховий Зеравшана, - он сделал выводы относительно их языковых пластов. Исследованию этого раздела таджикской лингвистики А. Л. Хромов посвятил более тридцати статей и других научных работ, некоторые из них непосредственно посвящены анализу и рассмотрению топонимов и микротопонимов Горной Масчи [151; 152; 153; 154, 156; 157; 178; 204; 205].

Следует отметить, что в первое время изучением и исследованием проблем ономастики Таджикистана занимались лишь русские учёные. Известный топонимист Э. М. Мурзаев в этом контексте называет ученых О.И.Смирнову, А.З.Розенфельд и А.Л.Хромову. Одновременно с этим он отмечает, что в области топонимии по сравнению с другими бывшими союзными республиками в Таджикистане подготовке научных кадров

должного внимания не уделяется, а в настоящее время в Таджикистане даже нет полного топонимического словаря [107, 45].

Это замечание Э.М.Мурзаева в 80-х годов XX в. было более актуальным, поскольку лишь после 70-х годов прошлого столетия таджикские учёные стали уделять больше внимания проблемам ономастики, состав таджикской школы ономастики стал пополняться за счет таких специалистов как О.Гафуров, Р.Х.Додихудоев, Н.Абдуллоев, Н.Офаридаев, А.Девонакулов, Ш.Хайдаров, Ш.Исмоилов, А.Абдунабиев, Д.Х.Алими, О.Махмаджонов, А.Насриддиншоев, Р.Шоев и др., которые относятся к числу ведущих специалистов школы таджикской ономастики, приступивших к научно-исследовательской деятельности после 70-х годов XX века.

В изучении топонимов и микротопонимов Таджикистана весьма значителен вклад известного ученого Р. Х. Додихудоева. Он является первым лингвистом, защитившим докторскую диссертацию по микротопонимии группы восточноиранских языков [170]. Этот известный учёный в своих трудах предложил заслуживающие внимания сведения о языковых пластах, семантике и этимологии ряда топонимов.

Наряду с этим, ономастические пояса, в том числе микротопонимия Ванджа и Дарваза была подвергнута исследованию со стороны Н. Офаридаева. Важные и эффективные исследования в этой сфере были выполнены известным специалистом данной отрасли О.Махмаджоновым, основательно и скрупулезно изучившим топонимы и микротопонимы северной части Гисарской долины.

В мировой лингвистике, в том числе и в советском языкознании, по различным проблемам топонимики было проведено достаточно много исследований, которые указываются в списке использованной литературы по ономастике [52].

Следует отметить, что по топонимии и микротопонимии Горной Масчи, в целом, и региона нашего исследования – Центральной Сады Горной Масчи, в частности, не проводились специальные исследования, но вокруг

некоторых микропонимов этого региона специалисты-топонимисты высказывали свое мнение и опубликовали отдельные работы и статьи. К их числу следует отнести работы русских и таджикских учёных – Б. А. Алборова [184], А. Л. Хромова [151; 153; 154; 156; 204, 206,], К. Абдулова [1], Т. Вахобова [79], Дж.Юсуфи [68], С.Бекзода [12], М.Гулзода [18; 19], Ш. Худжамухаммада [55], обстоятельный анализ которых будет представлен во вступительной части первой главы диссертации.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного исследования является изучение структурно-словообразовательных, этимологических и лексико-семантических особенностей топонимов и микропонимов Центральной Сады Горной Масчи.

В соответствии с этой целью в диссертации решаются следующие задачи:

- 1) определить структурные особенности топонимов Центральной Сады Горной Масчи;
- 2) провести анализ языкового генезиса топонимов и микропонимов Центральной Сады Горной Масчи и классификацию топонимов по происхождению;
- 3) провести структурный и этимологический анализ языковых единиц, представляющих топонимическую систему исследуемого Сады;
- 4) определить сочетаемость и функционирование (продуктивность) таджикских и согдийских топоформантов данного региона;
- 5) анализировать заимствованные топонимы, в том числе, арабские, тюркские и смешанные топонимические единицы исследуемого региона с точки зрения структуры и компонентов;
- 6) лексико-семантический анализ топонимов и микропонимов региона, в том числе, антропотопонимов, зоотопонимов, фитотопонимов и т.д.

Теоретико-методологическая основа исследования. При решении основных задач исследования мы опирались на теоретические разработки учёных-ономастов, в том числе, топонимистов. Теоретико-методологическую основу диссертации составляют исследования известных отечественных и

зарубежных учёных, к числу которых, прежде всего, относятся Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, А. Л. Хромов, А. З. Розенфельд, В.С.Расторгуева, Р.Х.Додихудоев, Ш. Исмоилов, Г.Джураев, Д. Алими, А. Н. Насраддиншоев, А. Хасанов, Т. Вахобов, О. Махмаджонов, О. Касимов, А. Абдунабиев, Ш. Хайдаров, Р. Шоев, Д. Хамидов и др.

Методы исследования. Для анализа и рассмотрения топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи, что составляет более 1500 лексических единиц, мы воспользовались следующими методами: метод структурного и словообразовательного анализа, метод лексико-семантического анализа, метод описательно-синхронного анализа, этимологический анализ, статистический метод обработки данных, в определенной степени применены методы картографии и стратиграфии, метод синхронно-диахронного анализа. Синхронно-диахронный метод наиболее целесообразен и эффективен при изучении топонимов. По поводу эффективности данного метода профессор Р. Х. Додихудоев справедливо отмечает, что «синхронно-диахронические отношения имеют весомое значение для исследования ономастического материала не только в лингвистике, но и в других промежуточных отраслей наук, поскольку такой подход может представить важные исторические, географические, этнографические и другие материалы» [23, 3].

При сборе лингвистического материала, то есть топонимов данного региона, лингвистическая форма топонимических единиц была фиксирована на основе специфики произношения местного населения, для определения мотивов образования некоторых микротопонимов были сделаны ссылки на притчи и предания, используемые населением данного региона.

Научная новизна диссертации. В диссертации впервые предметом монографического исследования стали структура, языковой генезис и лексико-семантический аспект топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи, которые по данным нашей картотеки насчитывают более 1500 единиц. Данная группа топонимов может быть включена в

ономастический реестр и топографическую карту страны, и становится доступным для использования и сравнительного изучения с топонимами других районов страны и Центральноазиатского региона.

В диссертации наравне с таджикскими микротопонимами определено и место заимствованных, в том числе, арабских и тюркских топонимов и микротопонимов, так как до сих пор, вышеупомянутые исследователи придерживались мнения, что топонимы арабского и тюркского происхождения в топонимической системе данного региона не наблюдаются.

Теоретическая значимость исследования. Проведенное исследование является первой комплексной и систематизированной работой, посвященной изучению топонимов и микротопонимов верхней части долины Зеравшан. На этой основе полученные результаты относящиеся к разным аспектам топонимии региона, имеют определенное научно- теоретическое значение. На основе богатого топонимического материала делаются теоретические обобщения относительно языковых особенностей исследуемого ономастического материала, которые в совокупности с материалами диалектологического и этнографического характера позволяют отражать раннюю языковую картину в исследуемом регионе, усовершенствовать этимологическую характеристику лексического состава национального языка и определить лингвистические особенности распространенного на данной территории говора.

Практическая значимость исследования. Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты найдут применение при: 1) выполнении аналогичных исследований по другим регионам Республики Таджикистан; 2) чтении спецкурсов, лекций по лингвистическим дисциплинам (особенно по исторической диалектологии, словообразованию, истории языка, лексикологии) и проведении спецсеминаров; 3) разработке пособий по частной и общей топонимике и ономастике; 4) составлении диалектологического, этимологического и топонимического словарей.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы при разработке и составлении словаря топонимов, ибо до сих пор не составлен ни один относительно совершенный словарь. Кроме того, данное исследование может способствовать определению источников формирования топонимов, топонимического и микротопонимического словообразования, их сравнения в топонимической системе. Материалы диссертации могут служить и исторической диалектологии, ибо в топонимической системе данного региона можно встретить лексические единицы, которые в литературном языке и в других говорах и диалектах уже не функционируют.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Топонимы и микротопонимы Центральной Сады Горной Масчи, включающие лексические единицы с древнейших времен до настоящего времени, являются важным источником пополнения ономастической системы таджикского языка.

2. В структурном плане топонимика Центральной Сады Горной Масчи классифицируется на простые, производные, сложные топонимы и микротопонимы, а также на топонимы-словосочетания и топонимические единицы категории *pluralia tantum*.

3. В топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи наряду с исконно таджикскими и согдийскими топонимами прослеживаются заимствованные арабские, тюркские и смешанные лексические единицы, а также ограниченная группа неподдающихся этимологизации топонимов.

4. Семантический анализ микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи свидетельствует о том, что большая часть географических названий этого региона мотивирована географическими терминами, зоонимами, фитонимами, антропонимами, этнонимами и собственными именами.

5. Появления антропонимов региона в основном связано с хозяйственной деятельностью, в том числе, обустройством земель, разведением садов, сооружением домов, мостов, загонов для скота, а также столкновением

людей с форс-мажором, несчастными случаями и нежелательными явлениями (падение людей с гор, в обрыв, захоронение погибших в определенных местах и т.д.).

6. Весомый вклад в топонимической системе региона имеют фитотопонимы, сформировавшиеся на базе названий трав и растений. Данное явление обосновано тем, что в этой местности та или иная разновидность растений встречается в изобилии. Номинация некоторые местностей исследуемого региона осуществлена в тесной зависимости с сезоном и временами года. Например, *Бурси Наврӯзгах, Тудай Ҳитҷо (Ҳитҷо), Санги Ҳит* и т.п.

7. История и мотивы происхождения многих топонимов и микропонимов непосредственно связаны с реалиями жизни местного населения.

8. Определение истории некоторых топонимов Центральной Сады Горной Масчи предоставить возможность проследить за процессом развития лингвокультурологических взаимоотношений в данном регионе.

Апробация исследования. Основное содержание исследования представлено на традиционных конференциях профессорско-преподавательского состава Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова (2012-2017), также на научно-теоретическом семинаре кафедры, конференции молодых учёных республики и области. На основе фактов и положений исследования были опубликованы 14 научных статей в сборниках и научных журналах, в том числе, 4 статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК МО Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и источников.

Глава 1. Структурный анализ топонимов Центральной Сады Горной Масчи

1.1. Общие проблемы

Ономастика как наука является разделом языкознания, она появилась на базе научных исследований собственных имён во второй половине XX века, и сегодня составляет одну развитую часть лингвистики. Теоретические основы ономастики заложены советскими учёными-лингвистами: В. А. Никоновым, Э. М. Мурзаевым, А. А. Реформатским, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, В. А. Жучкевич и др.

Одним из важнейших разделов ономастики является топонимика, которая признана в общем языкознании в определенной степени разработанной. Степень важности этой части ономастики признавали многие учёные. Известный топонимист В.А. Никонов подчеркивает, что «топонимика – это самостоятельная отрасль языкознания, которая неотделима от диалектологии, этимологии, лексикологии и других разделов лингвистики, она непосредственно связана с исторической наукой, географией и этнографией» [115, 164].

Таким же образом исследователь А.Абдунабиев, отмечая специфическую важность исследований по топонимике, признаёт, что «всестороннее изучение географических названий имеет большое научно-практическое значение, ибо названия являются свидетелями прошлых эпох, они тесно связаны с историческими событиями, сменой государственных систем, ходом развития истории языка, спецификой ушедших языков» [181]. Поэтому для всестороннего изучения и аналитического рассмотрения топонимов одних лингвистических знаний недостаточно, исследователю важно иметь довольно глубокое знание о регионе ведения исследования. Прежде чем заняться изучением и исследованием топонимов и микротопонимов, исследователь «...должен взять во внимание все отличительные особенности той территории – описание географии,

специфику истории региона и его населения, особенности живого и мертвого языка той местности, специфику материальной и духовной жизни, религии, традиций, обрядов и обычаев, привычек и других отличительных особенностей региона и его населения от других регионов. Таким образом, исследование топонимов тесно связано с реальной действительностью и лексическими группами другого языка» [70, 70].

Горная Масча, в том числе её Центральная Сады, является кладезю географических названий, которые сохранились в течение многих веков и дошли до настоящего времени. Эта группа топонимов восстанавливает историю данного региона и отражает в себе обряды и обычаи, традиции и географические особенности местности.

Как известно, границы имеются не только между республиками, городами и районами, но и в их пределах имеются административные и географические единицы, разделяющие части одного города или района друг от друга. Это внутреннее разграничение свойственно также и Горной Масче, все селения которой по признаку географического расположения, обычаев и традиций населения местности разделены на части. По данным письменных источников конца XIX и начала XX веков, этот регион был разделен на три Сада. Следует отметить, что границы сада этого района указаны в различных трудах, а это свидетельствует о том, что с годами произошли изменения в демаркации селений.

В связи с тем, что лексическая единица «сада» многозначна, мы рассмотрим ее как административно-территориальную единицу применительно к региону изучения, хотя она и не является официальным делением.

Автор словаря «Фарҳанги Чаҳонгирӣ» («Словарь Джахонгири») отмечает: «сада в целом имеет три значения. Во-первых, это название торжества, которое персы отмечали в десятом месяце бахман, зажигали много огней, и, восхваляя всевышнего, брали птиц и диких животных, привязывали пучки целебных трав к ногам, зажигали их и отпускали... и

мотив появления названия Сада в том, что у Каюмарса родились сто дорогих и любимых детей, они достигли совершеннолетия, он приказал зажечь большое число огней, поэтому он дал название этому торжеству *Сада*;

во-вторых, это название одного из селений в Исфахане;

в-третьих, это название дерева в Дор-ул-марзе и в Междуречье, которое выше других в Иране и Туране, оно настолько велико объемом, что его ствол с трудом могут охватить три-четыре человека, и листья сидят настолько плотно, что дождь не в состоянии пройти через них и до двухсот всадников могут расположиться под его тенью...» [65, 800-802].

Авторы других словарей, кроме указанных значений, отметили, что данное слово выражает разнообразные значения, в том числе «единицу времени, равную ста годам, веку» [20, 745], «иногда сада употреблялась абсолютно в значении полыхающего огня» [56, 1407-1408; 57, 1269; 28, 771].

Как было отмечено, автор «Словаря Джахонгири» одновременно с другими значениями слова «сада» отметил и обозначение им названия селения в Исфахане. Кроме того, академик Рахим Масов при рассмотрении информации географического съезда русского императорства в числе таджикских селений Наманганской области отмечает селение под названием Сада [30, 140].

Таджикский топонимист О. Махмаджанов в своей монографии, посвященной топонимам и микротопонимам северной части Гисарской долины, отмечает: «По словам пожилых жителей Ромита, согласно административно-историческому делению этот район был разделен на четыре «Сада»: Сада Миёна, Сада Сарводара, Сада Пасипушта, Сада Духхона» [106, 13; 104, 4]. В другом разделе своей монография этот же автор пишет: «Слово Ромит является названием реки Кофарнихон, который сегодня известен как Сада Миёна» [106, 81].

Эрадж Афшор Сиистони в своём знаменитом произведении «Фарханги шахру устонҳои Эрон» («Словарь городов и областей Ирана»), сообщая о существовании города под названием Сада, говорит о его нахождении в

области Фарс. Кроме того, излагая краткую информацию о географическом местоположении этого города, по поводу значения слова «сада» пишет: «Слово «сада» в «Фарханги Нафисӣ» и «Бурхони котеъ» («Словарь Нафиси» и «Бурхони котеъ») приведено в значении полыхающий огонь и высокое языкастое пламя. «Сада» - иранское слово, которое в пехлеви означает «сат» и «сад» («сто») и в арабском пишется и читается как «сазк» или «садк». Поэтому, можно сказать, что этот город назван в честь праздника - «Сада», и, может быть, этот город назван «Сада» в результате объединения трёх мелких селений» [63, 773].

Автор «Дневника путешествия в Искандаркуль» Абдурахман Мустанджир, по словам самих жителей Горной Масчи XIX века, селения этого региона группирует на три Сада. Следует отметить, что этот автор не только Горную Масчу, но и Фалгар делит на три Сада.

По записям составителей словарей и других трудов стало очевидно, что слово «сада», помимо того, что выражает несколько значений, означало и название города, селения и единицы ограничения некоторых их районов. Из слов Эраджа Афшора, видевшего причину приобретения одним городом названия **Сада** приблизительно в известном торжестве сада, вытекает, что многие случаи, когда в верховьях Зеравшана говорят о Садаи, то это, возможно, имеет прямое отношение к данному празднику, ибо в Горной Масче толкование «туйи сада» («торжество сада») означает «большую свадьбу, многолюдную», и естественно, что торжество проводится при большом скоплении народа.

Топонимия той или иной местности является выразителем широкого круга топонимов местности, в том числе антропотопонимов, фитотопонимов, зоотопонимов, гидронимов, ойконимов и им подобных. Исследователи сферы топонимики, признавая топоним выразителем истории и культуры местности посредством лингвистических процессов в республике, области, города, района, джамоата и села, отмечают, что она способствует

определению возникновения, формирования и развития целой системы мотивированных названий.

Следует отметить, что эти два термина, то есть топоним и микротопоним, отличаются друг от друга рядом специфических особенностей. Данная позиция зафиксирована в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В.Подольской (44,86,135-142). Исходя из этой концепции, ошибочно считать эти два термина синонимами, и такой подход сильно осложняет задачу их изучения и исследования. Следует отметить и то, что большая часть учёных отрасли к группе топонимов относят лишь населенные пункты. В ряд населенных пунктов можно включить большие регионы, в составе которых имеются сотни микротопонимов, и их можно включить в число топонимов, ибо называть обширные регионы микротопонимами, например, **дашт, тагоб, сахро, нов** (степь, ущелье, поле, лощина) и им подобные, включающих в себя сотни мелких названий, не представляется целесообразным. Учитывая данную специфику топонимов, мы при изучении и исследовании топонимов Центральной Сады Горной Масчи одновременно с названиями селений включили в этот ряд и места, имеющие общее название, но содержащие в себе несколько других микротопонимов. Следует отметить, что топонимы по сравнению с микротопонимами более устойчивы, многие из них имеют давнюю историю и дошли до нас из древних времён, следовательно, и их толкование, объяснение является делом сложным.

Исследователи-ономасты придерживаются мнения, что следует ввести разницу между терминами *топонимия* и *топонимика*, ибо в понятии топонимия в общем содержится понятие о географических названиях какого-либо района, города, области, страны и других единицах, относящихся к нему. Разницу между этими двумя терминами Ш. Исмоилов комментирует так: «...эти термины появились в связи с явлением и языковым отношением из одного источника и не отличаются друг от друга, но если мы рассмотрим их в аспекте значения и выражения действительности, то увидим, что эта

общность в определенной степени приобретает характер относительности. Ибо из них слово топонимия в сущности используется в выражении суммы географических названий той или иной местности и региона, города и района, долины и области, страны и республики, то топонимика, как наука, является одной ветвью лексикологии, занимающейся научным изучением и исследованием географических названий, определением источников происхождения и этимологии исторического развития, их нынешнюю форму и состояние, лексико-семантические особенности, структуру и грамматическую форму, их произношение и написание» [92, 4].

Микротопонимы же от топонимов отличаются рядом специфических черт. Одна из отличительных особенностей микротопонимов заключается в том, что они быстро меняются или подвергаются структурным и смысловым преобразованиям. Основная причина подверженности микротопонимов изменениям в том, что они по сравнению с топонимами обладают меньшей устойчивостью и быстро меняются под влиянием языка населения местности. По мнению известного лингвиста А. В. Суперанской, «...микротопонимы обозначают частные имена малых природных, промышленных и искусственных местностей. Как правило, они являются непосредственным названием исконных имён местности, и выражают особенности местности, которую называют. Такие названия с лексической стороны выразительны. Таким образом, большая часть изменчивости микротопонимов является выражением периодов и процессов развития общества. Об этом, как правило, знает лишь ограниченная часть населения местности» [145, 23-30].

До сих пор исследователями ономастики, в том числе топонимики, определено несколько методов и способов исследования, каждый из которых имеет свои специфические особенности. В исследовательских трудах учёных-ономастов дана классификация форм словообразования топонимов. В том числе, известный топонимист С.Р.Роспонт при изучении топонимов предлагает следующие принципы разделения этих единиц:

1. Простые топонимы, не имеющие суффикса (примарные топонимы).

2. Топонимы, образованные с помощью суффиксов и приставок (вторично-производные топонимы).

3. Составные топонимы (топонимы, образованные из нескольких компонентов) [140, 5].

Верно, что не представляется возможным решить все вопросы, связанные с топонимикой, «использованием одного метода или средства, отсюда в топонимике находятся в применении несколько способов. Сумма методов лингвистического анализа оказывает помощь в деле определения формальных и смысловых особенностей топонимов [71, 24].

Одним из важных и общепризнанных методов в лингвистическом исследовании топонимов является структурный анализ, который широко применяется при изучении и рассмотрении географических названий. Отмечая специфику данного метода, опытные лингвисты В. Н. Топоров и О. Трубачёв пишут: «Результат анализа на основе формантов проявляется в том, что мы каждый раз имеем дело, как минимум, с несколькими фактами, объединёнными одним общим формантом, помимо того, исследование слова, начинающееся с форманта, придает нашим мыслям об обстоятельствах формирования и этнической принадлежности названия историческую конкретность. Анализ на основе формантов иногда позволяет определить языковые пласты, он также способствует тому, чтобы мы вели размышления о хронологии относительности морфемных слоёв в языковом и этническом отношении» [148, 18-19].

Профессор А. Л. Хромов ягнобские и таджикские топонимы на базе форм создания топонимов индоевропейских языков, прежде всего славянских языков, делит на четыре группы:

1) простые топонимы, формировавшиеся без каких-либо словообразовательных аффиксов: *Роут*, *Чўз*, *Ғўш*, *Марз*, *Ноу*;

2) топонимы, образованные в результате соединения слов. Иначе говоря, такого рода топонимы являются сложными топонимами: *Ғарзой* (<Ғар+зой), *Хонзой* (<хон+зой), *Тағобхон* (<тағоб+хон), *Кудмарз* (<кут+марз);

3) топонимы-словосочетания: *Бузи хон, Сурхкати зар, Дарги зар, Мархти майн, Ноути хок, Фурроти так;*

4) топонимы, образованные от основы и топоформанта: *Дирота, Ханкуна, Сурхката, Пасмарза, Фусмарза, Намтазара, Нахширак, Фантумзойак* [154,12-13].

В процессе структурного анализа топонимов в аспекте строя Центральной Сады Горной Масчи мы опираемся на это деление А. Л. Хромова.

Исследователи-ономасты высказали свои соображения по поводу этой проблемы и её актуальных подробностей в деле исследования и изучения топонимов. Известные лингвисты В.А.Никонов, Н.В.Подольская, С.Роспонд и А.Л.Хромов в своих трудах и отдельных статьях, высказав свои суждения относительно важности и целесообразности структурного метода в исследовании географических названий, отметили специфическое значение данного метода. По поводу структурно-стратиграфического ономастического исследования и его значения С. Роспонд писал: «Структурно-стратиграфические ономастические исследования имеют важное значение как для лингвистики, так и для истории» [141, 63].

Так же профессор О. Махмаджонов, отмечая преимущества этого метода, пишет: «Одним из важных и для лингвистики полезных аспектов науки о языке является изучение и исследование структурных и словообразовательных особенностей географических названий, в котором, прежде всего, подвергаются анализу и изучению роль и задача традиций составления названий, приставки и суффиксы, словообразовательные и структурные их формы» [106, 22].

Следует отметить, что метод структурного анализа весьма продуктивен для изучения и рассмотрения топонимов Центральной Сады Горной Масчи, ибо одна большая группа топонимов и микротопонимов данного региона формировалась и образовалась в форме составных топонимов.

Географические названия, как и другие слова лексического состава таджикского языка, формировались на основе его известных законов и правил, ибо топонимы и микротопонимы, образовываясь на базе форм словообразования языка жителей местности, не могут быть свободны от его влияния. В этом смысле топонимы Центральной Сады Горной Масчи не являются исключением.

Таким образом, топонимы Центральной Сады Горной Масчи по своему строению целесообразно классифицировать на следующие пять групп:

- 1) простые топонимы и микротопонимы;
- 2) составные топонимы и микротопонимы;
- 3) сложные топонимы и микротопонимы;
- 4) топонимы-словосочетания;
- 5) топонимы и микротопонимы *pluralia tantum*.

1.2. Географические названия селений Горной Масчи и их изучение

Авторы книг, посвященных этому краю, группировали эти селения. Так, профессор К. Абдулов все её селения группирует в двенадцать углов [1, 9-10]. В другом месте этот автор пишет, что в XVIII веке Масча включала в себе четыре Сада. Он группировал эти административные единицы следующим образом: «от Деххавза и Деххисора до Рога одна Сада под названием Сархад, от Палдорака до Лангара и Хайрабада другая Сада под названием Садаи Боло (Верхняя Сада), от Эсиза до Каллахона (границы селения Хадишахр – О. А.) одна Сада под названием Миёна (Центральная) и от Каллахона до Оббурдона другая Сада под названием Поён (Нижняя) [1, 260]. Абдурахман Мустаджир же в книге «Рӯзномаи сафари Искандарқул» («Дневник путешествия на Искандаркуль») делит все селения на три Сада: *Боло* (Верхняя), *Миёна* (Центральная) и *Поён* (Нижняя). Верхняя Сада (сверху вниз) от селения Дехисор до села Ярм, Средняя Сада от селения *Сабаг* (Сабага) – *Сабақ* (Сабака) до селения *Рогиф* и Нижнюю Саду от селения Хадишахр до селения Оббурдон [34, 83-98]. Однако академик А.

Мухторов, опираясь на документы, датированные 1107 годом хиджри (1695 христианской эры), по поводу деления пастбищ этого региона отмечает, что «...в те годы Мастча, начиная от селения Пастигав до ледника Зеравшан, делилась на два (региона – О.А.): на части Сояруй и Офтобруй, и их границы составляла сама река Зеравшан. Селение Сояруй подчинялось селению *Худгифи Поён*, а *Офтобруй – Ревомутку*» [35, 105-106].

Территориальное деление Горной Масчи в разное время не было одинаковым, возможно, в силу особенностей эпохи оно по-разному отражено и в документах. По этому поводу М. Хамиджанова пишет, что сами мастчинцы эту зону разделили на три единицы: Сархад, Масчохи Миёна и Масчохи Поён (Граница, Средняя Масча и Нижняя Матча). Сархад охватывал территорию от ледника Зеравшан до Демуноры, Масчохи Миёна – от Демуноры до Ревомутка и Масчохи Поён – от Ревомутка до Оббурдона [53, 14].

Следует отметить, что по истечении времени изменилось также и территориальное деление селений Горной Масчи. Нынешняя территория Сада Поён охватывает территорию от селения Оббурдон до Тагоби Каллахуна (селение Хадишахр), сада Миёна – от селения Рогиф до Хорои Сухта (селение Хайрабад) и сада Боло – от Лангари Ёза до селения Деххисор.

Важно отметить, что слово «сада» имеет несколько значений, и одно из них в определенной степени выполняет функцию топонима, обозначающего название географического объекта, что отражено в некоторых словарях [62, 2, 192].

Согласно сведениям, опубликованным составителями словарей, данное слово многозначно и имеет широкий круг употребления. Следует отметить, что в Горной Масче под понятием «Сада» понимается группа селений, население которых вместе проводит дни торжеств и траура. Авторы «Толкового словаря таджикского языка» (далее ТСТЯ) одновременно со значениями «*гучум* (бот. карагач), *қарн* (1. век, столетие; 2. период, эпоха), *гурӯхи саднафара* (группа из ста человек), *яке аз чашнҳои милли* (один из

национальных праздников) отметили то, что это слово означало единицу административного деления в некоторых горных районах Бухарского эмирата [62, 2, 192], это доказывает изложенное выше. Следует отметить, что до сих пор этот термин в Горной Масче употребляется как единица измерения для обозначения неофициального территориального деления.

Топоним «сада» понимается как «группа селений» не только в Горной Масче, но и во многих других регионах.

Например, исследователи-ономасты отметили деление Ромита на четыре Сада [106, 13]. А. Гребенкин в одной своей записи всё бекство Кухистана, охватывавшего Масчу, Фалгар, Фон и Ягноб, сгруппировал в 12 Сада. В том числе бекство Масчи, охватывающего 36 селений, он разделил на три Сада и отметил, что в ней проживало 1877 семей численностью 9385 душ населения [189, 71-82].

Из написанного авторами словарей и других произведений стало очевидно, что слово «сада» одновременно с тем, что обозначает множество значений, являлось и названием города, села и территориальной единицы некоторых районов.

Сегодня, одновременно с тем, что население Масчи делит этот регион на три Сада, но по местоположению селений данный район делят на «Боло» («Верхняя») и «Поён» («Нижняя»), а население – на расположенное в низине и верховье. Но такое деление, как и сада, не имеет конкретных границ, и население каждого селения несколько сёл, расположенных выше себя называет «Боло», а расположенных ниже – «Поён». Для населения Центральной Сады селения выше Хайрабата и Мадрушката считаются «Боло», а селения ниже Рогифа считаются «Поён».

Истории некоторых селений Горной Масчи посвящены отдельные монографии и диссертации [1; 18; 19; 55; 68 и др.]. Некоторые из авторов, изучив этимологию топонимов этого региона, в соответствии со своими соображениями и мировоззрением дали толкование их словарного значения. Так, М. Гулзод в своей книге «История Падрога», взяв топоним «Падроғ»,

отметил, что он относится к согдийскому языку и означает «видимый свет, освещенная местность, солнечная сторона» [18, 6-7], что в определенной степени вызывает сомнение. Ибо ономасты документально подтвердили, что «пад» является выразителем места, «роғ» является носителем значения «луга, места, изобилующего лужайками» [157, 27-31].

М. Гулзод, кроме данного названия, берет и комментирует ещё несколько топонимов типа *Оббурдон*, *Камодун*, *Томшин*, многие из которых представлены с ошибками [18, 5-35-39].

Абдурахман Мустаджир при посещении селений Масчи в своей книге, опираясь на народные предания, представил историю возникновения некоторых из них. Например, *Оббурдон* он истолковал как «об бурданд» («вода унесла», «унесённая водой»), а *Томшин* (том хона) - «ба хона шин» («сиди дома») [34, 63-64].

Следует отметить, что данные А. Мустаджира имеют народный этимологический источник, научная их основа слаба. При комментировании названия какого-либо селения или местности он опирается на предания населения того региона, что не всегда соответствует правде. Так, топоним *Томшин* он считает заимствованным из узбекского языка (сиди дома), что не внушает доверия, ибо узбекско-тюркские топонимы в этом регионе почти не наблюдаются.

Как было отмечено выше, были высказаны некоторые соображения и размышления относительно некоторых селений Масчи. Однако относительно топонимов селений, относящихся к Садаи Миёна Горной Масчи, до сих пор не завершено ни одно исследование. А. Л. Хромов в конце своего популярного произведения, посвященного диалекту населения Масчи, говорит о некоторых топонимах селений Ревомутк и Рогиф [152, 210]. Этот же автор в другой своей статье «К вопросу о топонимике Масчи» [204] подверг изучению ряд топонимов Горной Масчи, но не дал сведений относительно географических названий Центральной Сады. Таким же образом в книге «Сурмаи дил» («Сурма сердца») Х. Шохмирзо и Ш.

Шохмансура представлена краткая информация относительно некоторых мест селений Рогиф, Ревомутк, Худгифи Соя и Худгифи Офтобруй [55], из чего очевидно, что они свои выводы большей частью подкрепляют народными преданиями. Эти авторы дают краткую информацию относительно мест захоронений данных селений и отмечают, что камни и деревья и клочки земли этой местности имеют специфические названия. По их мнению, «в горах есть удивительная привычка, где каждый камень и каждое дерево имеют своё название. В качестве образца: Реми Хофизниёз..., санги Махтарма..., замини Собир..., дашти Тура...» [55, 12]. Другим исследователем, давшим краткую информацию относительно селений изучаемого региона, который ограничивается преимущественным толкованием названий селений, является профессор К. Абдулов [1].

По этой причине всестороннее изучение географических названий Центральной Сады Горной Масчи, что до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей отрасли, считается важной научной проблемой таджикского языкознания. Исследование топонимов и микротопонимов данного региона имеет специфическое значение, позволяющее представить материал исследования по некоторым группам слов, выражающих географические названия.

Наблюдения показывают, что названия селений Горной Масчи в большинстве своём относятся к согдийскому языку или к другим иранским языкам, и они комментируются на базе таджикского языка. Но микротопонимы (названия различных местностей), которые по сравнению с топонимами более подвергаются смысловым и структурным преобразованиям, в большей своей части являются таджикскими.

В монографиях и статья, посвященных истории Масчи, авторы отметили, что этот регион (Масча) в разное время входил в состав разных эмиратов и государств [68, 8-24]. Академик А. Мухторов пишет, что почти все исследователи истоков Зеравшана и Уструшана на базе монографий Х

века арабских учёных Фалгар и Масчу называют селениями Средней Азии» [35, 100].

Существует и такая точка зрения, что население этого региона не является коренным, а прибыло в Горную Масчу из разных мест. Следует отметить, что данное мнение беспочвенно и противоречит исторической правде. Причина в том, что «истоки Зеравшана не были местом миграции, ибо мигранты выбирали место, удобное для жизни. У истоков же Зеравшана мы видим обратную картину. Население долин сюда не перекочевывало, ибо эти земли были многолюдны, кроме того они имели слабую экономику. У нас нет достоверной исторической информации относительно миграции населения долины к истокам Зеравшана, источники также на это не указывают» [35, 122].

Одновременно с изучением и исследованием истории этого региона специалисты по топонимике прежде всего, обратив внимание на названия селений Масчи, размышляли по поводу языкового генезиса некоторых из них. В том числе в конце пятидесятых годов XX века внимание исследователей привлек топоним **Масча**, и они заинтересовались вопросом о его словарном значении и историческом происхождении. Как и большинство топонимов, относительно названия **Масча** авторы имеют разнообразные точки зрения, и их взгляды можно разделить на три группы. Первая точка зрения была связана с формой названия этого региона. Одни, написав её *Мостчо*, имеют претензии на то, что это слово означает «*макони чургот*», «*чое, ки дар он чо чурготи аълосифат аст*» («место кислого молока», «место, где есть высококачественное кислое молоко»). Среди сторонников данной гипотезы является М. Гулзод, который в двух своих сборниках – «*Таърихи Падроғ*» («История Падрога») [18] и «*Мостчо аз дидгоҳи сарчашмаҳои муътамад (рисолаи шмӣ-тадқиқотӣ)*» («Мостчо с точки зрения достоверных источников» (научно-исследовательская работа) [19] с целью доказать данную гипотезу, игнорируя все другие виды деятельности населения Горной Масчи, основным родом деятельности жителей этого

региона называет лишь животноводство. Сторонники этой гипотезы, в том числе и М. Гулзод, чтобы доказать истинность своей точки зрения, не выдвигают ни одного заслуживающего внимания и близкого к истине доказательства. На наш взгляд, благополучное географическое местоположение Масчи для ведения животноводства вовсе не означает того, что это место производства кислого молока, ибо в Таджикистане многие регионы имеют такие же условия, однако это значение не отражается в их названиях, что доказывает отсутствие научной основы в этой гипотезе.

Вторая группа исследователей придерживается мнения, что правильной формой этого топонима является **Масчох**, и признав часть «мас» принадлежащей авестийскому языку, они истолковали его как «*моҳихӯрҳо*» («употребляющие рыбу»). Мустафо Пошанг в своей книге «*Зебономҳои ориёӣ*» («Арийские привлекательные имена») при рассмотрении топонима **Артомас** отмечает, что это название образовалось путём слияния «орт» и «мис», «орт» из авестийского слова «арто» - «*дурустӣ ва покӣ*» («правильность и чистота») и «мис» из авестийского «мас» - «*бузург*» («огромный, великий») [45, 62]. Возможно, единица «мас» имела отношение к тому топониму.

Третья группа ученых, поддерживают мнение о том, что этот топоним коррелирует с *Масхо*, имеющее значение «*истикомаатгоҳи масагетҳо*» («место обитания массагетов») [68, 19]. Четвертая группа близкой к истине считает форму *Масехо* или Масего, что означает «*дарай зебоманзару босафо*» («ущелье с прекрасной природой»). Пятая группа поддерживает точку зрения, что это *Мастчох*, означающее «*чоҳи мастон*» («колодец пьяных»). Но Мухтарам Хотам считает правильной как форму *Мастчох*, так и форму *Масчох* [39, 95-118].

Исследоваель Джура Юсуфи придерживается мнения, что «в древнейшем разделе «Авесты», то есть в готах (песнях), сочиненных Зардуштом в ХП-Х веках до н.э., имя *Ахура Мазды* наблюдается в форме *Маздасча* («Ясно», гот 53, пункт 3). По мнению этого исследователя, между

Мастчо, *Масчо* и *Маччо* и словом «Маздо» есть созвучие. В этимологии чередование, переход «з» в «с» (*Маздо* – *Масчо*) и «д» в «т» (*Маздо-Масдо-Масто*), «ст» в «ч» (*Маччо*) есть реальное обоснование» [68, 24]. Некоторые учёные, даже высказывая мысль о возможной связи изучаемого топонима с религиозной верой митры, предполагают, что отдельные селения данной местности получили своё название от имени богов этой религии, в том числе *Мадрушкат* и *Пакшиф* [13, 125-155].

Следует отметить, что данный топоним в имеющихся источниках приведен в различных формах, и основная причина возникновения дискуссий заключается в этом. В том числе, при утверждении всех исследователей этот топоним впервые упоминается в работе «*Китоб-ул-масолик ва-л-мамолик*» арабоязычного географа Ибн Хавкала (X век) в форме *Масхо*. Также в историческом труде «Бобурнаме», являющемся лучшим наследием Бобура, заметили данный топоним в форме *Масчо*. В «Дневнике путешествия в Искандаркуль», написанном Мулло Абдурахманом Мустаджир в 1870 году, помимо прочего, даются сведения по поводу некоторых географических названий. Данный топоним автор употребил в форме *Масчо*. Ахмад Дониш же употребил его в виде *Масчо* [22, 67]. Бектош в одной из своих статей привёл вариант *Масчо* [74, 529-554].

В наследии основоположника современной таджикской литературы, исследователя Садриддина Айни этот топоним также был замечен. Этот выдающийся писатель в первом своём романе – «*Дохунда*» - изучаемый топоним более десяти раз употребил в форме *Масчо*, и о данном регионе в одном из разделов он пишет: «Высокие, устремившиеся к небесам горы; глубокие ущелья; узкие дороги, схожие с паутинкой на стене, что при прохождении по ней кеклик приходит в волнение; острые, внушающие страх, пики, поднявшись до которых, облако может возгордиться собой; огромные валуны, способные закрыть слонов; перевалы, приводящие своими изгибами в удивление даже змею. – Это и есть изображение Горной **Масчи** в

миниатюре» [5, 301]. Сатим Улугзаде, занимающий в истории современной литературы своим историческим прозаическим наследием особое место, в известном романе «*Восеъ*» этот топоним употребил не в форме «*Мастчох*», а в варианте «*Масчо*» [50, 91].

Следует взять во внимание то, что в речи и в фольклоре населения Масчи этот топоним отражен не в форме *Мастчох*, а в виде *Маччо*.

*Ман азбара сар кардам ба пушти бурсо,
Сад сол гузарад дилам кашуни **Маччо**.*

«Перевал я перешел за можжевельником,
Пройдет сто лет, но тоской моей будет **Маччо**».

Можно привести еще много примеров из устной речи населения этой местности, в которых этот топоним употреблён в форме *Маччо*.

После изучения предложенной гипотезы относительно формы данного топонима возникает вопрос: ни в одном из первоисточников прошлого не встречается форма *Мастчох*, но почему сегодня два района (*Мастчох* и Горная *Мастчах*) названы этой неправильной формой? И это в том случае, когда писатели и учёные, как Садриддин Айни, Бектош употребили его в форме *Масчох*. В «Дневнике путешествия в Искандаркуль» употреблён вариант *Масчох*, то есть без согласного «т». Следует отметить, что этот ошибочный способ записи названия древней земли Масчи является плодом советской эпохи, когда от незнания группу топонимов записали неверно, и до сих пор эти ошибочные варианты находятся в употреблении.

Следует отметить, хотя учёные различных отраслей высказывали свою точку зрения по данному топониму, но до сих пор точное и бесспорное значение его остается для учёных загадкой. Даже есть мнения, согласно которым происхождение этого названия связывают с «Авесто», но их аргументы не вызывают доверия. Признав сомнительной эту точку зрения, исследователь и знаток истории этой местности Салим Айюбзод говорит, что среди учёных «...прозвучало также мнение, что название имеет отношение к

религиозному обряду митры. Но до сих пор не выдвинута гипотеза, которая не оставила бы почвы для сомнений и стала бы совершенно общепринятой» [183].

Следует отметить необходимость вернуть историческую форму написания этого топонима и тем самым устранить ошибки в его произношении и написании, внести исправление в название обоих районов - Горной Масчи и Масчи. В связи с данной проблемой хочется отметить и то, что эти два района следует назвать *Масчохи Нав* и *Масчохи Кухна* (**Новая Масча** и **Старая Масча**). Так как это явление широко встречается в истории человечества, и население этих двух районов их в таких формах и употребляют, то это следует принять.

1.3. Простые топонимы и микротопонимы

В эту группу входят топонимы, состоящие только из одного корня: *Сел* (гора, с.Муж.)¹, *Хурзан* (местность, с.Рев.), *Ёбид* (степь, с.Рев.), *Чешил* - Чешил (гора, с.Х.С.), *Шур* (гора, с.Х.С.), *Азба-Агба* (гор, с.Эс. П.), *Шарра* (местность, водопад, с.Рев.), *Сой* (местность, с.Муж.), *Анс* (гора, с.Эс.П.), *Хунар* (гора, с.Эс.П.), *Лагж-Лагж* (гора, с.Рев.), *Калф* (гора, с.Х.С.) и другие.

Следует отметить, что топонимы, имеющие простую структуру, одновременно с тем, что имеют широкую сферу употребления как имя нарицательное, употребляются и как имена собственные, то есть они применяются как название местности. Например, топонимы «азба», «дашт», «қишлоқ», «қўтан», «қудик», «сел», «сой», «шарра» («перевал», «степь», «кишлак», «отара», «колодец», «сель», «овраг», «водопад»), которые как имя нарицательное весьма продуктивны. Собранные топонимы свидетельствуют о том, что они употреблены и как имена собственные.

Не следует забывать, что некоторые топонимы, по составу классифицированные нами как простые, возможно, в прошлом были составными или сложными, но сегодня их составные части утратили свою самостоятельность, и трудно определить, какая их часть является формантом, а какая часть словообразовательной основой. Этот факт особенно касается топонимов, не имеющих таджикское происхождение.

1.4. Производные топонимы и микротопонимы

Производные топонимы охватывают ту группу слов-названий, которые состоят из корня и топоформантов, образующих топонимы. Следует отметить, что в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи подобного рода географические названия применяются весьма широко и являются очень популярными. Собранный иллюстративный материал

---

¹ Далее в диссертации названия селений будут приведены в сокращенной форме, в разделе «Сокращения» будут представлены полные формы их написания.

свидетельствует о том, что данная группа топоформантов принимает активное участие в образовании топонимов изучаемого региона. Известно, что образование слов с помощью суффиксов «в языкознании, особенно в таджикском языке, является обычным явлением» [106, 25]. Исследование на базе этих географических названий «...позволяет исследователям определить общие и повторяющиеся элементы топонимов: определить топонимические основы, образующие топонимы суффиксы и приставки» [78, 19].

Топоформанты Центральной Сады Горной Масчи по языковой принадлежности целесообразно разделить на две группы. Первая группа, охватывающая большую часть топоформантов, образующих топонимы, относится к таджикскому языку, и её толкование возможно на этой основе. Вторая группа принадлежит к согдийскому языку, которая внесла вклад в дело образования нескольких топонимов региона.

1.4.1 Таджикские топоформанты

Справедливо, что истоки Зарафшана, в том числе Центральной Сады Горной Масчи входили в состав территории согдийского языка. По истечении времени согдийский язык в регионе уступил своё место таджикскому языку. Известно, что изменение языка населения региона оставляет свой заметный след в его топонимах, и это явление мы хорошо можем заметить на примере микротопонимической системы Центральной Сады Горной Масчи.

Меньшая устойчивость микротопонимов по сравнению с топонимами под влиянием языка населения способствует тому, что в топонимической системе одного региона можно заметить элементы словарного состава нескольких языков.

1.4.1.1. Формант «-зор»

Прежде чем приступить к изучению топоформантов, следует отметить, что термин *формант* синонимичен и по своим задачам идентичен суффиксу.

Форманты преимущественно употребляются при образовании топонимов, суффиксы же свойственны обычным словам.

В Центральной Сады Горной Масчи этот топоформант имеет широкую сферу применения, и большая группа микротопонимов региона образовалась с его помощью. Авторы книги «Забони адабии хозираи тоҷик» («Современный таджикский литературный язык» (далее «СТЛЯ»)) справедливо отмечают, что «этот суффикс соотносится с существительным и обозначает местность и достаток. Суффикс «-зор» в основном употребляется в составе существительных, обозначающих растения» [89, 142]. Этот формант в таджикском языке имеет древнюю историю, и его применение наблюдалось еще в среднеперсидском языке. Как отмечает видный ученый Д. Саймиддинов, он «наблюдается в образовании ряда существительных со значением места» [143, 126]. Продолжая свои размышления, автор подчеркивает, что «этот суффикс постоянное и временное место одинаково выражает в зависимости от значения номинативной части. Этимология суффикса «-zar» и его употребление в среднеперсидском языке не выявлены. Существует гипотеза, что «-zar» в среднеперсидский язык вошёл не как самостоятельная часть, а как вторая часть какой-то древнеиранской структуры, позже в этой форме стал применяться в образовании новых слов» [143, 126].

Данный топоформант в Центральной Сады Горной Масчи в основном приводится, как отмечают авторы «СТЛЯ», с существительными, обозначающими названия растений. Они выражают местность, где в обилии растут те или иные виды растений: *Бутта+зор=Буттазор* (гора, с.Х.С.), *Вагнич+зор=Вагничзор*–*Вагнич+зор=Вагничзор* (гора, с.Х.С.), *Эшум+зор=Эшумзор* (гора, с.Рог.), *Рова+зор=Ровазор* (гора, с.Эс.), *Загоса+зор= Загосазор*–*Загора+зор= Загоразор* (гора, с.Х.С.), *Ма(р)з+зор=Марззор* –*Ма(р)г+зор=Маргзор* (местность, с.Рев.), *Фулар+зор=Фуларзор*–*Гулар+зор=Гуларзор* (пастбище, с.Х.О.).

1.4.1.2. Формант «-ак»

Этот служащий для образования топонима формант также имеет древнюю историю, и в древнеперсидском языке (далее - д.п.) приводится как «-ака >, ср.п. -ак>, н.п. -ак» [133, 29; 121, 204-205]. В Центральной Сады Горной Масчи весьма продуктивным является топоформант «-ак», внесший значительный вклад в дело формирования микротопонимии этого региона. Авторы книги «СТЛЯ», отмечая широкое применение суффикса «-ар» в таджикском литературном языке, отметили, что он имеет пять значений [58, 137-138]. Они отметили его употребление и в уменьшительно-ласкательном значении [58, 151]. Профессор М. Касимова, подчёркивая наличие этого суффикса в письменном наследии IX-X веков, отмечает, что он употребляется в уменьшительно-ласкательном значении, в значении уничижительном и оскорбительном [100, 150]. Р. Шодиев также утверждает, что «этот формант выражает смысловые оттенки меньшинства, уничижения, неуважения, уменьшительно - ласкательности» [162, 135].

Собранный материал показывает, что этот топоформант, помимо значений, приведённых в книге «СТЛЯ» и монографии Р. Шодиева, в микротопонимической системе Центральной Сады Горной Масчи передает и другие значения. Применения данного топоформанта определяется следующим образом:

а) служить доказательством в смысле меньше, чем что-то другое: *Даит+ак=Даитак* (засеянный участок земли, с.Муж.), *Чешил+ак=Чешилак* - *Чешил+ак=Чешилак* (гора, с.Х.С.);

б) сочетаться с понятиями, выражающими названия селений, как синоним суффикса «зор»: *Вагнич+ак=Вагничак* - *Вагнич+ак=Вагничак* (земля, с.Х.С.), *Фуш+ак=Фушак* - *Фуш+ак=Фушак* (гора, с.Х.С.), *Бед+ак=Бедак* (местность, с.Эс.), *Рем+ак=Ремак* (гора, с.Рог.), *Курт+ак=Куртак* (гора, с.Рев.), *Марг+ак=Маргак* - *Марг+ак=Маргак* (гора, с.Муж.);

в) служить доказательством места: *Сабил+ак=Сабилак* (земля, с.Рев.), *Ҳисор+ак=Ҳисорак-Хисор+ак=Хисорак* (местность, с. Х. С.), *Тунд+ак=Тундак* (гора, с.Х.С.), *Парафт+ак=Парафтак* (гора, с.Х.О.), *Лалм+ак=Лалмак* (гора, с.Муж.), *Парч+ак=Парчак* (гора, с.Эс.), *Шах+ак=Шахак* (местность, с.Рев.) и др.;

г) указывает на схожесть местности с каким-либо предметом, какой-либо вещью: *Шахи Нов+ак=Новак* (местность, с.Рев), то есть местность, на которой имеется *шах* (утёс, глыба, скала), подобный *нов* (водосточная труба, жёлоб, водосток).

Следует отметить, что в данном регионе топоформант «-ак» является наиболее употребительным окончанием, и можно привести примеры сотен топонимов, образовавшихся с его помощью. В том числе, *Бедак* (местность, с.Х.С.), *Кӯҳак* - Кухак (гора, с.Рев), *Мурак* (местность, с.Рев, д.), *Локурак* (местность, с.Муж), *Даштак* (местность, с.Х.С.), *Ремак* (гора, с.Рог), *Загосазорак* -Загосазорак (гора, с.Х.С.), *Прафтак* (гора, с.Эс.П).

1.4.1.3. Формант «-ҳо//-о»

Этот формант в таджикском языке преимущественно имеет специфику образования формы множественного числа существительных. Необходимо отметить, что «в истории иранских языков этот суффикс, как и в современном таджикском литературном языке, имел специфику образования множественного числа и считался одной из морфологических категорий...этот суффикс в современной ономастике приобрел специфику окончания, образующего название» [106, 26].

Топоформант «-ҳо» («-хо») и сокращенная его форма «-о») в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи являются продуктивным и принимают активное участие в образовании топонимов региона. Изучение собранных материалов показало, что причина использования данного топоформанта в двух видах заключается в том, что при завершении слова-названия на гласную, он приводится в форме «-хо»:

Калтудахо (гора, с.Х.О.), *Манорахо* (гора, с.Рев), *Найчахо* (гора, с.Х.О.), *Сухтахо* (гора, с.Эс). Но при завершении слова-названия на согласную фонему используется форма «-о»). Исследователи, заметив наличие этого суффикса в топонимике других регионов, отметили, что он «от существительных, прилагательных, числительных и т.д. образовал ойконимы и оронимы» [106, 26]. Отмеченные особенности данного топоформанта можно заметить и в микротопонимической системе Центральной Сады Горной Масчи:

а) от существительного: *Калч+о=Калчо* (гора, с.Х.С.), *Визн+о=Визно* (гора, с.Х.С.), *Кул+о=Куло-Кул+о=Куло* (гора, с.Рев.), *Бет+о=Бето* (степь, с.Рог.), *Карафс+о=Карафсо* (пастбище, с.Х.О.), *Сел+о=Село* (гора, с.Муж.), *Боги Фут+о=Футо-Боги Гут+о=Гуто* (сад, с.Х.О.) и др.;

б) от прилагательных и существительных: *Сиё (сиёҳ-сиёҳ)+санк (санг)+о=Сиёсанко* (местность, с.Муж.), *Калта+мур+ак+о=Калтамуро* (гора, с.Х.С.);

1.4.1.4. Формант «-ун (-он)»

Топоформант «-он», находящийся в употреблении в *Садаи Миёна* Горной Масчи в форме «-ун», имеет очень древнюю историю. Исследователи установили, что этот формант, образующий топоним, то есть «-ānз» в древнеперсидском языке зафиксирован в форме «-ānma», в авестийском «-ānam», в среднеперсидском языке «-ān», в новоперсидском языке «-ān» (87, 208). Отсюда вытекает, что суффикс «-он», находящийся в употреблении сегодня, берет своё начало от «ān»- древнеперсидского языка. Для подтверждения своей точки зрения учёные исследуют топонимы *Исфакон-Исфакон* (в классическом персидском *Sipāhān/Isfāhān*, современном персидском *Esfāhān* (название города)<среднеперсидском *Spāhān* от *spāh* «чанговар, *сипоҳ*–воин; войско, армия», -ān<в древнеиранском – *ānām*; *Ēgān* – в классическом персидском, таджикском – Иран, в современном персидском – *Irān* «Ирон» (Иран)<в среднеперсидском - *Ēgān*<в древнеперсидском

*aryānām аз **arya-*, в древнеперсидском – *ariya-*, в авестийском – *aiyuā* – в арийском (87, 208).

Этот суффикс достаточно активен в образовании топонимов Центральной Сады Горной Масчи, но находится в употреблении изменённая её форма, то есть «-ун». Причина применения этой формы топоформанта заключается в том, что в произношении жителей этого региона в большинстве слов гласный «о» чередуется с «у». Например: *хона* – *хуна* (1. комната, помещение; 2. жилище, жильё; 3. здание, дом и др.); *нон* – *нун* (хлеб), *омадан* – *умадан* (приходить), *меҳмон* – *меҳмун* (гость), *калон* – *калун* (1. большой, крупный; 2. старший; 3. взрослый; 4. важный, значительный; 5. глава;) и др. Этот фактор послужил причиной того, что топоформант «-он» стал употребляться и в форме «-ун», и это естественно, что способ произношения населения местности оставляет свой след в микротопонимах.

Данный формант относится к разряду формообразующих суффиксов, и в большинстве случаев существительные множественного числа образуются с его помощью. И в данном случае он выполнил функцию образования множественного числа: *Чашмаи Гов-ун* (пастбище, д. Х.С.), *Чори Асп-ун* (пастбище, с.М.), *Мазори Зог-ун* – Мазори Зогун (могила, гробница, кладбище, д.Х.О.), *Сари Миж-гун* (местность, с.Х.С.), и по той причине, что топоним оканчивается на согласный, этот суффикс использован и в форме «-юн»: *Фузн-и-юн* - *Гузниюн* (гора, д.Рев.).

Следует отметить, что замена гласной фонемы «о» на «у» не является спецификой Центральной Сады Горной Масчи, это чередование гласных наблюдается и в других регионах.

1.4.1.5. Формант «-а»

Этот формант принял участие в образовании ряда микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи. Наличие этого суффикса исследователи определили в структуре ряда составных слов средневекового наследия. Профессор М. Касимова, обнаружив данный формант в текстах IX-X

столетий, подчеркивает, что «суффикс «-а» образует существительные и причастия» [100, 148]. Авторы «СТЛЯ» по поводу данного форманта пишут: «С помощью суффикса «-а» из прилагательных и существительных образуются существительные со значением места» [58, 142]. Установив наличие данного топоформанта в составе ряда топонимов, исследователи отметили её идентичность с суффиксом современного таджикского языка [106, 28]. Следует отметить, что топоформант «-а» в Центральной Сады Горной Масчи преимущественно приводится в составе сложных слов: *Ду+об+а=Дуоба* (гора, с.Х.О.), *Сел+рах+а= Селраха* - Селраха (местность, с.Муж.), *Дураха* - Дураха (местность, с.Х.О.) и другие.

1.4.1.6. Формант «-ī»

Авторы книги «СТЛЯ», отмечая продуктивность данного топоформанта в современном таджикском литературном языке, говорят о двух его основных задачах: во-первых, на основе существительного образует новое существительное и, во-вторых, на основе прилагательного образует существительное, которое обозначает предмет по признаку [58, 139]. Обнаружив наличие данного суффикса в текстах IX-X веков, исследователи подчеркнули, что он участвует в образовании существительных и прилагательных. Например, *caned+ī=canedī*; ...из пехлевийского языка перевел в този [100, 156]. Следует напомнить, что исследователи истории иранских языков, в том числе таджикского, В.С.Расторгуева, В.А.Ефимов, Е.Н.Шарова в своих фундаментальных исследованиях отмечают, что в классическом и современном персидском (таджикском) языке имеет место два словообразовательного суффикса «-ī»: а) в классическом персидском: «-ī₁», «-gī»; таджикском: «-ī₁», «-gī (-ī₁, -gī)», в современном фарси: «-ī₁», «-gī₁»<в позднем среднеперсидском, «-īg», в более древнем «-īk», являясь продуктивным суффиксом, образует: а) из существительных - относительные прилагательные: в персидском классическом - *kōhī* (от *kōh*), в языке дари

kūhī, в таджикском: kūhī, сравните: в позднем среднеперсидском - kōfīg, в среднеперсидском, в относительно древнем - kōfīk; или в персидском таджикском - xānagī (от xāna), в языке дари - xānagī, в таджикском - xōnagī (*хонагӣ*- 1. домашний; комнатный; 2. приготовленный дома и др.), в современном фарси - xānagī; иногда в процессе перехода в существительные (субстантивации): в языке дари - bārānī (от bārān), в таджикском - bârānī (*боронӣ* – 1. дождевик; плащ-накидка; 2. дождевой; 3. дождливый;), в современном фарси - bârānī< в среднеперсидском - vārānīg (vārānīk) [87, 214]; б) в персидском классическом, дари «-ī₂», «-gī₂»; таджикском «-i₂», «-gi₂ (-й₂, -гй₂)», в среднеперсидском «-ī₂»<в среднеперсидском «-īh» - продуктивный суффикс, образующий существительные значения, смысла: 1) из прилагательных: в персидском классическом, *дари* - badī (от bad), в таджикском - badī<в среднеперсидском vadīh (vatīh); 2) из существительных: в персидском классическом - dōstī (от dōst), в дари - dūstī, в таджикском - dūstī (*дӯстӣ* – дружба; расположение), в современном фарси - dūstī<в среднеперсидском - dōstīh (dwstyh) [56, 214].

Исследователи отметили образование ряда топонимов северной части Гисарской долины посредством этого форманта [195, 116]. Мы выявили участие этого топоформанта в образовании ряда топонимов Центральной Сады Горной Масчи, которые в основном выполняли две функции:

1. Из прилагательных образовывали существительные: *Тундӣ* -Тунди (гора, с.Х.С.), *Качҷӣ* - Каджи (гора, с.Х.С.), *Борикӣ* - Борики (путь, дорога, с.Х.О.); *Пастӣ* - Пасты (степь, с.Эс.П.).

2. Указывают на принадлежность земли, сада, степи, поля и т.п. тому или иному лицу: *Замини Халилӣ* (земля, с.Х.С.), *Боги Бобой* –Боги Бобои (сад, с.Х.С.).

1.4.1.7. Формант «-стун//-истун (-стон//-истон)»

Топоформант «-стон», в *Садаи Миёна* Горной Масчи употребляется в форме «-стун//-истун», с его участием образовалось несколько топонимов

этого региона. Он имеет в таджикском языке древнюю историю. Преодолев значительный промежуток исторической эпохи, этот формант, позже обрел нынешнюю форму. Исследователи истории языка придерживаются мнения, что суффикс «-stān// -estān» в древнеиранском имел форму «*stāna», в авестийском и древнеперсидском «-stāna» в значении места «ҷой» («1. место; 2. помещение, жилище; приют и т.п.»), от корня «*sta» – «истодан» (1. стоять; 2. пребывать; жить; 3. останавливаться;) [143, 125].

Профессор Д. Саймиддинов отметил следующие функции, которые имел данный суффикс в среднеперсидском языке: «из конкретных существительных образовывал существительные со значением места: а) от существительных места...; б) от личных имён населения и племён - географические названия...; в) от места и региона достатка...; г) от места и региона хранения...; д) от существительных «значения, смысла»... [143, 152-126].

Следует отметить, что этот топоформант в исследуемом регионе имел ограниченную сферу употребления. Данные нашего исследования показали, что он принял участи лишь в образовании двух топонимов: во-первых, в образовании топонима *Қабристон (Кабристон)*, который одновременно с тем, что является существительным нарицательным, в Центральной Сады Горной Масчи употребляется и как имя собственное, то есть является названием местности в виде *Қавристун (Кавристун): Қавристуни Исмоилиҳо, Қавристуни Сари Саро, Қавристуни Дехбурун*.

Во-вторых, в образовании топонима *Хумистун*, с помощью которого дано название местности в селении Рогиф Центральной Сады Горной Масчи. Авторы «СТЯ» его значение семантизируют как «место, где хранятся кувшины с вином» [61, 2, 503]. Составители других топонимических словарей, как «*Бурхони котеъ*», «*Лугатнома*» Деххудо значение этого словарного элемента комментируют следующим образом: «*Хумистон*, как и *гулистон*, выражает «кабачок, погребок, питейное заведение»; также называют печь для обжигания гончарных изделий и кирпича» [15, 402], «1.

дом винодела, где в подземное помещение размещены кувшины, его также называют *хумхона* или *хумкада* (хранилище кувшинов); 2. печь для обжигания керамики» [210].

Но место расположения данной местности, вопреки сказанному авторами словарей, означает противоположное, ибо оно является названием высокогорья в селении Рогиф, где нет никаких условий для существования кувшинов или места их хранения. Так, выясняется, что корень этого микропонима берет своё начало в другом месте, значение же, закреплённое за ним, приписанное составителями словарей, для него не подходит, ибо одним из условий толкования топонимов является приведение словарного значения в соответствие с географическим местоположением слова-названия.

1.4.1.8. Формант «-гаҳ//-гоҳ»

Формант «-гаҳ (-гоҳ)» и его фонетический вариант «-га» имеют большую активность в формировании топонимов исследуемого региона, он способствовал образованию географических названий из разных форм имён существительных. Исследователи сферы топонимики отметили наличие данного суффикса и в других регионах [106, 27]. Следует отметить, что данный формант в древнеперсидском языке зафиксирован в форме «gāva» и имеет значение «*ҷой, маҳал* (место, местность)», «gātu» «*макон, тахт* (место, стоянка, местопребывание; трон, престол)», в среднеперсидском «gāh» «*макон, тахт* (место, местность, стоянка; трон, престол)» [132, 140]. В современном таджикском языке суффикс находится в широком употреблении в форме «-гоҳ» («-гох»). Этот топоформант в Центральной Сады Горной Масчи находится в широком употреблении, и благодаря ему образовано большое количество географических названий. Собранный материал показал, что данный топоформант в этом регионе находится в широком применении преимущественно в форме «-гаҳ//-га», а вариант «-гоҳ» менее распространен: *Наврӯз+гаҳ=Наврӯзгаҳ* (гора, с.Х.С.), *Оғал+гаҳ=Оғалгаҳ* (кочевье, горное пастбище, с.Х.О.),

Нимрӯз+гаҳ=Нимрӯзгаҳ (пастбище, с.Х.С.), *Шаб+гаҳ=Шабгаҳ* (пастбище, с.Муж.), *Шоба+га=Шобага* (местность, с.Х.С.), *Шикор+га=Шикорга* (гора, с.Рев.), *Нишун+га=Нишунга* (земля, с.Рев.) и др.

1.4.1.9. Формант «-дон//дун»

Формант «-дун» в исследуемом регионе является менее употребительным. Имеются лишь два микропонима, которые образованы с его помощью: *Яхдун* (гора, с.Х.С.), *Регдун* (гора, с.Рев.). Лингвист М. Касимова, обнаружив суффикс «-дон» в литературном наследии X века, отметила, что он принимает участие в образовании существительных [100, 154]. Р.Х.Додихудоев, взяв на заметку наличие этого форманта в составе микропонимов Памира, констатирует, что с помощью этого суффикса в данном регионе образовано 13 топонимов [170, 8]. Таким же образом языковед Т. Максудов при рассмотрении лексики и фразеологии диалекта Исфары в разделе «*Диалектизмҳои топонимикӣ*» («Топонимические диалектизмы») приводит примеры нескольких топонимов, образованных с помощью топоформанта «-дон//дун», например, *Кадун*, *Загердун*, *Тидун* и другие [103, 34].

Профессор А. Л. Хромов также в своей работе «Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана» приводит микропонимы, образованные с помощью этого топоформанта: *Ях-дун* и *Рег-дун* [154, 18]. Данное обстоятельство становится доказательством того, что формирование географических названий при участии этого форманта в пределах Зеравшана не имело широкого распространения. Если бы этот топоформант находился в широком применении, то была бы возможность обнаружить и другие топонимы, образованные с его помощью.

Как и в подавляющем большинстве диалектов таджикского языка, в говоре жителей Центральной Сады Горной Масчи суффикс «-дон» в форме «-дун» применяется в составе слов «*каҳдун*» («сеновал») и «*намакадун*» («солонка»). Кроме того, в исследуемом диалекте «-дун (-дон)» весьма

употребителен в роли самостоятельного слова со значением «дона» («зерно, семя»).

1.4.1.10. Формант «-ча»

Данный топоформант в исследуемом регионе имеет ограниченную сферу функционирования и по сравнению с другими формантами менее употребителен. Заметив его в составе ряда географических названий северной части Гисарской долины, профессор О. Махмаджанов пишет: «Этот вид форманта соответствует уменьшительно-ласкательному суффиксу «-ча»-современного таджикского языка и в топонимии регионов указывает на малые размеры местности» [106, 29]. Важно отметить, что топоформант «-ча» в Центральной Сады Горной Масчи соответствует тому, что отметил О.Махмаджанов: *Заминча* (земля, с.Муж.), *Қадди оғалча* (местность, с.Муж), *Таги Бозча* (сад, с.Х.С.).

Также из собранных нами материалов стало очевидно, что группа микропонимов данного региона образована с помощью одного корня и двух формантов. Наблюдения показывают, что подобного рода названия преимущественно являются фитотопонимами, то есть суффиксы, сочетаясь с названиями трав и растений, образовали название местности: *Рова+зор+ак=Ровазорак* (гора, с.Х.С.), *Загоса+зор+ак=Загосазорак* (*Загоса+зор+ак=Загосазорак*) (гора, с.Х.С.), *Бутта+зор+ак=Буттазорак* (гора, с.Х.С.), *Сабил+ак+о=Сабилако* (местность, с.Рев.). Даже были замечены примеры слов, образованных в форме двух корней и двух суффиксов: *Калта+мур+ак+о=Калтамурако* (гора, с.Х.С.).

Одним словом, как и большая часть топонимов и микропонимов Центральной Сады Горной Масчи, топоформанты региона имеют таджикское происхождение, и их рассмотрение и толкование целесообразно на этой почве. На наш взгляд, причина обилия таджикских топоформантов в исследуемом регионе заключается в том, что таджикский язык функционирует в Центральной Сады Горной Масчи уже более тысячи лет и

является языком общения его населения. Это естественно, что язык жителей местности оставляет след в топонимической системе региона, особенно язык, на котором население местности говорит уже более тысячи лет.

1.4.2. Согдийские топоформанты

Как было отмечено выше, учёными отрасли уже доказано, что верховья Зеравшана, в том числе Центральной Сады Горной Масчи, были когда-то территорией формирования и функционирования согдийского языка. Хотя и прошло более тысячи лет со времени выхода его из употребления, его влияние на топонимы края ощущается отчетливо. Слова, которые достались нам в наследство из согдийского языка, обрели свою форму в различных видах. Собранные материалы показывают, что большая часть этих слов сохранилась в форме составных слов, то есть они образованы от корня и топоформантов.

Лингвистическая наука, особенно этимология, определила, что группа формантов, образующих топонимы, в прошлом была в употреблении как самостоятельная лексическая единица со своей семантикой, но с течением времени они потеряли свою семантическую самостоятельность и примкнули к ряду вспомогательных единиц. Согдийские топоформанты, о которых мы говорим, возможно, также в прошлом были самостоятельными словами, но иллюстративные материалы свидетельствуют о том, что они уже примкнули к группе вспомогательных элементов.

1.4.2.1. Формант «-кат»

Формант «-кат» является одним из продуктивных топоформантов (согдийская форма - kas), который встречается не только в структуре микротопонимов, но с его помощью образованы значительное число топонимов. Важно отметить, что границы распространения этого форманта весьма велики, и исследователи встретили примеры широкого его применения при образовании географических названий в различных

регионах. И сегодня можно упомянуть достаточное количество городов и селений, в названиях которых содержится топоформант «-кат».

Известный таджикский исследователь Туракул Зехни, изучив суффикс «-кат», отметил шесть значений, в которых он употребляется:

1) в значении «*тахта*, кровать»; 2) некоторые нарицательные существительные указывают на то, что это слово (*кат* – О.А.) используется в значении «дом»; 3) данное слово выражает также значение «селение»; 4) используется также в значении «город»; 5) по данным словаря «*Фиёс-ул-луғот*» «-кат» употребляется в значении «*топчан*, широкий деревянный постамент на четырёх ножках»; 6) имеет также значение «кяриз, подземный оросительный канал» [91, 107].

А. Девонакулов при рассмотрении топонима *Тошканд* (Ташкент) по поводу топоформанта «-кат» пишет, что пахлевийский «... «канд» существует в виде «*канта*» (*kahta*), а также в виде согдийского «*канп*» (*kanp*)», то есть «*шахр*» («город»...)» [49, 152].

А. Рустамов справедливо отмечает, «хотя топонимы, образовавшиеся с помощью «-кат» на севере Таджикистана и в Узбекистане являются названиями населённых пунктов, но у истоков Зеравшана и в ущелье *Киштуд* выражают разные безлюдные места» [201, 36]. Следует отметить, что в Центральной Сады Горной Масчи замечены два географических названия, содержащие в своем составе топоформант «-кат»: *Хушникат* (гора, с.Рев) и *Бекат* (местность, с.Рев.).

Важно отметить, что микропоним *Хушникат* очень схож с микропонимом *Хушекат* (название селения в Айнинском районе), и, возможно, эти два слова имели общий корень в виде самостоятельной единицы.

Также в говоре жителей Центральной Сады Горной Масчи наблюдается много случаев употребления «*кат*» в значении «кровать», что свидетельствует о широком его применении. Достоин внимания и тот факт,

что «-кат» находится в употреблении во многих диалектах таджикского языка и носит общенародный характер.

1.4.2.2. Формант «-ич»

Профессор О.Махмаджонов, указывая на наличие данного форманта в составе ряда микропонимов северной части Гисарской долины, пишет, что «...данный формант свойственен субстратным географическим названиям и имеет сферу функционирования в регионах, приграничных с долиной Зеравшана и Раштонзамина». Исходя из эту особенность форманта «-ич//уч<(уё)», исследователи считают его суффиксом, образующим в согдийском языке имена существительные, и видят его родство с согдийским словом «quštuc» (*дашт, киштор, замин* - степь, поле, нива, пашня, земля)» [106, 132]. Формант «-ич», имея в иранских языках длительную историю функционирования, берет свои истоки «-её», «-іё < aičiya ср.п. < āka +iya др.п.» в языке фарси, и до сих пор он сохранился в топонимической системе иранских языков [106, 132].

Известный лингвист А. Л. Хромов, высказывая свои соображения по поводу границ распространения географических названий, образованных на территории Таджикистана с топоформантом «-ич/-уч», пишет: «... топоформанты, оканчивающиеся на суффикс «-ич», в топонимической системе верховий реки Зеравшана относительно многочисленны (с.*Артуч, Шамтуч, Хортич, Уптич* и другие), но в ущелье *Ягноб* (с.*Симич*), в долине *Каротегин* (с.*Нимич, Ялдимич, Шинглич*), а также на южных равнинах горных цепей Гисара и Туркестана встречается реже» [207, 93]. Этот исследователь в другой своей статье, посвященной согдийским топонимам родины Рудаки, при рассмотрении топонимов *Рогича* и *Газнича*, высказывая свои мысли относительно суффикса «-ич», отметил, что он приводится в значении места [157, 29].

Лингвист Б.Бердиев, говоря о группе географических названий, образованных посредством этого форманта в верховьях Кофарнихана, пишет,

что «и этот суффикс по своим задачам соответствует согдийскому суффиксу» уё, употребляющимся с существительными» [75, 257].

В Центральной Сады Горной Масчи наблюдается группа топонимов, в составе которых использован этот формант. Следует отметить, что все географические названия, образованные с формантом «-ич», не являются местами обитания людей: *Фарсич-Гарсич* (местность, с.Рев), *Истирич* (местность, с.Эс.П.), *Коки Рович* (гора, с.Муж.), *Хатич//Хутич* (гора, с.Муж.).

1.4.2.3. Формант «-иф»

Этот топоформант находится в широком употреблении не только в Центральной Сады Горной Масчи, но и на всей территории верховья Зеравшана, северной части Гисарской долины, в Бадахшане. По поводу данного суффикса высказали свои суждения многие учёные, в числе которых А.Л.Хромов, Б.Бердиев, О.Махмаджонов, Б.Алиев и другие, доказавшие, приводя неоспоримые факты, что свои истоки он берёт в согдийском языке. По данным исследований известного ономаста А. Л. Хромова, суффикс «-иф» является остатком согдийских говоров верховья долины Зеравшана [205, 85-87].

По подсчётам Б. Алиева, в долине Зеравшана 30 топонимов и в Бадахшане 30 топонимов образовались при участии топоформанта «-иф». Только в Горной Масче посредством данного топоформанта образовано семь селений - *Резгиф*, *Рогиф*, *Худгиф*, *Муждиф*, *Пакииф*, *Ланглиф*, *Водиф* и семь микротопонимов – *Чазандиф* (Джагандиф), *Футгиф* (Гутгиф), *Чориф*, *Зуниф*, *Рухшиф*, *Лодахшиф*, *Лагаргиф*.

В Центральной Сады Горной Масчи посредством данного топоформанта образованы три топонима $Рог+иф=Рогиф$, $Худг+иф=Худгиф$, $Мужд+иф=Муждиф$ и два микротопонима $Чор+иф=Чориф$ (гора, с.Рог.) и $Зун+иф=Зуниф$ (пастбище, с.Эс.П.).

В изучаемом регионе одновременно с формантами-суффиксами иногда встречаются и префиксы. Хотя известный ономаст В. А. Никонов

утверждает, что «...аффиксация – плодотворное средство формирования географических названий, и при этом основную и решающую роль выполняют образующие топонимы префиксы, имеющие по сравнению с суффиксами решающую роль» [114, 23] и О. Махмаджонов подчеркивает, что эта особенность свойственна и географическим названиям Таджикистана, но роль образующих топонимы префиксов в Центральной Сады Горной Масчи незначительна. Мы обнаружили лишь один микротопоним – *Бекат*, который в данном регионе образован с помощью префикса «бе-». Наличие префикса (бе-) в наследии IX-X веков обнаружила лингвист М. Касимова, отметившая, что он принимает участие в образовании наречий и прилагательных [100, 144]. Так же его употребление в составе географических названий замечено в других регионах [71].

Бекат – это название местности в селении *Равомутк* Центральной Сады Горной Масчи, преданный сегодня забвению. Молодое поколение не имеет о нём сведений, и лишь несколько пожилых людей села знают об этом.

Следует отметить, что согдийские топоформанты Центральной Сады Горной Масчи ещё раз свидетельствуют о том, что когда-то этот регион считался местом процветания согдийского языка. Хотя в этом регионе почти тысяча лет назад прекратил своё функционирование согдийский язык, однако этот элемент согдийского языка в топонимической системе региона сохранился. Это свидетельствует о том, что изменить некоторые географические названия не в состоянии даже исчезновение языков, породившие их.

Те элементы географических названий, которые были отнесены нами к группе образующих топонимы топоформантов, возможно, в прошлом были самостоятельными лексическими единицами со своим значением, но исследования показывают, что они лишились своего основного значения и обрели новую функцию. Следует отметить, что это явление свойственно не только согдийскому языку, оно наблюдается во многих других древних языках мира

1.5. Сложные топонимы и микротопонимы

Словообразование – один из основных инструментов совершенствования словарного состава языка. Образование новых слов, имея во всех языках устойчивую связь с разными способами словообразования, расширяет возможности развития языка, благодаря ему носители свободно могут излагать свои мысли. Одним из основных путей образования ясных и выразительных географических названий является именно словообразование.

По поводу образования слов, обозначающих географические названия, в таджикском языкознании хотя и нет самостоятельного научного исследования, некоторые аспекты этой проблемы были рассмотрены при изучении топонимов различных регионов.

Сложные топонимы и микротопонимы Центральной Сады Горной Масчи возникли в основном в форме сложного словообразования подчинительной связи. Следует отметить, что в этой группе слов-названий основным компонентом является существительное, подчиняющее себе другие части речи. Эти модели можно классифицировать следующим образом:

а) существительное+существительное: *Заргуишуна* (гора, с.Рев.), *Тахтапул* (гора, с.Х.С.), *Хирсхуна* (гора, с.Эс.П.), *Хумохуна-Хумохуна* (гора, с.Х.С.);

б) прилагательное+существительное: *Сабзкӯх-Сабзкух* (гора, с.Эс.П.), *Сийсанг* (местность, с.Муж.), *Чандара* (гора, с.Рев.);

в) числительное+существительное: *Сибед* (местность, с.Рев.), *Духуна* (элокчо, с.Рев.), *Ситуда* (гора, с.Рев.);

г) существительное+основа настоящего времени глагола: *Чорвопар* (подножие горы, с.Х.О.), *Санграв* (гора, с.Рев.), *Сангандоз* (местность, с.Рев.), *Харпар* (местность, с.Х.О.);

д) существительное+основа н.вр. глагола+существительное: *Дегрезхуна* (местность, с.Муж.);

е) существительное+причастие: *Музафарнарида* (шах, с.Х.С), *Расулнарида* (шах, с.Х.С.), *Маҳарраҳимнарида-Махаррахимнарида* (шах, с.Рев.), *Азогашта-Азогашта* (гора, с.Х.О.);

ё) существительное+существительное+причастие: *Нодирасангада* (гора, с.Рев.);

Следует отметить, что сложные микротопонимы данного региона образуются не только на базе форм, охватывающих две именные части речи, но и при присоединении к ним суффиксов:

1) сложные топонимы, имеющие формант «-а»: числительное+существительное+а: *Дураҳа-Дураха* (гора, с.Х.О.), *Дуоба* (пастбище, с.Х.О.), *Чорраҳа-Чорраха* (перевал, с.Х.О.);

2) сложные топонимы, имеющие формант «-ак»: существительное + существительное + основа настоящего времени глагола + -ак : *Барфобкунак* (*груда, куча, с.Х.С.*), *Гусолахайкунак - Гусолахайкунак* (гора, с.Х.С.);

3) сложные топонимы, имеющие формант «-й»: существительное + изафетная связка +существительное+основа глагола настоящего времени+й: *Мури Сангиосиёфурорӣ -Мури Сангиосиёфурори* (гора, с.Х.С.);

4) сложные топонимы, имеющие словообразовательный формант «-ҳо//-о»: числительное + существительное+ҳо: *Ситудаҳо-Ситудахо* (гора, с.Рог), *Сидабарозо* (*Сиюдубарозо*) (местность, с.Рог.).

Изучение топонимов и микротопонимов, образованных в форме сложных слов, дает возможность делать выводы о том, что данные формы и модели весьма распространены, и они составляют одну большую группу топонимов региона. Заслуживает внимания тот факт, что данная группа географических названий образовалась в основном в исторических словообразовательных формах таджикского языка.

1.6. Топонимы-словосочетания

Под топонимами-словосочетаниями имеется в виду те разновидности географических названий, которые образованы от двух или более

лексических единиц. Эту группу слов - названий иначе называют составными и многочленными топонимами. С учётом того, что эта группа топонимов образовалась в форме синтаксических словосочетаний, исследователи раздела топонимики говорят о них, используя термин топонимы-словосочетания [34, 34].

Ономасты образование этой группы топонимов в таджикском языке связывают со следующими факторами:

- связь между частями осуществлена с помощью изафетной связки;
- в топонимах-словосочетаниях место компонентов всегда устойчиво;
- каждая часть топонима-словосочетания имеет своё ударение [71, 28].

Учитывая изложенное выше, топонимы-словосочетания Центральной Сады Горной Масчи можно разделить на следующие группы:

а) именное словосочетание (существительное+и+существительное): *Нови Қарғ-Нови Карк* (гора, с.Х.С.), *Шахи Қутан-Шахи Қутан* (пастбище, с.Х.С.), *Нови Бед* (пастбище, с.Рев), *Мури Ремак* (гора, с.Рог);

б) именное словосочетание (существительное+и+прилагательное): *Мури Сабз* (гора, с.Х.С.), *Мури Борик* (пастбище, с.Х.С.), *Қули Чуқур-Қули Чуқур* (гора, с.Х.С.), *Сели Калун* (гора, с.Х.С.), *Нови Кач-Нови Кач* (гора, с.Эс.П.), *Шахи Зард* (крупная скала, с.Х.С.);

в) именное словосочетание (существительное+и+прилагательное +и+числительное): *Мури Сабзи Якум* (гора, с.Х.С.), *Мури Сабзи Дуюм* (гора, с.Х.С.);

г) именное словосочетание (существительное+и+существительное +и+прилагательное): *Пастии Хоки Сурх* (местность, с.Эс.Бол.);

д) именное словосочетание (существительное+и+существительное): *Замини Бадал* (земля, с.Х.С.), *Боги Шосайд-Боги Шосайд* (сад, с.Рев.), *Бармоли Мулоабдукарим* (засеянный участок земли, с.Рев.), *Ҷангали Фатхулло-Джангали Фатхулло* (лес, с.Муж.);

е) именованное словосочетание (существительное+и+существительное): *Сари Қалъа-Сари Калъа* (местность, с.Рог.), *Замини Қулак-Замини Кулак* (земля, с.Х.С.), *Нови Порут* (гора, с.Рев.), *Тағоби Ревад* (ущелье, с.Эс.П.).

В подобного рода топонимах один компонент является основным и выполняет функцию определяемого. «В качестве основного компонента топонимов-словосочетаний преимущественно используются слова-местные географические термины. Такой вид географических терминов в современной ономастике называют понятием термины-индикаторы местности» [106, 35]. Профессор О. Махмаджанов при изучении микропонимов северной части Гисарской долины отмечает, что группа микропонимов, имеющих форму словосочетаний, образованы с помощью различных терминов-индикаторов [106, 36].

Следует отметить, что большая группа микропонимов Центральной Сады Горной Масчи, имеющие форму изафетного словосочетания, образовались с помощью терминов-индикаторов «*замин*» («земля»), «*боғ*» («сад»), «*қул*» («пастбище»), «*дашт*» («степь, равнина»), «*мур*» (ложбина), «*чар*» (1. «ров»; 2. «пропасть, обрыв, круча»), «*сел*» («ливень, сель») и др., которые мы, опираясь на приведенную выше классификацию, группировали следующим образом:

1) с термином-индикатором «*замин*» («земля»): *Замини Тура* (земля, с.Рев), *Замини Вахм* (замин, с.Х.С.), *Замини Қаллошӣ-Замини Каллоши* (земля, с.Х.С.);

2) с термином-индикатором «*чашма*» («источник; родник, ключ»): *Чашми Шӯр-Чашми Шур* (гора, с.Х.С.), *Чашми Калун* (источник, ключ, родник), с.Х.С.), *Чашми Чамила-Чашма Джамия* (источник, родник, ключ, с.Муж.), *Чашми Миразиз* (источник, с.Рев.) *Чашми Бошахуна* (местность, с.Эс.П.);

3) с термином-индикатором «*нов*» («водосточная труба, жёлоб, вотосток»): *Нови Пиёз* (гора, с.Эс.), *Нови Бед* (гора, с.Рев.), *Нови Чешил-Нов*

Джешил (гора, с.Х.С.), *Нови Тоба* (гора, с.Х.О.), *Нови Кач*-Нови Кадж (гора, с.Х.С.), *Нови Калчо* (гора, с.Рев.), *Нови Қарғ*-Нов Карг (гора, с.Х.С.);

4) с термином-индикатором «*қутан*» («загон для скота»): *Қутанои Бобошодӣ*-Кутан Бобошоди (гора, с.Эс.), *Қутанои Тура*-Кутан Тура (степь, с.Рев.), *Қутани Қешил*-Кутан Джешил (пастбище, с.Х.С.), *Қутани Сангпуш*-Кутан Сангпуш (пастбище, с.Х.О.), *Қутани Чигбаст*-Кутан Чигбаст (гора, с.Муж.), *Қутани Миона*-Кутан Миона (местность, с.Муж.);

5) с термином-индикатором «*қудик*» (колодец): *Қудикои Нови Бед*-Кудик Нов Бед (гора, с.Х.С.), *Қудики Тағоби Бето*-Кудик Тағоб Бето (гора, с.Рог.);

6) с термином-индикатором «*қул*» (пастбище): *Қули Усмун*-Кул Усмана (местность, с.Рев.), *Қули Шахи Зард*-Кул Шах Зард (пастбище, с.Х.С.), *Қули Устониёз*-Кул Устонияза (пастбище, с.Муж.), *Қули Зардолияк* –Кул Зардолияк (пастбище, с.Х.С.), *Қули Даҳана*-Кул Даҳаны (местность, д.Хайр.);

7) с термином-индикатором «*шарра*» (звукподр. шум, журчанье): *Шарри Осий* (местность, с.Х.С.), *Шарраи Азим* (1. ручей; 2. арык; канава), с.Х.О.), *Шарраи Мулоқурбун*-Шарра Мулоқурбана (сад, с.Рев.), *Шарраи Сидаҳмад*-Шарр Сидаҳмада (1. ручей; 2. арык; канава, с.Х.С.);

8) с термином-индикатором «*мур*//*мурак*»: *Мураки Турсун* (земля, с.Х.С.), *Мурои Бачаи Дарё* (гора, с.Рог.), *Мури Қарғ*-Мура Карг (гора, с.Х.С.), *Муракои Сангпуш* (гора, с.Х.О.), *Сари Мурак* (местность, с.Рев.);

9) с термином-индикатором «*тега*» («1. лезвие, остриё; 2. вершина, верхушка; гребень и др.): *Теги Нови Сел*-Теги Нови Сел (гора, с.Рев.), *Теги Харкусикзор*-Теги Харкусикзор (гора, с.Х.С.);

10) с термином-индикатором «*испун*»: *Испуни Абдукарим* (местность, с.Рев.), *Испуни Олим* (испун, с.Х.С.), *Испуни Фурригӣ*-Испун Гурриги (испун, с.Х.С.), *Испуни Боймаҳмад* (местность, с.Муж.), *Испуни Ниёзбоқӣ*-Испун Ниёзбоки (испун, с.Эс.Б.);

11) с термином-индикатором «*боғ*» («сад»): *Боғи Тура*-Боги Тура (сад, с.Рев.), *Боғи Ғуто*-Боги Гуто (сад, с.Х.О.), *Боғи Қаллошӣ*-Бог Каллоши (сад, с.Х.С.);

12) с термином-индикатором «*ку//куҳ*» (*кӯҳ*-гора): *Кӯҳи Санги Зард*-Кух Санги Зард (гора, с.Эс.Б.), *Кӯҳи Мунд*-Кухи Мунд (гора, с.Хайр.), *Кӯҳи Чиг*-Кух Чиг (гора, с.Х.О.), *Кӯҳаки Миюна*-Кухак Миюна (гора, с.Х.С.);

13) с термином-индикатором «*чор*» («узкое ущелье»): *Чори Аспун* (гора, с.Эс.Б.), *Чори Ёдгор* (гора, с.Муж.), *Чори Тағоби Рогиф* (гора, с.Рог.), *Чори Ҷешил*-Чори Джешил (гора, с.Х.С.);

14) с термином-индикатором «*марғзор*» (*марғзор*- луг, лужайка, покрытая травой): *Сари Мағзор*-Сар Мағзор (местность, с.Х.С.), *Тии Мағзор*-Тии Мағзор (местность, с.Рев.), *Мағзори Боло*-Мағзор Боло (местность, с.Х.С.);

15) с термином-индикатором «*шах*» («крупная скала»): *Шахи Чорвопар* (скала, с.Х.О.), *Шахи Калморхуна* (скала, с.Х.О.), *Шахи Кулула* (скала, с.Х.С.), *Шаҳои Навишта* (местность, с.Рев.), *Шахи Ҳисор*-Шах Гисара (гора, с.Рев.), *Шахаҳои Пул* (местность, с.Х.О.);

16) с термином-индикатором «*санг*» («камень»): *Санги Сиё* (местность, с.Х.С.), *Санги Махтарма*-Санги Махтарма (гора, с.Рев.), *Деҳи Санги Фул*-Деҳи Санги Гул (мавзеъ, с.Муж.), *Санги Аккашинак* (местность, с.Эс.П.);

17) с термином-индикатором «*дашт*» («степь»): *Дашти Бето* (степь, с.Рог.), *Дашти Боғулупия*-Дашт Боғулупия (местность, с.Рев.), *Дашти Тура* (местность, с.Рев.), *Дашти Эсиз* (местность, с.Эс.П.), *Таҳдашти Муждиф*-Тахдашт Муждиф (местность, с. Муж.);

18) с термином-индикатором «*ҳойит*» (1. стена, ограда; 2. ограждённое место): *Ҳойити Мулоқурбун*-Хойит Мулоқурбана (земля, сад, с.Рев.), *Ҳойити Одини Ҳасанбой*-Хойит Одины Хасанбая (земля, с.Рев.), *Ҳойити Ҳочихун*-Хойит Хаджихана (сад, с.Рев.), *Ҳойити Шосайд*-Хойит Шосаида (земля, с.Рев.);

19) с термином-индикатором «суффа» (небольшое глиняное или кирпичное возвышение во дворе или в саду, на котором летом проводят время днём, а ночью спят): *Суфи Девурун* (местность, с.Рев.), *Суфи Муломиршо* (местность, с.Муж.);

20) с термином-индикатором «хавз» («хауз, водоём»): *Хавзи Рогиф* – Хавз Рогиф (местность, с.Рог.), *Сари Хавз-Сари Хавз* (местность, с.Х.С.), *Хавзи Мазор-Хавз Мазор* (хауз, с.Х.С.), *Сари Хавзи Кайсар-Сари Хавзи Кайсар* (местность, с.Х.С.);

21) с термином-индикатором «мазор» («1. мазар, священное место; 2. могила, гробница, кладбище»): *Мазори Хоҷа Муҳаммади Гулшан-Мазар Ходжи Мухаммада Гулшана* (мазар, с.Рог.), *Мазори Зогун-Мазар Зогун* (мазар, с.Х.О.), *Мазори Хоҷа Исҳоқ-Мазар Хаджи Исхака* (мазар, с.Х.С.);

22) с термином-индикатором «сой» («1. ручей, речка; 2. высохшее русло; овраг, балка»): *Сойи Давлатхуҷа-Сой Давлатходжи* (пастбище, с.Х.О.), *Сойи Порут* (ручей, с.Рев.), *Сойи Ағобико-Сой Ағобико* (местность, с.Х.С.), *Сойи Ревад* (ручей, с.Эс.П.);

23) с термином-индикатором «чу//чубор» («1. ручей; 2. арык; канава»): *Чуи Миг-Джу Миг* (арык, с.Х.С.), *Чубори Нав-Джубори Нав* (арык, с.Рев.), *Чубори Дашт-Джубори Дашт* (арык, с.Х.О.), *Чубори Туллум-Джубори Туллум* (арык, с.Рог.), *Чуи Чаппагардун-Джуи Чаппагардун* (местность, с.Х.С.). Следует отметить, что части некоторых словосочетаний детализированы: *Чубори Шахи Тир-Джубори Шах Тир* (арык, с.Рев.);

24) с термином-индикатором «туда» («куча, груда»): *Тудай Бузголахайгуюк-Тудай Бузголахайгуюк* (гора, с.Хайр.), *Тудай Қаландарак-Тудай Каландарак* (гора, с.Х.С.), *Туди Талх* (гора, с.Х.С.);

25) с термином-индикатором «хуна» (хона-комната, дом, жилище): *Хуни Худгифиҳо-Хуни Худгифиҳо* (летовка, с.Рев.), *Хуни Зойтӣ-Хуни Зойти* (пастбище, с.Х.С.), *Хуни Мулоабдумалик* (местность, с.Рев.), *Хунаҳои Ҷешил-Хунаҳои Дژهшил* (пастбище, с.Х.С.);

26) с термином-индикатором «*каппа*» («шалаш; лачуга»): *Каппи Хусени Шогул-Каппа Хусейна Шогула* (местность, с.Х.О.), *Каппи Шокирдевуна* (пастбище, с.Х.О.);

27) с термином-индикатором «*сел*» («ливень, сель»): *Сели Тагоби Рогиф* (гора, с.Рог.), *Сели Калун* (гора, с.Х.С.);

28) с термином-индикатором «*бармол*» («пологий склон»): *Бармоли Махмахолик-Бармол Махмахолика* (земля, с.Хайр.), *Бармоли Шоим* (земля, с.Хайр.), *Бармоли Хамбатамарг-Бармол Хамбатамарга* (местность, с.Х.С.), *Бармоли Махадхусен-Бармол Махадхусейна* (местность, с.Х.С.), *Бармоли Маскиюн* (местность, с.Х.С.);

29) с термином-индикатором «*кутал*» («1. холм, пригорок, горка; подъем; 2. горный проход, перевал»): *Кутали Қавро-Кутали Кавро* (местность, с.Х.С.), *Кутали Муждиф* (местность, с.Муж.), *Кутали Хумохуна-Кутали Хумохуна* (гора, с.Х.О.), *Кутали Хавзун-Кутали Хавзун* (местность, с.Эс.П.);

30) с термином-индикатором «*марқаб*» («*мақбара*» - 1. гробница; надгробие; 2. мавзолей») в говоре жителей Центральной Сады Горной Масчи произносится «*марқаб*»): *Марқабни духтари Азолуқ-Марқаб духтари Аголук* (с.Х.О.);

31) с термином-индикатором «*бароз*» («красота; краса»): *Барози Дашт* (местность, с.Рев.), *Барози Муломиртолиб* (местность, с.Рев.), *Барози Муфтӣ-Барози Муфти* (местность, с.Рев.);

32) с термином-индикатором «*пастӣ*» («1. низменность, низина»): *Пастии Пойин* (местность, с.Рев.), *Пастии Шомирзо* (гора, с.Х.С.), *Пастии Мазор* (местность, с.Х.С.), *Пастии Маликӣ-Пастии Малики* (пастбище, с.Рев.), *Пастии Лиф* (гора, с.Рев.);

33) с термином-индикатором «*тагоб*» («боковое ущелье»): *Тагоби Бето* (ущелье, с.Рогиф), *Тагоби Ревомутк* (ущелье, с.Рев.), *Тагоби Худгиф* (ущелье, с.Х.О.), *Тагоби Эсизи Боло* (ущелье, с.Эс.Б.), *Тагоби Тавасфин* (ущелье, с.Хайр.);

34) с термином-индикатором «палак» («стебель; плеть»): *Палаки Маҳбибӣ-Палак Махбиби* (земля, с.Х.С.), *Палакои Ҳасти Домулло-Палакои Ҳасти Домулло* (земля, с.Х.С.), *Палакои Дарозак* (местность, с.Х.С.);

35) с термином-индикатором «қалъа» («крепость, форт; цитадель»): *Қалъаи Ботурхуҷа-Калъаи Ботурхуджи* (крепость, с.Эс.П.), *Қалъаи Рогиф-Калъаи Рогиф* (местность, с.Рог.), *Қалъаи Кайсар-Калъаи Кайсар* (крепость, с.Х.С.), *Қалъаи Ҳисорак-Калъаи Хисорак* (местность, с.Х.С.);

36) с термином-индикатором «ҷар» («1. ров; лог; овраг; канава; 2. пропасть; обрыв, круча»): *Ҷаррои Сурх-Джаррои Сурх* (местность, с.Муж.), *Ҷаррои Мирзои Ҳоҷӣ-Джаррои Мирзои Хаджи* (пропасть, обрыв, с.Х.С.), *Ҷарри Баччафуро-Джарри Бачафуро* (пропасть, обрыв, с.Х.С.).

37) с термином-индикатором «варғ» («плотина, запруда»): *Варғи Чуи Миғ-Варғи Джуи Миғ* (местность, с.Рев.), *Варғи Замини Дароз-Варғи Замини Дароз* (плотина, запруда, с.Х.С.);

38) с термином-индикатором «чангал» («лес»): *Чангали Сухта-Джангали Сухта* (гора, с.Х.О.), *Чангали Офтобгаҳ-Джангали Офтобгаҳ* (пастбище, с.Х.С.), *Чангали Кухак-Джангали Кухак* (гора, с.Рев.), *Чангали Камолхуҷа-Джангали Камолхаджи* (лес, с.Эс.П.), *Чангали Ғундак-Джангали Ғундак* (лес, с.Муж.);

39) с термином-индикатором «пул» (здесь: «мост»): *Танги Пули Кухна-Танги Пули Кухна* (местность, с.Х.С.), *Сари Пули Рогиф* (местность, с.Рев.), *Пули Қирғиз-Пули Киргиз* (пастбище, с.Муж.), *Шахакои Пул* (местность, с.Х.С.).

Следует отметить, что основную часть топонимического материала Центральной Сады Горной Масчи составляют топонимы-словосочетания. Изучение данной группы названий позволило установить, что они образовались на основе синтаксических форм свободных словосочетаний. Материалы, собранные в этом регионе, свидетельствуют о том, что большая часть слов из состава данных названий таджикского происхождения, и их толкование возможно на этой основе. Целесообразно отметить, что имена

людей, или антропонимы, принимают активное участие в формировании модели этих географических названий, и в подавляющем большинстве случаев они указывают на принадлежность сада, земли, арыка, дерева и других индикаторов этому человеку.

1.7. Топонимы и микротопонимы категории *pluralia tantum*

В исследованиях по топонимике уделено внимание одной новой структурной разновидности названий местности и региона (топонимам и микротопонимам), которые, по мнению профессора О. Махмаджанова, «до сих пор в рамках современной ономастики, особенно в таджикской лингвистике, изучены под понятием топонимы и микротопонимы множественного числа» [106, 39]. Европейские учёные-ономасты, учитывая специфику этого вида структурной формы топонимов, имеющих множественное число, объединили их в особую группу - *pluralia tantum*. Следуя им, таджикский исследователь-ономаст О. Махмаджанов впервые в таджикской лингвистике это явление топонимики делает целью своего исследования. По определению этого ономаста «*pluralia tantum*» является таким видом топонимов, когда множественное число некоторых существительных собственных возникло как единственная и основная форма: *Сомониён, Шайбониён, Фазнавиён-Газневиды, Фуриён-Гуриды (сулолаҳодинастии)*» [106, 39-40].

В Центральной Сады Горной Масчи мы заметили названия, которые образовались от множественного числа существительных, и по отношению к ним можно применить термин «*pluralia tantum*». Данную группу названий региона целесообразно классифицировать следующим образом:

1. Основа - зоонимы: *Зогун-Зогун* (1. мазар, священное место, место захоронения; 2. могила, гробница, кладбище), с.Х.О.), *Говун* (пастбище, с.Х.С.), *Аспун* (гора, с.Муж.), *Мурғун-Мургун* (гора, с.Муж.).

2. Основа - этнонимы: *Фузниюн*-Гузниюн (гора, с.Рев.), *Худгифихо*-Худгифихо (пастбище, с.Рев.).

3. Основа – разные апеллятивы: *Кул(х)о*-Кул(х)о (гора, с.Рев.), *Шахидун*-Шахидун (*Шахидон*-Шахидон) (местность, с.Х.С.), *Калч(х)о*-Калч(х)о (гора, с.Рев.), *Бет(х)о*-Бет(х)о (местность, с.Рог.).

Выводы. На основании всего сказанного можно делать выводы о том, что географические названия Центральной Сады Горной Масчи образованы в пяти известных формах, признанных большинством ономастов приемлемыми для изучения географических названий. По материалам, собранным нами в данном регионе, стало ясно, что сложной формы названия по своему количеству занимают первое место, а топонимы-словосочетания занимают второе место. На наш взгляд, причина преимущественного употребления этой формы географических названий в исследуемом регионе заключается в том, что большая часть топонимов и микротопонимов региона сформировались на базе таджикского языка и образовались в виде известных его форм. Третье и четвёртое места образуют составные топонимы и микротопонимы. Пятое место занимают топонимы категории «*pluralia tantum*». Этот вид географических названий в данном регионе относительно ограничен.

Изучение топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи в аспекте структуры показало, что подавляющее большинство названий региона образованы на базе таджикского языка и его словообразовательных форм. Эта группа названий свидетельствует о том, что одновременно со словообразовательными топоформантами таджикского языка вносят заметный вклад в дело образования топонимов и микротопонимов региона и согдийские словообразовательные форманты. Следует отметить, что и таджикские форманты, и согдийские топоформанты принимают активное участие в образовании названий и в других регионах. В том числе, большая часть топоформантов таджикского происхождения едины как в образовании топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной

Масчи, так и северной части Гисарской долины. Но согдийские топоформанты региона преимущественно широкое употребление нашли в Зеравшанской долине, для других же регионов они менее свойственны.

Также следует говорить о том, что топонимика Центральной Сады Горной Масчи является выразителем образа жизни, рода деятельности, народных обычаев и традиций региона, изучение которых для других отраслей наук, в том числе истории и этнографии и т.п., имеет огромное значение, так как в процессе исследования можно определить и интерпретировать некоторые народные обычаи и традиции.

Глава II. Анализ топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи в аспекте их языкового генезиса

2.1. Топонимы, имеющие иранское происхождение

2.1.1. Таджикские топонимы и микротопонимы региона

Исследователи лексического состава языка по признаку языковой принадлежности разделили лексические единицы на две группы – исконные и заимствованные. В первую группу зачислены слова, которые со времени возникновения до сих пор используются в его словарном составе и, как корневые слова, используются для образования новых слов. Кроме того, к этой группе относятся заимствованные слова, приспособившиеся к природе языка, которые образованы с помощью исконных префиксов и суффиксов в функционирующих употребляемых формах и моделях.

Ко второй группе относятся слова, которые в течение многих веков по разным причинам и разными путями вошли из других языков и обогатили словарный состав таджикского языка.

Важно отметить, что эта классификация относится также и к географическим названиям, и группировать их разумно на этой базе, ибо определение языкового происхождения топонимов и микротопонимов имеет большое значение в деле их всестороннего изучения.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что большую часть микротопонимов региона составляют исконно таджикские слова, и их изучение и рассмотрение целесообразно на этой почве.

Исконным таджикским словам посвящено значительное число трудов, в которых учёные высказали свои суждения относительно их специфики. Авторы книги «Современный таджикский литературный язык» по поводу оригинальных таджикских слов пишут: «Исконные словарные единицы

таджикского языка – это такие слова, которые по своему историческому происхождению одинаково относятся к западноиранским языкам. Так, исконные слова лексического состава таджикского языка используются также и в современном языке фарси, они в то же время являются основным источником образования новых лексических единиц: *даст - рука, пой - нога, чаши-глаз, гӯш-ухо, забон-язык, талх-горький, ширин-сладкий, сафед-белый, панҷ-пять...* и для современного языка фарси являются исконными корневыми словами» [89, 23].

Одной из позитивных сторон изучения и исследования топонимов и микротопонимов заключается в том, что они, являясь свидетелями настоящей и прошлой жизни народа и нации, неотрывно связаны с историей региона и его населения. В топонимической системе географических названий возможная сохранность группы слов из мёртвых и вышедших из употребления языков является волей реальной, ибо языки уходят, но отдельные реликты этих языков сохраняются в качестве географических названий на долгие столетия. Профессор А. Хасанов справедливо отмечает, что «одним из важных свидетельств того, что Центральная Азия является исконным местом бытия арийцев, следует считать сохранность слова «ориё» в составе значительного числа географических названий». К примеру, доказано, что в группе начальных звуков топонима *Рометан* (место в Бухаре) сохранился указанный элемент» [159, 7]. То есть географическое название создало благоприятные условия для определения этнонима и первоосновы национальности и государства.

Топонимы исследуемого региона одновременно с указанием места выражают географические термины и термины других отраслей. Профессор К. Абдулов отмечает, что «до сих пор топонимы истоков Зеравшана относятся к числу древнейших научно-географических и лингвистических терминов» [1, 99].

Как было отмечено выше, большая часть таджикских названий Центральной Сады Горной Масчи – это микротопонимы, они номинированы

на базе языка жителей региона и являются частными названиями различных мест.

В связи с тем, что о формах и структуре топонимов этого региона была представлена информация в первой главе работы, мы ограничиваемся перечислением нескольких групп примеров, поскольку исконно таджикские топонимы наблюдаются в нескольких структурных формах – простых, составных, сложных и в виде топонимов-словосочетаний:

а) простые топонимы: *Дашт* (местность, с.Рев.), *Азба-Агба* (гора, с.Муж.), *Лалм* (неорошаемое поле, с.Х.С.), *Тоба* (гора, с.Рог.), *Туда* (гора, с.Х.С.);

б) составные топонимы: *Карафсо* (родник, ключ, с.Х.О.), *Шикоргах*-Шикоргах (гора, с.Рев.), *Олучак* (местность, с.Х.С.), *Хумистун* (гора, с.Рог.), *Буттазор* (гора, с.Х.С.).

Одним из составных топонимов, широко применяемых в данном регионе, является слово «*тунд*», которое в «СТЯ» одновременно с другими значениями имеет и переносное значение «*фароз, чарии рост буридашуда, сари кӯх, баландӣ*»-«*фароз* - высокая отвесная скала, пропасть, пик горы, высота» [61, 2, 377]. Словом «*тунд*» в Центральной Сады Горной Масчи названы несколько мест, к числу которых относятся: *Тундак* (гора, с.Х.С.), *Сари Тундӣ* - Сари Тунди (гора, с.Х.С.), *Тундак* (местность, с.Муж.). Следует отметить, что, действительно, каждое место, в названии которого содержится это слово, является высоким и ещё раз свидетельствует о соответствии между названием и географическим местоположением. По своему языковому генезису данное слово является таджикским, и более тысячи лет оно употребляется его носителями. Использование этого слова замечено и в бессмертном «Шахнаме» Фирдоуси:

Ту бо шоҳ баршав ба болои тунд,

Зи тирони лашкар машав ҳеч кунд [61, 2, 377]

С шахом поднимись ты в пик высокий,

Будь близок к войскам, не отдаляйся от предводителей.

В говоре населения Центральной Сады Горной Масчи большая часть значений этого слова, в том числе «*фароз, ҷариш рост, тез*» - «высокая отвесная скала, пик горы», находятся в широком употреблении;

в) сложные топонимы: *Охубош-Охубош* (гора, с.Х.С.), *Санграв* (острый пик горы, с.Рев.), *Дегрезхуна* (местность, с.Муж.), *Сабзкӯҳ-Сабзкух* (с.Эс.П.);

г) топонимы категории топоним-словосочетание: *Сари Бароз* (пастбище, с.Х.О.), *Шахи Навишта* (местность, с.Рев.), *Нови Бед* (гора, с.Рев.), *Мури Ремак* (с.Рог.), *Мури Сабз* (с.Х.С.), *Нови Пиёз* (с.Эс.П.).

Таджикские топонимы Центральной Сады Горной Масчи свидетельствуют о том, что язык местного населения оставил заметный след в топонимах и микротопонимах региона. История доказала, что несмотря на исчезновении языков некоторые единицы из их словарного состава сохраняются в топонимической системе. Известно, что топонимы по сравнению с обычными словами языка обладают большей устойчивостью, некоторые из них имеют возможность сохраниться в течении целых тысячелетий. Именно по этой причине, в топонимической системе различных регионов Таджикистана, в том числе Центральной Сады Горной Масчи, можно заметить уникальные исконно таджикские слова, которые сохранились с глубокой древности.

2.1.2. Согдийские (ягнобские) топонимы

Согдийский язык, являясь одним из восточных среднеиранских языков, считается языком согдоязычного народа, и учёные границы его распространения называли в пределах Зеравшана, Уструшаны, Кашкадарьи и других регионов. По словам профессора Д. Саймиддинова, «эта земля граничила на юге с Бактрией, на юго-западе с Портом и Мевром и на северо-востоке - с саками. В эпохи Ахеменидов и позже столицей Согда был город Самарканд. В I веке до н.э. согдийский язык распространяется с Мерва до Китая и Монголии и в эпоху существования Великого шёлкового пути

выполняет функцию языка-посредника» [144, 9-10]. По всеобщему признанию исследователей, этот язык в прошлом имел широкие просторы применения и не только на территории нынешнего Таджикистана, но и за его пределами, то есть на протяжении всего Великого шёлкового пути он применялся как язык межнационального общения. Один из исследователей согдийского языка - Бадруззамон Кариб, долгие годы своей жизни посвятивший изучению согдийского языка, по поводу данного языка пишет: «Согдийский язык был одной из ветвей восточных иранских языков, с первого века до тринадцатого столетия нашей эры на обширных географических пространствах от Черной моря до Китая, на нём говорили народы иранского происхождения» [188, 23].

Согдийский язык был официальным языком, инструментом делопроизводства государства древнего Согда и языком общения различных наций за пределами этой страны. На согдийском языке говорили в штатах древнего Согд, то есть на территории между горами Тянь-Шань и Амударьи, примыкавших к региону Самарканд и Зеравшанской долины (в сегодняшнем Таджикистане)» [188, 23].

Согд относится к числу древних топонимов, название которого в «*Мехр-яште*» приводится в форме «suṛḍa», а в первом разделе «*Вандидод*» в виде сочетания «suṛḍa šayana» или «места обитания согдийцев». В «*Вандидоде*», в перечне стран, созданных Ахурамаздой, вторым названием является название страны Согд [188, 26].

История является свидетелем возникновения, формирования, процветания и отмирания многих языков, от некоторых сегодня осталось лишь название и наблюдаются отдельные слова в словарном составе языков. Согдийский язык относится к числу мёртвых языков, который не функционирует в течении уже тысячи лет. Следует упомянуть, что хотя в течение многих веков этот язык под влиянием арабского и таджикского языков потерял былые свои позиции, он полностью не забыт, и, по

утверждению большинства исследователей, один из его говоров сохранился в горных ущельях под названием «ягнобский язык».

Профессор О. Махмаджанов утверждает, что «...на самом деле ягнобский язык, на котором говорит население долины Ягнобдара, является новым согдийским языком или, вернее, является одним из диалектов древнесогдийского языка. Несмотря на то, что согдийский язык еще в УШ-Х веках нашей эры официально вышел из употребления, но некоторые говоры сохранились до настоящего времени в восточной части Согдийской области – долинах Ягноба и Фалгара, и этот говор в научной литературе по иранистике получил своё название от места обитания населения – ягнобский язык» [106, 141].

Следует отметить, что, кроме ягнобского языка, в словарном составе говора населения верховий Зеравшана и в названиях этого региона можно заметить большое число согдийских слов. Как было отмечено неоднократно, топонимы и микропонимы обладают свойством сохранять в себе слова, хотя сами языки вышли из употребления уже сотни лет назад. Наблюдения показывают, что подавляющая часть топонимов верховья Зеравшана, в том числе и Горной Масчи, берут своё начало от согдийских лексических единиц.

Проблема изучения топонимов различных регионов Средней Азии, особенно Таджикистана и Узбекистана, с согдийской основой стала предметом исследования большого числа учёных. Особенно объектом исследования ряда учёных стала проблема сохранности согдийской лексики в говорах таджикского языка. К числу этих известных лингвистов относятся В.А.Лившиц и А.Л.Хромов, занявшие своим многолетним трудом и разработками достойное место в таджикской ономастике.

Весьма многочисленны отдельные статьи и монографии, посвященные согдийским названиям, к числу которых относятся «Согдийская топонимия верховьев Зеравшан» [153], «Еще раз о согдийском топоформанте -уѢ» [205], «Согдийская топонимия родины Рудаки» А.Л.Хромова [167], «Согдийские топонимы ущелья Киштут» А.Рустамова [167], «Согдийские слова в

топонимии Ягноба» Б.Тураева [202], «Суффикс -if в географических названиях долины Зеравшан» Б.Алиева [185]. Помимо того, топонимы и микротопонимы, относящиеся к согдийскому языку, исследованы во многих трудах, завершенных на базе названий различных регионов.

Следует отметить, что в топонимике Горной Масчи, особенно в Центральной Сады, до сих пор в большом количестве наблюдается согдийская лексика, однако до настоящего времени на этой базе исследование не начато. Кроме кратких указаний А.Л.Хромова и Б.Алиева, по поводу согдийских названий этого региона ничего не написано.

Следует отметить, что влияние согдийского языка и продолжение одного из его говоров – ягнобского, заметно в топонимии этого региона. Это небезосновательно, долину Зеравшан, в том числе Горную Масчу, исследователи называют территорией согдийского языка, например: «...в своё время долина нынешнего Зеравшан считалась регионом развития и распространения согдийского языка...» [106, 159].

Академик А. Мухторов, написавший значительное число ценных трудов, посвященных истории долины Зеравшан, в том числе Горной Масче, сделав предметом исследования проблемы, связанные с этой местностью, по поводу принадлежности её Согдийскому региону пишет: «Согласно другим сведениям, верховья Зеравшан, или его часть, вместе с Пенджикентом находились в пределах района Согд Маймурга» [35, 100].

Исследователь Б. Тураев также при изучении согдийских топонимов ущелья Ягноб подчеркивает, что «с древних времён у истоков верховья Зеравшан проживали согдийцы» [202, 63].

Академик М. Диноршоев в своей статье, посвященной прошлой и настоящей Масчи, пишет, что «некоторые из географических названий, отраженных в «Шахнаме» и другой авестийской и согдийской литературе, на нынешних территориях Средней Азии, в том числе в верховьях реки Зеравшан - Мастча, по истечении времени постепенно исчезли. В отдельных местах сохранились лишь некоторые названия. Данные факты показывают,

что значительное число названий в Масче сохранились на древних арийских языках, авестийском и согдийском. Ни одно селение этого древнего региона не названо на арабском или каких-либо других языках» [202, 63]. Далее, продолжая свои суждения, автор по поводу длительного нахождения в обращении согдийского языка в Горной Масче пишет: «Некоторые учёные предполагают, что согдийский язык в Масче был в обращении даже до ХУП века. Документы, обнаруженные на горе Муг, свидетельствуют о том, что часть гарнизона Деваштича была расположена в Масче, и сохранившиеся исторические памятники свидетельствуют об этом» [1, 32].

Верно, что наследие согдийского языка с лёгкостью можно обнаружить в структуре географических названий долины Зеравшан, в том числе в Горной Масче. Однако мысли о том, что согдийский язык в Горной Масче был в обращении до ХУП века, требует тщательного анализа, ибо с помощью нескольких фактов можно доказать отсутствие в ней реальной основы. Во-первых, многие учёные пределы функционирования согдийского языка ограничивали ХП-ХIУ веками. В том числе, профессор А. Л. Хромов предполагает, что согдийский язык в долине Зеравшан находился в употреблении до ХП-ХIУ веков [157, 27-31]. Б. Кариб также является сторонником мысли о том, что данный язык функционировал до XIII века. Во-вторых, академик А. Мухторов в своём труде «Кӯҳистон» («Горный массив») пишет: «Древнейший надгробный камень на могилу кази был положен в 604 (1208 г.н.э.)» [35, 108].

Этот автор в другом месте своей книги говорит о существовании двух документов, в одном из которых дается деление пастбищ Горной Масчи и определяются их границы, этот документ датирован 22 октября 1695 года [35, 105]. Наличие этого документа, написанного на таджикском языке, отрицает мнение о нахождении согдийского языка в употреблении в Горной Масче до ХУП века. Второй документ, доказывающий ошибочность этой точки зрения, является надпись, сделанный Масчинским каллиграфом и

поэтом Хаджой Махмудом, который соответствует 806 году хиджри, то есть ХУ веку нашей эры [35, 123].

Если согдийский язык функционировал в этом регионе до ХУП века, ни в коем случае эпитафия на надгробной плите, положенной в XIII веке, не могла быть написана на таджикском языке.

Профессор Карим Абдулов пишет: «...названия гор и ущелий, родников и других географических мест Масчи (Масчи – О.А.) являются памятниками древних арийских языков, в том числе и согдийского» [1, 105]. Этот автор в другом месте, излагая свои соображения относительно сохранности согдийских слов в структуре географических названий Горной Масчи, подчеркивает: «И сегодня почти все географические названия Масчи (Масчи – О.А.) являются согдийскими, и этот документ свидетельствует о том, что мастчинцы имели свою культуру и свою родину» [1, 234].

Профессор О. Махмаджанов, опираясь на В. А. Никонова, отмечает, что «города разрушены, государства свергнуты, языки и сами народы ушли в небытие, но имена сохранились...» [106, 3].

Хотя со времени отмирания согдийского языка в этом регионе прошло уже несколько столетий, однако его влияние на топонимию Центральной Сады Горной Масчи заслуживает внимания.

Одна из причин сохранности согдийских слов в топонимической системе Горной Масчи заключается в том, что «Зеравшанская долина, то есть Матча и Фалгар, прежде были недоступны. В соседние города – Уратюбе, Пенджикент, Самарканд – в течение года можно было выезжать лишь пять-шесть раз, по этой причине иноземные захватчики не так часто нападали на верховья Зеравшана» [35, 134].

Следует отметить, что именно эта отдалённость Горной Масчи стала причиной того, что в её топонимической системе, особенно в названиях селений, редко встречаются незнакомые слова. Например, завоевание того или иного региона со стороны представителей другого языка и их поселение в той местности оказывает своё влияние на топонимическую систему. Этот

процесс мы можем наблюдать в топонимике различных регионов Таджикистана. Для доказательства этой точки зрения следует сказать, когда тюрки заселили эту территорию, то микротопонимы данного региона под влиянием их языка стали смешанными, то есть одна их часть таджикская, другая – тюркская или вовсе получали тюркскую форму. Также можно привести пример из советской эпохи, когда в Таджикистане появилось значительное число русских топонимов и микротопонимов.

Следует отметить, что сегодняшний ягнобский язык является продолжением одного из диалектов древнесогдийского языка, имевшего в прошлом значительные пределы функционирования. Эту мысль подтверждает А.Л.Хромовым: «в этой тесной долине, которую с двух сторон окружили великие горные цепи Зеравшан (с севера) и Гисар (с юга), проживает малочисленное племя «yagh Nabi, и они говорят на одном из диалектов согдийского языка» [155, 161]. Этот же автор в другой своей книге по данной проблеме пишет: «Один из диалектов согдийского языка существует на примере ягнобского (новосогдийского) языка» [206, 10].

М. Хамиджанова справедливо отмечает, что по признанию историографов и археологов история Масчи достигла глубин веков, и в её топонимической системе сохранилась большая группа лексического наследия согдийского языка [53, 7].

Хотя микротопонимы по сравнению с топонимами менее устойчивы и встречаются преимущественно в структурно-семантических преобразованиях, но в названиях изучаемого региона одновременно с топонимами замечена группа микротопонимов, сохранивших свою согдийскую форму. По признаку выражения значения и географической специфики согдийские названия Центральной Сады Горной Масчи целесообразно классифицировать в следующие группы:

1. Названия селений - ойконимов.

а) *Худгиф*. Определение корня топонима и его исторического экскурса было весьма трудоемким процессом, незначительное пренебрежение могло

привести к ошибкам. Особенно это касается слов, относящихся к мёртвым языкам, вышедшим сегодня из употребления, как древнеиранские языки и согдийский язык. Топоним *Худгиф* относится к числу согдийских названий, под которым в Горной Масче существует три селения, каждое из которых в зависимости от места своего расположения поместил в своем названии части «*соя*» («тень»), «*офтоб*» («солнце») и «*боло*» («верх, вершина, верхняя часть»).

Известно, всегда точка зрения исследователей относительно того или иного названия не была единой, и при определении его этимологии наблюдались случаи противоречия во мнениях.

Топоним *Худгиф* был подвергнут рассмотрению и анализу со стороны исследователей различных отраслей, и по вопросу о его значении имеется четыре гипотезы, каждая из которых предложена в зависимости от научного мировоззрения и уровня интеллекта автора. В том числе:

1. Профессор К. Абдулов в своей книге при приведении названия *Худгифи Боло* пишет: «*Худгиф* образован от местоимения «*худигй*» («свой» - о человеке) и суффикса «*-иф*» и выражает значение родственности» [1, 576]. К сожалению, когда автор первую часть слова связывает с местоимением «*худигй*», для доказательства своей мысли не приводит ни одного факта, доказывающего правильность его точки зрения.

Продолжая свою мысль, он добавляет, что «внук Эшона Мударриса Хаджи Бобохон (уроженец села Янгиарик Ганчинского района) сказал, что село *Худгиф* на деле имеет название *Худкайф*, и приводит доказательство, будто Шейх Мирмухаммад Солех (ныне его гробница находится в *Худгифи Боло*) сочинял стихи под псевдонимом *Кайфй*:

Кайфиё, шику мухаббат кори ҳар авбои нест,

Шермардоне дар ин раҳ хонумонҳо сӯхтанд» [1, 576].

О, Кайфи, любовь и верность – не даны для подонков,

Молодые на пути том потеряли кров и дом [1, 576].

Эти две гипотезы, которые предлагает профессор К. Абдулов, не могут быть приемлемы, ибо, во-первых, слово «худкайф» не имеет логики, оно бессмысленно, оно образовано вопреки словообразовательным нормам. Во-вторых, на арабское происхождение слова «кайф» («лаззат, нашьа; сархушӣ-наслаждение, удовольствие, опьянение, веселье») авторами словарей уже было указано» [62, 1, 578]. Кроме того, большая часть учёных, проводивших свои исследования, посвященные верховьям Зеравшана, в том числе Горной Масче, придерживаются мнения, что в топонимической системе этого региона редко можно встретить лексические элементы арабского языка.

Бесспорно, в составе микропонимов, то есть в названиях различных местностей, можно встретить слова арабского происхождения. Причина наличия арабских названий в микропонимической системе этого региона заключается в том, что они по сравнению с топонимами обладают меньшей устойчивостью, и под влиянием языка местных жителей региона часто подвергаются структурно-семантическим изменениям. Следует отметить, что названия большинства селений верховья Зеравшана являются согдийскими, и они имеют многовековую историю.

Исследователи неоднократно отмечают, что большая часть топонимов исследуемого региона принадлежат согдийскому языку или к другим иранским языкам, и их интерпретация на базе таджикской семантики не считается возможным. Так, исследователь К.Абдулов свои выводы делает преимущественно на базе народной этимологии, что, к сожалению, не всегда соответствует истине. Например, гипотеза, предложенная К. Абдуловым по поводу этимологии названия *Худгиф*, возникла на базе беспочвенного и ошибочного предания и народной этимологии. Бесспорно, мы не можем признать такое суждение, что слова «Худгиф», «Худкайф» и «Кайфӣ» из одного корня, ибо они и по форме не имеют сходства друг с другом, и с первого взгляда доказывається беспочвенность данной гипотезы.

2. Б. Алиев в своей статье «*Пасванди -if дар номҳои чузрофиҳои водии Зарафшон*» («Суффикс –if в географических названиях долины Зеравшан»)

при рассмотрении топонима *Ғӯдиф* (*yūdif*) отмечает, что «близко этому названию (*Худгиф* - О.А.) имеется другая местность около селения *Ғузн* (Гузн) Масчи под названием *Ғудгиф* (Гудгиф). Два других селения в Масче носят названия *Худгифи Соя* и *Худгифи Офтоб*. Так как в согдийском языке в начале слова допускалось чередование «х-» и «γ-», то *Худгиф*, возможно, и является разновидностью от *Ғудгиф* (**Гудгиф**)» [185, 77]. Следует подчеркнуть, что в Горной Масче не два *Худгифа* (*Соя* и *Офтоб*) имеют это название, а три села упоминаются под этим названием. Третье село - это *Худгифи Боло*, или *Худгифи Эшонхо* (Худгифи Эшонхо), который расположен в преддверии Масчи. А. Алиев справедливо отмечает, что «*гут*» является согдийским словом и имеет значение «*санг*» («камень»). В селении *Худгифи Офтобру* Центральной Сады Горной Масчи одно из мест называют *Боги Ғуто* (**Боги Гуто**), где до сих пор существуют большие камни, это является доказательством того, что слово «*гут*» означает «камень». На наличие этого значения данного слова указывал и известный лингвист, профессор А. Хромов [157, 27-31].

Если учитывать гипотезу о преобразовании *Гудгифа* в *Худгиф* и придерживаться взгляда, что в прошлом *Худгиф* употреблялся как *Гудгиф*, то возникает вопрос, почему *Ғуто* (**Гуто**), находящийся в селении *Худгифи Офтобру*, не получил форму *Хуто*? Если в селении *Худгифи Соя* (по сравнению с двумя близкими по названию селениями оно больше, и древнее наследие в нём встречается чаще, и старшее поколение этих селений придерживается мнения, что жители двух остальных *Худгифов* пошли отсюда) существовал большой камень, то мы могли бы принять эту точку зрения, ибо в местах, где в составе названий содержится слово «*гут*» («гут»), там наблюдается большой камень, например, *Ғуто* (**Гуто**), *Ғутгиф* (**Гутгиф**) и им подобные. Таким образом, очевидно, что корень этого слова берет своё начало в другом месте, следовательно, гипотеза Б. Алиева не заслуживает одобрения.

3. Третья гипотеза относительно названия *Худгиф* предложена С. Бекзаде, являющегося сторонником следующей гипотезы: «В Горной Масче (Масче- О.А.) большая часть селений, на наш взгляд, имеют скифские названия и образованы с помощью суффикса «-иф». В том числе *Худгиф*, под этим названием в Горной Масче (Масче – О.А) существует три села» [12, 415]. Развивая свою мысль, он говорит, что в «Шахнаме» Фирдоуси слово «худ» приводится в значении «*кулохи оханин*» («железный шлем, головной убор») и даёт следующее двустишие:

*Чу омад хурӯшон ба танг-андараш,
Бичунбиду бардошт худ аз сараш.*

Как от волнения стесненным он стал,
Покачнулся и снял он свой **шлем** с головы.

Он также отмечает, что еще в эпоху Зардушта слово «худ» употреблялся в форме «*хауда*» в значении «*кулохи оханин*» («железный шлем»). Наконец, С. Бекзаде, подытоживая свои мысли относительно названия *Худгиф*, приходит к заключению, что «корень слова *Худгиф* составляет «*хауда*» или «худ», имеющий авестийское происхождение и значение «*шоҳсакоиҳои дорои кулохи нӯгтез*» («скифы, имеющие остроконечные шлемы...» [12, 416].

По нескольким причинам нельзя согласиться с гипотезой, предложенной С. Бекзаде. Во-первых, когда автор говорит, что большая часть названия селений оканчивается на суффикс «-иф», то это некоторое преувеличение, ибо из более пятидесяти селений, существующих в Горной Масче, лишь названия семи из них оканчиваются на форманте («-иф»): *Резгиф*, *Рогиф*, *Худгиф*, *Муждиф*, *Пакшиф*, *Ланглиф*, *Водиф*. Во-вторых, схожесть части слов («*худгиф*» и «*скиф*») не может служить доказательством того, что они имеют один источник происхождения, ибо слова в разных языках могут сочетаться с близкими друг другу формами или даже совершенно совпадающими, однако это не говорит о том, что в генеалогическом смысле они родственны, так как это всего лишь совпадение, случайность.

Другое, что заставляет задуматься, это то, какое происхождение, по мнению С. Бекзаде, имеет название *Худгиф*, скифского или авестийского? Другой вопрос связан с тем, на базе какой эволюции («хауды» или «худа») *Худг* стал таковым. Нет ясности и в том, на основе каких аргументов автор называет *Худгиф* «жилищем скифов, имеющих остроконечные шлемы». По этой причине гипотеза, предложенная С. Бекзаде, с научной точки зрения является неприемлемым.

4. Другой автор, который занимался изучением топонима *Худгиф* и высказал свои суждения по поводу его структуры, является М. Гулзод. В своей монографии «Мостчо с точки зрения достоверных источников» М. Гулзод так комментирует это название: ««*Бут-Бута* (хок- земля) *киф-кофта* - вскопанный. *Буткиф* – землянка, вскопанная или расположенная в черной земле. В именной части согласный «т» в результате эволюции заменён близким по артикуляции «д». Реальное его выражение – это *Бутакиф*» [19, 62].

Следует отметить, что подобный анализ названия *Худгиф* носит лишь поверхностный характер, и этот вид «этимологии» не имеет под собой ни научно-этимологическую основу, ни народную интерпретацию. Толкование автора весьма примитивно и не является научно обоснованной. Когда он говорит, что «*бута*» имеет значение «хок» («земля»), а «*киф*» он называет «*кофта*» («перекопанный»), то его толкование весьма поверхностно и противоречит истине. Нет ясности и в том, на какой основе и как М. Гулзод аргументирует то, что подлинную форму топонима *Худгиф* признает *Бутакифом* и подчеркивает, что «-иф» есть неполная форма глагола «*кофтан*» («копать»). Доказано, что «кофтан» является исконно таджикским глаголом, но автор утверждает, что «*киф*» является сокращённой формой согдийского слова. В общем, автор в ходе толкования указанного названия не выдвигает ни одного заслуживающего внимания аргумента или приемлемую гипотезу, чтобы добиться убедительности своей мысли. Следует сказать, что М. Гулзод не только предлагает ошибочную точку зрения, но и сначала до

конца своей работы, которую называет «научно-исследовательской», точно не определил корень и этимологию ни одного слова-онима.

Следует отметить, что предложенные гипотезы указанных выше исследователей относительно топонима *Худгиф* нуждаются в усовершенствовании, и они должны быть рассмотрены как гидронимы.

Исследователь названий топонимики северной части Гисарской долины профессор О. Махмаджанов при изучении образующего топоним форманта «-хок//-хо» утверждает, что с помощью этих топоформантов образована группа названий, «которая с помощью термина гидронимия обозначает места, связанные с водой и орошением» [106, 62]. Продолжая свои мысли, он пишет, что «этот топоформант в функционирующих памирских и ягнобских языках имеет разные формы употребления, и в топонимической системе этого региона он весьма употребителен. Например, в язгулямском диалекте слово «хек» приводится в значении «об, чашма» («вода, ключ, родник»); в рошорвском слово «хāу» - «шохоб, дарёча» («приток реки, речушка»); в древневанджском языке «хек» в значении «об, чўй» («вода; ручей, арык, канава»); в мунджонском языке «хуга» в значении «чашма» («ключ, родник, источник»); в ваханском языке слово «к'к» - «чашма» («ключ, родник, источник»); в рушанском языке («хуф») «хāу»-«об, чашма» («вода; ключ, родник, источник»); в ягнобском языке «хок»-«об, чашма» («вода; ключ, родник, источник»))» [106, 62]. Также в письменных источниках древнеиранских языков это слово замечено в форме «ха, хо» - «чашма» («ключ, родник, источник») (авестийский язык) [158, 158; 143, 56], все они имеют один корень. В сегодняшнем осетинском языке также имеется слово «хи», выражающее понятие «об, чўй, дарё» («вода; ручей, арык, канава») [158, 25].

Изучив слова «об», «чў», «чашма», «шохоб», «дарёча» («вода», «арык», «ручей», «канава», «ключ», «родник», «источник», «приток реки», «ручей») и им подобные, как выразителей гидронимического местности в группе иранских языков, имеющих источником один корень, можно прийти к

выводу, что название *Худгиф* тоже выполняло эту роль и выражало понятие гидронимии. Особенно тот вариант, который приводится в мунджанском языке («хуга» в значении «чаима»-«ключ», «родник») имеет сходство с частью «худг» слова *Худгиф*, ибо географическое местоположение селения доказывает то же самое. Не следует забывать, что при определении словарного значения топонима необходимо учитывать и его географическое расположение. На наш взгляд, при его игнорировании не представляется возможным дать полное толкование слову-названию. В топониме *Худгифи Соя*, являющемся по преобладающему мнению первым *худгифом* в Горной Мастче, имеется ключ, водой из которого орошаются посевы, она также считается питьевой водой.

Часть «-иф» в изучаемом топониме является словообразовательным формантом, исследователи сравнивают его с несколько изменённой формой согдийского суффикса «-īβ» с суффиксом множественного числа среднеперсидского языка «-iv», «-iw», встречающегося в древнеперсидском языке в форме «aivis» [75, 256].

Мы придерживаемся мнения всех исследователей, знающих это слово-название в аспекте структуры, и признаём, что оно состоит из двух частей (корня и топоформанта). Учитывая данные исследования обеих частей названия *Худгиф*, осуществлённых со стороны учёных, сравнивая первую его часть («худг») с группой слов, в различных иранских языках выражающих понятие «вода», можно прийти к выводу, что слияние обеих частей данного слова («худг» и «иф») вместе даёт значение «чаимасор» («место, богатое источниками, родниками»), что можно назвать гидронимом. Ибо, как было отмечено выше, географическое местоположение этого селения является мотивом приобретению топонимом *Худгиф* данного значения.

б б) Рогиф. Это название имеет согдийское происхождение, и оно подробно изучено несколькими исследователями. Однако, лица, высказавшие свои суждения по поводу данного топонима, имеют противоречащие друг

другу взгляды. Одним из них является М. Гулзод, который, отметив, что это название состоит из двух частей - «рог» - «равшан (офтоб) – «рог-«свет (солнце)» и «иф» - «кофта» («рой, рыская»), дает такое его объяснение: «*Равшанӣ кофта* (роящий, ищущий свет). Землянка, расположенная (выкопанная) на светлом месте. Исконное его согдийское выражение является *Рогкиф*» [19, 62].

Следует отметить, что такое толкование слов-названий является искажением истины, в нем нет никакой логики, до сих пор ни в одном словаре или исторических источниках слово «рог» («рог») не фиксировано в значении «офтоб» («солнце»). Непонятно, на основе каких доказательств и фактов М. Гулзод предлагает такое толкование. *Равшани кофта* – противоречит логике речи, это совершенно не приемлемая конструкция. Подобное толкование названия заставляет человека задуматься, ибо М. Гулзод, утверждая его согдийский генезис, часть «иф» называет неполной формой глагола «кофтан» («копать»). Нет сомнений в том, что это слово таджикское, и оно не имеет никакого отношения к «иф».

Следует отметить, что «ни в коем случае и ни по какой-либо причине нельзя попадать под давлением желания и воображения и допускать ошибочные, беспочвенные суждения. Таким путём цели не достигается. Рано или поздно ошибочность и надуманность подобного рода размышлений обнаружится. Напротив, неспешное, но обоснованное исследование имеющегося материала не сразу, но всегда даст свои результаты. Эти мотивы образования и сходство в произношении географических названий не имеют под собой почву, они не доказываются историческими материалами, лингвистическим комментарием, естественным и географическим объяснением местности, объекта изучения» [128, 175].

Другим исследователем, высказавшим свои соображения относительно значения топонима *Рогиф*, является А. Алиев. Он пишет, что *Рогиф* – это селение в Масче и, опираясь на Б. Кариб, утверждает, что «слово «tāg» в согдийском языке имело место в виде «г’γ», что означало «сахрову дашт»

(«поле и степь»). «Rāy» - от этого исконного слова имеется значение в ягнобском языке - «васеъ ва ариз» («широкий, обширный, просторный») [185, 77]. Следует отметить, что селение *Рогиф* находится не в Масче, а в Горной Масче.

В любом случае, гипотеза, предложенная Б. Алиевым, близка к истине и приемлема, поскольку то же самое доказывает место расположения селения. Также слово «рог» («рог») в «СТЯ» приведено в значении «домани фарохи сабзу хуррами кӯх, маргзор» («широкий, зелёный, цветущий склон горы, луга») [61, 2, 146]. Кроме того, в Зеравшанской долине можно встретить такие места, в составе названия которых содержится единица «рог». Например, *Рог (Рог)*, *Падрог (Падрог)* (название села в Горной Масчи), *Утирог* (название горы в селе *Ревомутк* Горной Масчи). А.Л.Хромов, говоря о наличии в Пенджикентском районе названия селения *Рогич (Рогич)*, слово «рог» семантизирует как «чаман, маргзор, алафзор» («поляна, цветущая луга») [157, 27-31]. Заслуживает внимания тот факт, что в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи мы не зарегистрировали ни один топоним или микротопоним, в структуре которого, за исключением топонима *Рогиф*, было бы слово «рог». Часть «-иф» топонима *Рогиф* указывает на место, о чём мы писали при рассмотрении слова *Худгиф*, и нет необходимости повторять сказанное.

Учитывая предложенную Б. Алиевым гипотезу, и наличие слова «рог» в топонимической системе истоков Зеравшана, особенно Центральной Сады Горной Масчи, можно прийти к выводу, что данный топоним имеет значение «чаманистон», «макони сабзу хуррам» («место, изобилующее лужайками; цветущая луга, цветник»).

2. Названия гор:

а) *Ревад*. *Ревад* является названием ущелья в селении *Эсиз* Центральной Сады Горной Масчи, в основном являющееся пастбищем жителей селений *Муждиф* и *Эсиз*. Следует отметить, что под тем же названием в Айнинском районе имеется село, и, по преданиям старожилов, исконным местом

проживания его населения является тот же самый *Ревад*. Несколько сотен лет до этого, будто вышло за пределы своих берегов озеро, которое уничтожило село и погубило значительную часть населения, а люди после этого происшествия покинули эту местность и отправились в селение *Ревад*, расположенный на территории нынешнего Айнинского района. При изучении ряда согдийских топоформантов долины Зеравшан Б. Ализаде утверждает, что это название (*Ревад* - О.А.) состоит из двух частей: «Rēv», «ad» [15, 69], но воздерживается от толкования того, какое значение имеют компоненты этого слова.

Профессор А.Л.Хромов, отметив согдийское происхождение слова «rówut», «rout», сославшись на М. Шварца, показывает его формы в различных языках: «ягн. «rówut, rout»; сог. «r'w'th= rāuat»; хорез. «r'wyn» *замин-земля*», «*чой-место*»; авест. «gavan» «*водй-долина*», с. п. «gōp» «самт, *чихат* – сторона, направление, курс»; осет. «gan» (в иранском говоре) и «gauæp» (в дигорском говоре) «*чой-место*» [155, 163]. Продолжая свои суждения, он утверждает, что согдийское слово «rāuat» в словаре «*Лугати фурс*» Асади Туси приведено в форме «*ровад*» и семантизировано следующим образом: «*чое бувад пушта - пушта ва фарозу нишеб ва сабза бар у даста ва чарогоҳи чаҳорной бошад*» - «место, где хребет за хребтом широкое и покатое, покрытое зеленью, являющееся пастбищем для скота» [155, 164]. Он также утверждает, что в сегодняшнем ягнобском языке вместо этого слова используется таджикское слово «tagób//tigób». Однако, как было отмечено, изучаемое слово приведено в форме *Тагоби Ревад*, не всегда «*тагоб*» может иметь значение «*ревад*», ибо есть *тагобы*, природные условия которых не соответствуют лексическому значению слова «*ревад*».

Иранский ономаст Эрадж Афшор в своей работе «*Пажӯҳише дар номи шаҳрҳои Эрон*» («Исследование названий городов Ирана») слово «*тагоб*» семантизирует следующим образом: «Слово «*такоб*», «*таков*», «*та коб*» имеет значение «земля, русло, образованное селевым потоком, ущелье, земля среди двух гор, в некоторых местах которой вода уходит под землю и

выходит в другом месте, некоторые места там сухие, на других же вода стоит» [164, 250]. Таджикские лингвисты, профессора А. Л. Хромов, О. Махмаджанов и другие в своих исследованиях по ономастике подтверждают применение на территории Таджикистана (в том числе в долине Зеравшан) слова *Тағоб* в функции названия местности и микропонимов [154,62; 106,16].

Также П.Б.Луре, опираясь на «*Китоб-ул-ансоб*» Самъони и «*Муъҷам-ул-булдон*» Ёкути Хамави, утверждает, что в средние века недалеко от Бухары существовало место под названием *Ревад*, согласно данным его исследований, некоторые из топонимов Бухары, Самарканда и округи возле них имеют сходство с географическими названиями истоков Зеравшана или идентичны им [173, 129-132]. На основе этой мысли Б. Ализаде утверждает: «Вероятно, что после вторжения греческих, арабских и затем монгольских войск жители больших городов Согда мигрировали в горы верховья Зеравшана» [186, 70]. Следует отметить, что данная мысль, предложенная Б. Ализаде, не вызывает доверия, ибо нельзя представить миграцию населения в верховья Зеравшана, напротив, в имеющихся данных указывается переселение от истоков Зеравшана в другие долины и регионы. В том числе, за последнее столетие люди мигрировала с Айнинского района, Горной Масчи и Ягноба в Масчу, Спитамен, Джаббор Расулов, Зафарабад, Исфару и в другие места, что является доказательством сказанного.

Учитывая значения микропонима *Ревад*, можно прийти к заключению, что он обозначает места, «покрытого зеленью, являющегося пастбищем для скота».

б) *Зойтӣ* (Зойти).

Корнем этого слова является «*зой*», что в согдийском и ягнобском языках означает «земля и засеянный участок земли» [31, 88]. Исследователи ягнобского языка происхождения этой лексемы относят к согдийскому «*Z'uh*» [106, 59].

Профессор А. Л. Хромов при изучении и толковании микропонимов *Зойтӣ* (**Зойти**), *Ғарзой* (**Гарзой**) и *Хонзой* отмечает, что слово «*зой*» имеет значение «земля», что является доказательством изложенной выше мысли [154, 12-14].

Слово «*зой*» в говоре местного населения наблюдается также в составе слов «*зойок*» (в значении «целина») и «*зойкан*». Наличие слова «*зойкан*» в локальных говорах низовий Масчи Ф. Убайдов отмечает следующим образом: «В горах землю между горами и стены называют «*зойкан*». Использование данного слова в этом значении мы заметили в говоре жителей села *Рунж* (**Рундж**) Горной Масчи» [149, 105].

в) *Чориф*.

Чориф – это слово состоит из двух компонентов: «*чор*» и «*-иф*». «*Чор*» в «*Ғарҳанги яғнобӣ-тоҷикӣ*» («Ягнобско-таджикском словаре») семантизируется как «*дараи танг*» («узкое ущелье») [31, 238]. Л. А. Хромов при представлении группы согдийских названий Пенджикента также отмечает, что это слово имеет указанное значение [54, 27-31]. Следует отметить, что в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи слово «*чор*» имеет широкую сферу применения, и им названы большей части высокогорья: *Чори Ҷешил*-Чори Джешил (с.Х.С.), *Чори Зойтӣ*-Чори Зойти (с.Х.С.), *Чори Тоба* (с.Х.С.), *Чори Тағоби Бето* (с.Рог.), *Чори Тағоби Ревомутк* (с.Рев.), *Чори Аспун* (с.Муж.) и другие. «*-иф*» же является словообразовательным формантом, о котором было сказано выше.

г) *Чиғ* (**Чиг**).

Чиғ (**Чиг**) – это название высокогорья между селениями *Худғифи Офтобру* и *Ревомутк*. В «Ягнобско-таджикском словаре» было замечено слово «*чугак*» («чугак»), которое истолковано как «*қуллаи кӯҳ*» («вершина, пик горы») [31, 239]. Очевидно, что «*чиғ*» и «*чуг*» происходят от одного корня, ибо в языке чередование гласных – обычное явление. На наш взгляд, это слово, возможно, исторически родственно «*истиг*//*истих*», так как на это указывают географическое местоположение и словарное значение названия.

Профессор А. Л. Хромов происхождение слова «истиғ» связывает с согдийскоим «st'уу», и подчеркивает, что оно имеет значение «*афрошта, қуллаи кӯх*»-«высокий, пик горы» [206, 9-16], и по значению «*чиз*» и «*истиғ*» имеют общую корень.

Профессор К. Абдулов подчеркивает, что «*чиз*» является согдийским словом, «плетение из прутьев, похожее на ограду, прутья с помощью тонкой нити соединяют друг с другом, два его конца привязывают к двум столбам и на нём сушат *курут* или какие-либо другие вещи» [1, 1166].

В диалекте населения Масчи слово «*чиз*» также наблюдается в составе некоторых слов, и Ф. Убайдов показал его употребление в составе слова «*чизбаст*»-«*чигбаст*»: «Масчинцы деревянный забор вокруг дома или земли называют «*чизбаст*»- «*чигбастом*» [149, 113].

Также в говоре населения изучаемого региона кровлю дома и сарая для скота и им подобное называют «*чиздак*»- «*чигдак*», и малоподвижного человека именуют «*чизи сари полез*» - «чиг с поля бахчевых». Данные слова имеют значения «*рост, афрошта, қуллаи кӯх*»-«прямой, высокий, пик горы», что указывает на их смысловую общность.

Следует отметить, что это слово («*чиз*»), сохраняя своё произношение и написание, находится в употреблении и в других диалектах таджикского языка. В том числе, в южном говоре таджикского языка находится в употреблении слово «*чиз//чъғ*» и образованные от него формы - «*чиздун*», «*чизил*», «*чизпарда*». В ««*Фарҳанги ғӯшиҳои ҷанубии забони тоҷикӣ*» - «Словаре южных говоров таджикского языка» «*чиз//чъғ*» имеет следующее толкование: *чиз//чъғ* (Вк., Қ) 1. *чиз, шиз, тавора...*-1.ограда, забор; 2. *панҷараи аз қамши бофташуда, ки аз паси намади хиргоҳ мекашанд* – (2. решетчатая ограда, сплетённая из камыша, натягиваемая за кошмой палатки); 3. *чизпарда, ки вазифаи дарро дар хиргоҳ иҷро менамояд* – (3. занавес, сплетённый из камыша, выполняющий функцию двери в палатке...) [64, 835-836].

На основе значения слов «чузак», «чуз», «чиз», «истиз» можно определить, что они имеют одинаковый корень и по генезису являются согдийскими.

д) **Нов.**

По данным ономаста О. Махмаджанова, «нов» является ягнобским словом и имеет значение ««*дараи хурд, настхамӣ*» («небольшое ущелье, низина») [106, 53]. В «Таджикско-ягнобском словаре» это слово истолковано как «*сой, дара*» («1.ручей; речка; 2. высохшее русло; овраг, балка; ущелье») [31, 135].

Этот топоним в изучаемом регионе считается одним из наиболее употребительных названий, и имеет преимущественное значение относительно небольшого ущелья. Следует отметить, что слово «нов» в топонимической системе исследуемого региона в сочетании с другими словами употребляется в модели изафетного словосочетания и является основным компонентом: *Нови Чашма* (с.Х.О.), *Нови Пиёз* (с.Эс.П.), *Нови Бед* (с.Рев.), *Нови Порут* (с.Рев.), *Нови Қарғ-Карг* (с.Х.С.), *Нови Кач-Кадж* (с.Х.С.), *Нови Сел* (с.Рог.), *Нови Шолот* (с.Х.О.) и т.п.

е) **Шӯр (Шур).**

Шӯр также является одним из широко употребляемых слов-названий Центральной Сады Горной Масчи, но в таджикском литературном языке употребляется не в известном значении (*ҳаяҷон, изтироб, ошуфтагӣ; завго, фарёд; фитна, фасод, ошӯб ва гайра* – возбуждение, волнение, смятение; крик, шум, гам; скандал, ссора; интрига, козни; смута, бунт и т.п.), а имеет совершенное иное значение. Это слово широко наблюдается как в отдельности, так и в составе географических названий региона и выражает непроходимые для человека места, пропасти. Профессор А.Л. Хромов, отмечает, что в ущелье Фондарьё имеется места под названием *Нови шӯр (шур)*, и объясняет его значение, как «*нови сернамак*»-«нов, содержащий много соли» [154, 48]. Следует сказать, что в Горной Масче встречаются места, в составе названия которых наблюдается слово «*шӯр*», которые не

имеют никакого отношения к соли, но являются выражением непроходимого места, пропасти. А.Л.Хромов в книге, посвященной говору населения Масчи, слово «*шӯртангӣ*» семантизировал как «труднопроходимое место в горах» [152, 194], что является доказательством изложенной выше мысли. Как было отмечено, в исследуемом регионе это слово широко употребляется и выражает труднопроходимые для людей места или непроходимые пропасти: *Шӯри Ортиқ*-Ортик (непроходимая гора, с.Х.О.), *Сари Шӯр*-Сари Шур (гора, с.Х.С.), *Шӯри Мазор*-Шури Мазор (гора, с.Х.С.) и др.

3. Гидронимы.

а) *Калф*.

Калф в «Ягнобско-таджикском словаре» истолкован как «пустое пространство под камнем и защищенное от ветра место в горах» [31, 99]. Составители «Словаря южных говоров таджикского языка» так семантизировали слово «*кал/калф*»: «*ковокӣ ва камари кӯҳ; фарохи калони зери харсанг ё багали кӯҳ, ки барои чӯпонон ва рамаву дигар ҳайвонот ҳангоми барфу борон паноҳгоҳ ҳисоб меёбад*»-«пустое пространство, уступ горы; большое пустое пространство под скалой или на склоне горы, которое считается укрытием для пастухов, стада и других животных во время дождя и снега» [64, 310]. А.Л.Хромов, учитывая наличие этого слова в топонимической системе Ягноба и ущелья *Фондарё*, подчеркивает, что оно имеет значение «малой пещеры» [154, 15]. В селении *Худғифи Соя* есть место, в котором из-под морены выходит ключ, и его называют *Чаимай Калф*, также имеются еще несколько мест в *Худғифи Соя* названы *Пасты Калф*, *Тоби Калф*.

б) *Порут*.

Этот топоним является составным согдийским словом, состоящим из двух компонентов. Первая её часть «по-» - сокращенный вариант от «под». Исследователи отрасли доказали его согдийское происхождение и подчеркнули, что оно находится в употреблении в значении «*ҷой, макон*»-«место, жилище» [157, 29]. Следует отметить, что это слово в составе

географических названий встречается также в форме «пад», например, *Падроз*-Падрог (селение в Горной Масчи), *Падрūt*-Падрут (селение в Пенджикентском районе). Второй частью данного названия является «рут», которое имеет значение «река, ручей и большой канал». Исследователи придерживаются той точки зрения, что «рūd» в древнеперсидском языке имел форму «gauta», которая до сих пор используется в ягнобском языке.

Как в согдийском языке, так и в среднеперсидском языке оно приобрело форму «рūt», что естественно, ибо древний дифтонг «au» в средний период развития иранских языков давал гласный «ū», а гласный «a» в конце усекался, звук же «t» заменялся «d». Отсюда в древнеперсидском языке gauta; в среднеперсидском и согдийском рūt; в таджикском –персидском рūd» [154, 37].

Оба компонента данного слова вместе обозначают гидронимического места, они указывают на территорию, где существуют вода. Само географическое местоположение Порут также доказывает эту мысль.

в) *Фарсич* (**Гарсич**).

Фарсич – это название ручья, большого арыка в восточной части села *Ревомутк* Центральной Сады Горной Масчи, первая часть которого, как представляется, является одного корня с согдийским словом «*гар//гарь*», имеющим значение «кūх»-«гора». Известный учёный А.Л.Хромов при рассмотрении согдийских названий *Рогич* (**Рогич**) и *Фазнич* (**Газнич**) «-ич» посчитал топоформантом, указывающим на местность [157, 30]. По поводу слова «*гар//гарь*» учёный пишет, что данное существительное вовсе не имеет значение «кūх»-«гора», а указывает на место, благоустроенное людьми, но содержащий перевал [153, 94]. Однако другие исследователи, не обращая внимания на эту сторону проблемы, ограничивались отражением значения «кūх»-«гора».

Название *Фарсич* непосредственно не является выразителем значения «кūх»-«гора», а указывает на место, расположенное на склоне горы. Само

географическое местоположение этой местности подтверждает данную гипотезу, ибо она расположена в отрогах гор.

г) *Хутич*.

И это название относится к разряду согдийских составных микропонимов. Следует сказать, что «хут» имеет общий корень с рядом слов иранской группы языков, выражающих понятия *чашма*, *рӯд* (ключ, источник, родник, речка и другие гидронимические места).

Эту проблему мы рассмотрели при изучении топонима *Худгиф*, и нет необходимости в повторении того, что было сказано.

Компонент «-ич» является топоформантом, указывающим на место, что установлено исследователями. *Хутич* – это название ключа, источника в ущелье *Ревад* селения *Эсизи Поён* Центральной Сады Горной Масчи.

4. Фитотопонимы.

а) *Марг* (Марг).

Принадлежность к согдийскому языку слова «*марг*», встречающегося в большом количестве в составе географических названий Центральной Сады Горной Масчи, учёные уже доказали. Это слово в словарях находит следующее толкование: «*маргзор*»-«луга; лужайка, покрытая травой» [51, 104], «*навъ аз гиёх, ки ба анбӯҳӣ рӯяд, багоят сабзу нозук бошад...*»-«вид очень зелёной и нежной травы, растущей густо» [48, 251], «*алаф, маргзор, чаманзор, алафзор*»-«травя, луг, покрытый зеленью» [11, 1, 645], «*як навъ алафи худруи нозук, ки дар ҷои сернам мерӯяд*»-«вид дикой, нежной травы, растущей в местах повышенной влажности»[31, 122].

Собранный нами материал показывает, что это слово применяется не отдельно, а в составе сложных слов и названий вида топоним-словосочетание: *Шутимарг*-Шутимарг (местность, с. Х.С.), *Хамбатамарг*-Хамбатамарг (местность, с.Х.С.), *Магзори* (маргзор-магзор) *Боло* (пастбище, с.Х.С.), *Маргзорча* (*магзорча*-магзорча) (засеянное поле, с.Х.О.) и др.

б) *Эшимзор*.

Название горы в селениях *Рогиф* и *Эсизи Поён*, которое образовалось от фитонима «эшим» и топоформанта «-зор». *Эшим* – это звуковой эквивалент «вешима», её принадлежность к согдийскому языку доказано учёными. Исследователь ягнобского языка С. Мирзозаде отмечает, что «веш» в ягнобском языке имеет значение «алаф»-«трава». Доро Наджот, опираясь на ягнобский язык, *вешим* считает образованным от «веш//вайш» (имеет значение «алаф»-«трава») [23, 100-101].

5. Названия различных местностей:

а) *Футо* – Гуто.

Футо - это название сада с селении *Худгифи Офтобру* Центральной Сады Горной Масчи. *Фут* – согдийское слово, имеющее значение «*харсанг, санги калон*»-«скала, каменная глыба, валун» [202, 62-66]. Следует оказать, что в этой местности встречается большое число огромных скал, что подтверждает наличие в слове «*гут*» этого значения. Компонент «-о» является сокращенной формой топоформанта «-*хо*», указывающего на множественное число предмета. Это слово обозначает место, где имеется большое количество скал, валунов.

б) *Пирч*.

Пирч - это согдийское слово, имеющее значение «*пирях, яхи калони кӯҳ*»-«ледник, большой лёд в горах» [152, 75]. Одновременно с тем, что это слово в Центральной Сады Горной Масчи в местном говоре в этом значении имеет широкую сферу употребления, также было замечено, что оно выступает и в роли слова, обозначающего местность: *Пирч* (ледник, с.Эс.П.).

в) *Варг* – **Варг**.

Варг, принадлежит к разряду слов, имеющих широкую сферу употребления, в словаре приводится и в форме «*барг*», который семантизируется так: «*варг* (в санскрите *varga*) *садду банде, ки аз чӯбу хошок ва гиёҳ дар ҷилави рӯду наҳр банданд*»-«препятствие, дамба, которую ставят из дерева, сена и трав, прикрывая течение канала, реки» [33, 1166]. А.Л.Хромов также «*варг*» комментирует как «*банду садд дар ҷӯй*»-«преграду,

плотину в канаве», считает его образованным от ягнобского слова «*vaḡu*» – «*канори болоши замин*» - «верхний слой земли» [152, 75]. В «Ягнобско-таджикском словаре» данное слово также семантизировано как «*қисмати болоши замин*»-«верхняя часть земли» [31, 38]. Следует отметить, что слово «*варз*» в Центральной Сады Горной Масчи в указанном значении в основном употребляется в составе названий категории топоним-словосочетания: *Варзи Замини Дароз* (местность, с.Х.С.), *Варзи Испуни Абдукарим* (местность, с.Рев.), *Варзи Чубори Дашт*-Варги Джубори Дашт (местность, с.Х.О.) и др.

Согдийские топонимы в этом регионе обозначают весьма длительные истории переименования древних и новых языков, и в этом смысле особо заметно их вклад в деле формирования географических названий. Эта группа топонимов ещё раз свидетельствует о том, если даже язык выходит из всеобщего употребления и отмирает, но группа географических названий сохраняется. Доказательством сказанному является то, что хотя согдийский язык в Центральной Сады Горной Масчи примерно тысяча лет назад потерял свою функцию как средства общения, но его слова внесли весомый вклад в деле формирования географических названий.

Основная причина сохранности согдийских слов в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи связана с относительной устойчивостью географических названий по сравнению с обычными словами. На наш взгляд, другим фактором сохранности этой группы названий является отдаленность региона исследования.

Словом, топонимы этого региона ещё раз доказывают то, что эта земля была некогда территорией распространения согдийского языка. Они свидетельствуют и о том, что топонимы по сравнению с обычными словами словарного состава языка являются более устойчивыми и сохраняются в течение многих столетий.

2.2. Заимствованные топонимы.

2.2.1. Арабские топонимы.

Переход слов из одного языка в другой –обычное явление, и нельзя найти язык, в котором все слова были бы абсолютно исконными. Известный исследователь Ирана Маликушшуаро Бахор по поводу взаимовлияния языков пишет: «В мире нет языка, который мог бы остаться в стороне от других языков, разве есть язык народа, который ни в коем случае не смешивается с другим народом, и это весьма затруднительно...» [29, 134].

Таджикский язык, с этой точки зрения, не является исключением, в его словарном составе одновременно с исконными словами встречается большое количество слов, которые по своему языковому генезису не относятся к иранским языкам. Примером тому может послужить новый период развития таджикского языка, когда в его словарный состав из арабского и тюркских языков разными путями и по разным причинам вошло большое количество заимствованных слов.

Лингвисты указывают на многие факторы перехода слов из одного языка в другой, важнейшими из которых являются социально-политические, экономические, культурные отношения, совместная жизнь представителей двух языков и перевод литературной и религиозной литературы [89, 35].

Известно, что разговорный язык населения местности оказывает непосредственное влияние на микропонимию, ибо микропонимы по сравнению с топонимами обладают меньшей устойчивостью, и они под влиянием языка местного населения попадают под большее структурно-семантическое изменение.

Некоторые исследователи отмечают, что «в Масче (Масче –О.А.) ни одна гора или ущелье, река или родник не названы на греческом, арабском, монгольском или тюркских языках», [1, 100], но в Центральной Сады Горной Масчи одновременно с большим количеством исконных слов-названий можно встретить микропонимы, являющиеся заимствованными из

арабского и тюркского языков. Эта группа микропонимов составляет основную группу заимствованных географических названий Центральной Сады Горной Масчи.

Важно отметить, что использование арабизмов в языках разных стран имеет тесную связь с исламской верой и военными походами арабов с целью распространения своей религии. Основная причина широкого применения в словарном составе таджикского языка исконной лексики арабского происхождения заключается в развитии исламской веры на его территории. Академик А. Мухторов в своём труде «Горный массив» пишет, что «по данным произведений арабских учёных, в начале УШ века *Бутамм* была самостоятельной политической долиной. Затем арабы приступают к завоеванию истоков Зеравшана. *Балозури* даёт сведения о нашествии сына арабского наместника Язид ибн Мухаллаба (701-704) на *Буттам* и о втором нашествии туда Кутайбы ибн Муслима в 713-714 годы» [35, 100]. Важно отметить, что это арабское нашествие не могло не оказать влияния на язык местного населения, и развитие исламской веры в дальнейшем привело к распространению арабских слов. «Арабы, - пишет профессор Ш. Хусейнзаде, - под лозунгом исламской веры нанесли значительный удар по культуре народов наших стран (Ирана, Средней Азии – А. О.). После завоевания Междуречья и Хорасана исламская вера, обычаи, традиции и арабский язык были объявлены официальными. Постепенно вышли из употребления согдийский и хорезмийский языки. Вместо древнесогдийского и хорезмийского алфавитов был внедрен арабский алфавит, и вместо храмов огнепоклонников и их святилищ были построены мечети и медресе. Обучение и изучение наук преимущественно было организовано на арабском языке» [59, 21].

Известный ономаст А. В. Суперанская справедливо отмечает, что «в истории ономастики мусульманские названия, распространенные через исламскую веру (в УП веке н.э.) в подавляющем большинстве стран Азии, Африки и некоторых регионах Европы, сыграли весьма большую роль.

Значительна их роль и в русской ономастике, ибо названия большого числа мест и русских фамилий, заимствованных через татарский язык, по своему происхождению являются арабскими» [146, 29]. Следует отметить, что роль арабских антропонимов на территории Средней Азии весьма значительна, и их влияние на названия определенных мест весьма ощутимо. Мы успешно можем проследить влияние арабских антропонимов на микропонимы Центральной Сады Горной Масчи.

Следует отметить, что место арабских названий в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи также весомо, и определенную их часть составляют микропонимы арабского происхождения, и большая их часть так распространилась в речи населения этого региона, что трудно поверить в то, что они заимствованы из другого языка. Не следует забывать, что эти арабизмы стали причиной выхода из употребления значительного числа исконных таджикских названий.

1. *Шахидун* (Шахидон-Шахиды) название местности в селении *Худгифи Соя*. Следует сказать, что слово «*шахид*» исконно арабского происхождения, семантизированное в словаре следующим образом: «дар чанг кушташуда; кушташуда дар роҳи дин; маҷозан беғуноҳ кушташуда; қурбон шуда»- убитый на войне; убитый за веру; иносказательно невинно убитый [61, 2, 577].

Среди населения изучаемого региона относительно причины получения этой местностью данного названия имеется предание. Согласно этому преданию, сюда прибыла группа воинов для расширения сферы влияния исламской веры, в результате столкновения с местными защитниками они были убиты, после этого события данное место получило название *Шахидун* (*Шахидон*-Шахидон). Важно отметить, что ни одно название объекта не является случайным, и словарное значение данного названия подтверждает факт наличия в приведенном выше предании реальной основы.

2. *Хойит*- получило толкование как стена и сад, огражденный стеной [61, 2, 750], также указывается его арабское происхождение. Следует сказать,

что этим словом названы различные места в селении *Ревомутк* Центральной Сады Горной Масчи, к числу которых относятся *Ҳоити Шосайд-Хоити Шосайд*, *Ҳоити Мулоқурбун-Хоити Мулоқурбон*, *Ҳоити тағои Мирзошариф-Хоити тағои Мирзошариф*, *Ҳоити Одини Ҳасанбой-Хоити Одины Хусанбой* и др. Собранные материалы показали, что это слово находится в применении лишь в селении *Ревомутк*, и его использование в других местностях региона не было замечено.

Профессор А. Л. Хромов, заметив слово «*хоит*» в топонимической системе Ягноба и Фондарьи в форме «*ховит*», отмечает его употребление в указанном выше значении [154, 19]. Замечено, что «*ховит*» - фонетическая разновидность от «*хоит*», претерпевшая изменение под влиянием говора местного населения.

3. *Суффа* в «СТЯ» семантизируется как «*ҷои нишасти аз замин баландтар дар паси хона ё боз*»-«сидячее место выше земли за домом или в саду» [61, 2, 282]. Одновременно с тем, что это слово широко замечено в говоре местного населения изучаемого региона в указанном значении, в селениях *Ревомутк* и *Муждиф* замечено и как название местности.

4. *Сел* – это арабское слово, которое в словаре приведено в значении «*ҷараёни оби борон, оби зиёде, ки бо сабаби боршиҳои паёнай ва об шудани яхҳо башиддат ва суръат ҷорӣ мешавад*» - «поток дождевой воды, большой поток воды, который по причине непрерывных осадков и таяния ледников течет напряженно и быстро» [61, 2, 177]. Это слово в Центральной Сады Горной Масчи находится в широком употреблении, и им, преимущественно называют, те места, по которым текут селевые потоки, или которые являются руслом селевых потоков. Например, *Нови Сел* (гора, с.Рог.), *Сел* (гора, с.Рев.), *Село* (русло селевых потоков, с.Х.С.) и др.

5. *Мичитак* – название местности на летнем пастбище селения *Ревомутк*. Это слово состоит из компонента «*мичит*» и суффикса «*-ак*». Следует отметить, что слово «*мичит*» является преобразованной формой слова «*масжид*», и в словарях приводится в значении соборной мечети

мусульман [208, 653]. Доказано, что до сих пор в речи населения этого региона слово «масҷид» употребляется в форме «мичит//мачит». Кроме того, в данной местности до сих пор сохраняются развалины здания, которое, по словам жителей этого селения, некогда было мечетью. Также в прошлом большая часть населения до наступления осени проводила жизнь в летних пастбищах, и это естественно, что для совершения намаза, возможно, было воздвигнуто здание мечети.

б) *Мазор* также, являясь арабским словом, в словаре приводится в следующих значениях: «1. *ҷои зиёрат, зиёратгоҳ; оромгоҳи одамони бузург (одатан пешвоёни ислом, ки халқ онҳоро зиёрат мекунад)*. 2. *гӯр, қабр*. 3. *маҷ. гӯристон*»-«1. мазар, место поклонения; место паломничества; место захоронения религиозных мусульманских деятелей, где обычно народ совершает паломничество); 2. могила, гробница. 3. *перенос.* кладбище» [62, 1, 742]. Одновременно с тем, что это слово широко применяется как в таджикском литературном языке, так и в диалектах и говорах как существительное нарицательное, оно широко наблюдается в составе географических названий. Слово «мазор» в Центральной Сады Горной Масчи весьма употребительно, и его можно заметить в составе большого числа микропонимов. Следует отметить, что в большинстве случаев оно сочетается с антропонимами, особенно с *Хоҷа*. Все географические названия, образованные с помощью этого слова, сформированы в модели изафетного словосочетания или топонима-словосочетания: *Мазори Хоҷаи Сабзпӯш*-Мазори Ходжаи Сабзпуш (с.Рев), *Мазори Хоҷа Исҳоқ*-Мазори Ходжа Исхок (с.Х.С.), *Мазори Хоҷа Муҳаммади Гулшан*-Мазори Ходжа Мухаммади Гулшан (с.Рог.), *Мазори Бибисомия* (с.Рог.).

Использование этого слова, как микропоним, замечено также и в отдельности - *Мазор* (местность, с.Х.С.).

7) **Мақбара-Макбара** в словаре приведено в значении «*қабр; қабристон*», «*оромгоҳ, гӯрхона, дахма*»-«могила, гробница; место погребения; мавзолей, склеп» [61, 1, 669; 62, 1, 749], отмечено его арабское

происхождение. Если даже в словаре указано, что это слово имеет значение «*қабр*», но в Центральной Сады Горной Масчи под понятием «*мақбара*» имеется в виду место, где кто-то умер, и его похоронили в другом месте, или во время перенесения тела сели там, чтобы отдохнуть: *Мақбараи Эшони Аъзам* (местность, с.Рог.), *Мақбараи духтари Аголуқ-Макбараи духтари Аголуқ* (гора, с.Х.О.), *Мақбараи Файзулло-Макбараи Файзулло* (местность, с.Эс.П.).

8) *Манора* – это арабское слово, которое в доступных словарях получило следующее толкование: «*бинои баланди сутунмонанди аз сангу хишт сохташуда (дар масҷид ва маъбадҳо), ки роҳи болоравиаш аз дарун аст*»-«высокое здание, похожее на столп, воздвигнутое из камня и кирпича (в мечети и храмах), которое имеет внутренний ход, чтобы подниматься» [62, 1, 755]. В селении *Худгифи Офтобру* Центральной Сады Горной Масчи имеется гора, которую именуют *Манораҳо* - Минареты. Причина такого названия этой местности заключается в том, что когда-то там из камней был построен минарет. Хотя этот минарет ныне и разрушен и сравнялся с землей, его название до сих пор находится в употреблении.

9) *Сабил* является арабским словом, которое в словаре приведено в значении «*афганда дар роҳ, фурумонда, бесоҳиб*»-«брошенный на дороге, оставленный, бесхозный» [62, 2, 185]. В селении *Ревомутк* Центральной Сады Горной Масчи одно из мест именуют *Сабилако*. По преданию престарелых людей, его наследники некогда умерли, и оно осталось бесхозным. А.Мустаджит, обращаясь к этой проблеме, пишет: «Когда кто-то умирал и не имел наследника, то его имущество признавалось сабилак, и оно причислялось к казне падишаха» [34, 97]. Сфера применения этого слова относительно ограничена, и мы обнаружили лишь одно место с этим названием.

10) *Ҳисор* (*Хисор*) слово арабского происхождения, которое мы обнаружили в составе двух топонимов Центральной Сады Горной Масчи: *Қалъаи Ҳисорак* (*Калъаи Хисорак*) – (местность, с. Х.С.) и *Шахи Ҳисор* (гора-

скала, с. Рев.). Это слово в словарях получило следующее толкование: «1. *двор, двори даври қалъа*. 2. *қалъа*» - «1. стена, круговая стена крепости. 2. крепость [62, 2, 507]. «В аспекте выражения значения, - пишет О. Махмаджанов, - и свойственных ему арабских букв можно с лёгкостью определить, что данное слово свойственно арабскому языку и большая часть авторов и составителей словарей также утверждают арабскую основу слова «*хисор*» и его синонимичность со словом «*қалъа*» [106, 66].

Одновременно с другими арабскими словами в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи широко наблюдается название *Вахм*, которое, по свидетельству профессора А. Л. Хромова, является тем же словом «*вақф*» («вақф» - имущество, пожертвованное или завещанное на богоугодные дела) [154, 27]. «*Вақф*» в словаре истолковано как «владение, имущество, которое кем-то завещано мечети, медресе и т.п. при условии, когда с него получается прибыль, но он не становится предметом купли-продажи» [61, 1, 231]. Значение слова «*вахм*» также указывает на это. Как правило, в Центральной Сады Горной Масчи «*вахм*» называют те земли, которые когда-то были завещаны мечети их хозяевами: *Замини Вахм* (с.Х.С.), *Вахмак* (земля, с. Рев.) и др.

2.2.2. Тюркские топонимы.

Если лингвисты проникновение арабской лексики в таджикский язык после нашествия арабов объясняют следствием перевода художественной и религиозной литературы, то в случае с тюркоязычными словами придерживаются мнения, что «из узбекского языка (который является одним из группы тюркских языков – А.О.) через письменные источники проникли небольшое количество слов. Следует отметить, что большая часть узбекских слов и лексики из других тюркских языков, проникших через узбекский язык в основном были заимствованы через разговорную речь, то есть в результате совместного проживания приграничных национальностей.

Исследователи заимствованных топонимов Таджикистана, в том числе профессор А. Хромов, Р. Додихудоев, Ш. Исмоилов и О. Махмаджанов по структуре и их языковой принадлежности топонимы классифицируют на три группы: 1) исконно тюркские топонимы (*Қазноқ* - Казнак, *Қалавур* - Калавур, *Оқтош*-Октош, *Тошқурғон*-Ташкурган, *Янгиқурғон*-Янгикурган и др.); 2. смешанные топонимы (двуязычные) (*Санғайроқ*-Сангкайрок, *Зўртумшук*-Зуртумшук, *Қашқакўҳ*-Кашкакух, *Лолақул*-Лолакул, *Одамтош*, *Арчабулоқ*-Арчабулок, *Ўруқдара*-Урукдара и др.); 3) топонимы-смешанные словосочетания (*Дарёи Ишкина*, *Йурти Калон*, *Кўҳи Қушлич*-Кухи Кушлич и др.) [84, 84-87; 92, 12-13; 101, 96-100; 175, 54-55].

Следует отметить, что исконные тюркские топонимы Центральной Сады Горной Масчи наблюдаются как в отдельности, так и в составе сложных микротопонимов. Заимствованные тюркские микротопонимы в регионе относительно малочисленны и применяются большей частью локально.

1) *Қишлоқ*- **Кишлак** является тюркским словом, имеющим словарное значение «тёплого места, где проживают в зимнее время, а также значение села» [48, 135]. Кроме того, что это слово в значении «деҳа» («село») широко применяется в Центральной Сады Горной Масчи, также было замечено его употребление как микротопоним в селе *Ревомутк*. На наш взгляд, причина того, что эта местность получила название *Қишлоқ*, заключается в том, что население в течение года несколько месяцев своей жизни проводило в этой местности и данное место признавало своим вторым селением.

Топонимист О. Махмаджанов при рассмотрении элемента «-лоқ», указывающего на место, опираясь на «*Фиёс-ул-луғот*», отмечает, что слово «*қишлоқ*» состоит из «*қишт*» и «*лох*», что означает «место, где сеют» [106, 100], что свидетельствует о том, что это таджикское слово. Мы также поддерживаем данную точку зрения, ибо кишлак – это место, где занимаются сельским хозяйством.

2) *Кутан*-Кутан является тюркским и наиболее употребительным словом в изучаемом регионе, которое имеет значение места содержания скота. Установив тюркское происхождение этого слова, топонимисты утверждают, что в различных регионах республики наблюдается широкое его применение [106, 105]. В том числе, мы обратили внимание на его употребление в составе географических названий Центральной Сады Горной Масчи. *Кутани Тура* (местность, с.Рев.), *Кутани Чешил* (пастбище, с.Х.С.), *Кутани Хавзу* (местность, с. Эс.П.), *Кутани Сибед* (пастбище, с.Рев.), *Шаки Кутан* (гора, с.Х.С.), *Кутани Бобошодй* (гора, с.Эс.П.).

3) *Кудуқ*-Кудук в ТСТЯ получило толкование как колодец, колодец с водой [62, 1, 695], также отмечено, что оно тюркского происхождения. В Центральной Сады Горной Масчи этот топоним находится в широком применении как в форме «*кудуқ*», так и в форме «*кудик*», и преимущественно им называют места, где имеется колодец с водой («*кудик*»). Например, *Кудик*о (гора, с.Х.Т.), *Кудик* (местность, с.Х.С.), *Даҳани Кудуқ* (местность, с.Муж.), *Кудики Тагоби Бето* (гора, с.Рог.) и др.

4) *Қот*-Кот в словаре приводится в значении «*зирк*» и «*барбарис*» [62, 1, 668]. Это слово одновременно с тем, что широко употребляется как название растения, с его помощью созданы также и фитотопонимы. Например, *Қото*, *Чашми Қот* и др.

5) *Сой* является тюркским словом, которое семантизировано так: «горная река; небольшая река, которая течет по ущелью и вливается в большую реку... «*сой*», являясь тюркским словом, издревле находится в употреблении в таджикской речи» [23, 416-417]. И данное слово весьма продуктивно. В изучаемом регионе оно широко употребляется как название гидронимов. Все названия, образованные с его помощью, приведены в форме топонима-словосочетания: *Сойи Ревад* (горная река, с.Эс.П.), *Сойи Порут* (горная река, с.Рев.), *Сойи Давлатхуча*-Сойи Давлатходжа (гидронимическая местность, с.Х.О.), *Сойи Агобико*-Сой Агобико (гидронимическая местность, с.Х.С.) и др.

2.3. Смешанные топонимы (двуязычные)

Эта группа микротопонимов состоит из двух компонентов, один из которых исконно таджикский, второй принадлежит к арабскому или тюркским языкам. Например, *Қароғушхона* - Карогушхона, это название состоит из двух частей: «*қароғуш*» (*қароқуш*) и «*хона*». *Қароқуш* в словаре приводится в значении «чёрный орёл; быстроногий черный скакун, конь» [62, 1, 668], где также указывается то, что это слово с тюркского происхождения. Это название имеет значение «черного орла», в говоре населения Центральной Сады Горной Масчи так называют орла. *Қароғушхона* – название скалы в селении *Худғифи Соя* данного региона, а А. Мустаджир в своей книге путешествий приводит его в форме *Қаровушхона*.

Ҳайдарчаман-Хайдарчаман состоит из двух компонентов. Первый компонент (*хайдар*) арабского происхождения и в словаре приводится в значении «*шер*» («лев») и «прозвище Али» (р) [62, 2, 480]. Вторым компонентом является слово «*чаман*», которое исконно таджикское. В селении *Ревомутк* у берегов реки Зеравшан одно из местностей называют *Ҳайдарчаманом*.

Заимствованные микротопонимы Центральной Сады Горной Масчи свидетельствуют о том, что даже язык населения отдаленных регионов не может быть свободной от влияния других языков. Указанные названия ещё раз свидетельствуют о том, что одновременно с исконными топонимами в топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи наблюдаются и заимствованные топонимы, к примеру, арабские.

Среди собранных материалов, большая часть которых таджикского происхождения, одна группа на согдийском языке, меньшая часть принадлежит к арабским и тюркским языкам, зафиксированы два микротопонима русского происхождения. Одно из этих названий «колхоз», встречающийся в составе *Бози Колхоз* (с.Рев. и с.Хайр.), другое «учаска»-

«участок» (с.Эс.) в значении земля. Известно, что эти названия не имеют столь древнюю историю и возникли в советское время, ибо данный регион находится в значительном отдалении, и влияние русского языка на этой земле не было в той степени, как в больших городах.

2.4. Топонимы и микротопонимы, языковой генезис которых не установлен

Исследователи географических названий отмечают наличие в целом ряде регионов неизвестных топонимов, определить значение которых не представляется возможным. Ч. Алими при изучении географических названий региона Куляба, указывает на неизвестность целого ряда топонимов: «...не удастся определить семантику целого ряда названий, и они неизвестны в смысле состава, структуры и внутренних особенностей» (*Сайлон, Синонй, Сулун, Тийон, Хайдака, Таркънучй-Таркнуджи, Дектьр, Баглел* и др.) [71, 36]. Естественно, когда неизвестны семантика и история лексемы, то нельзя и определить, к какому языку она относится. В топонимической системе географических названий северной части Гисарской долины исследователи выделили ряд топонимов и микротопонимов, которые неопределенны с точки зрения языкового генезиса [106, 112].

Выводы второй главы.

Изучение географических названий Центральной Сады Горной Масчи показало, что ряд топонимов и микротопонимов региона не имеют очевидного языкового происхождения, что не даёт возможности комментировать и семантизировать их. Именно эта проблема становится причиной того, что они не установлены в смысле языкового генезиса и словарного значения. Географические названия региона, языковое происхождение и конкретное словарное значение слов, которых не установлено, можно разделить на две группы: топонимы и микротопонимы:

а) топонимы: *Муждиф* (село), *Ревомутк* (село), *Эсиз* (село), *Ёбид* (степь, с. Рев.), *Истирич* (местность, с.Эс.П.);

б) микротопонимы: *Локурак* (гора, с. Эс.П.), *Потке* (местность, с.Муж.), *Мирсад* (гора, с.Х.С.), *Туллум* (местность, с.Рог.), *Хурзан* (местность, с.Рев.), *Сийун* (гора, с.Рев.), *Қаллола-Каллола* (местность, с.Рев.), *Утироз-Утирог* (гора, с.Рев.), *Патхут* (пастбище, с.Рев.), *Шолот* (гора, с.Х.О.), *Фаштак-Гаштак* (местность, д.Рев.), *Анс* (гора, с.Рев.), *Ҳалилум-Халилум* (сопка, с.Рев.) и др.

На наш взгляд, одной из причин того, почему сегодня непонятны и неизвестны языковой генезис некоторых топонимы и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи, заключается в том, что эта группа названий берет свои истоки от согдийского языка или других иранских языков. Население местности, не обладая сведением о значении и происхождении, искажало их произношение, что с течением времени привело к их отчуждению от своих истоков и невозможности их изучения и семантизации. С. Фатхуллоев справедливо отмечает, что «...особое внимание следует обратить на исторические названия и топонимы, ибо некоторые из топонимов имеют древнюю историю, в течение которой они изменили форму и значение, или население, не осмыслив их суть, изменило их название» [160, 119]. Известно, что наши предки не давали бессмысленные названия своим потомкам и той или иной местности.

Возможно, со временем после завершения новых исследований на базе топонимики будет снята пелена с некоторых непонятных географических названий. Но следует сказать, что определение лексического значения и истории происхождения подобного рода топонимов является делом тяжелым и трудоемким, и в большинстве случаев не удастся определить исконность происхождения топонимов и микротопонимов. Для определения этой группы названий исследователю необходимо хорошо усвоить историческую диалектологию, говор местного населения и быть сведущим в вопросах истории мёртвых языков, функционировавших в этом регионе.

Наблюдения показывают, что большая часть микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи, имеющих неизвестный языковой генезис

и неопределенное словарное значение, являются названиями той или иной местности, отдалённой от центра обитания населения региона и не имеющие отношения к его жизни. Возможно, бессмысленность этой группы географических названий связана с данной проблемой, ибо расположение вдали от места обитания населения, на наш взгляд, стало фактором отсутствия у них значения. Однако, есть немало названий мест, не имеющих определенного значения, но расположенных вблизи места обитания населения региона.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что топонимы, языковой генезис которых не установлен и которые имеют неопределённое лексическое значение, по сравнению с другими сёлами Центральной Сады Горной Масчи в большей мере встречаются в селе Ревомутк, и данный вывод подтверждают приведенные нами примеры.

Глава III. Топонимы и микротопонимы Центральной Сады Горной Масчи: семантический анализ.

3.1. Антропотопонимы региона.

Два тесно связанных друг с другом раздела ономастики, один из которых связан с изучением и рассмотрением личных имён – антропонимика, и другой, связанный с исследованием и анализом географических названий – топонимика – вместе образуют раздел антропотопонимов.

Антропотопонимы в таджикском языкознании до сих пор не стали предметом обстоятельного и всестороннего изучения и исследования, лишь отдельные аспекты этой глобальной проблемы изучены такими топонимистами как А.Хромов, Р.З.Розенфельд, О.Гафуров, А.Абдунабиев, Ш.Хайдаров и др.

Антропотопонимы долины Зеравшан, в том числе Центральной Сады Горной Масчи, до настоящего времени не стали предметом глубокого и всестороннего изучения кого-либо из лингвистов.

Следует отметить, что исследователи, занявшись изучением антропотопонимов целого ряда регионов, одновременно с другими аспектами проблемы изучили их принадлежность к женским и мужским именам. Исследователи раздела топонимики пришли к выводу, что девяносто процентов из ста подобного рода слов имеет отношение к мужским именам. Поднимая вопрос о меньшем количестве женских топонимических имен в этих регионах по сравнению с мужскими, исследователи пришли к такому выводу: «Возможно, одним из факторов является то, что хозяйственной деятельностью в регионе заняты преимущественно мужчины, или в прошлом, иногда, и до сих пор, меньшее использование женских имён в названиях способствовало меньшей доли участия женщин в различных отраслях народного хозяйства согласно религиозной точки зрения и требований шариата. То есть, прежние иногда и нынешние традиции стали

одной из причин меньшего привлечения женских имён в формировании топонимии региона по сравнению с мужскими именами» [70, 194].

Хотя топонимисты и утверждают, что «если сравнивать топонимию других регионов Таджикистана, то можно сказать, что женские имена отражаются в топонимах и микротопонимах региона не так часто. Из 300 географических названий долины Зеравшана (г. Пенджикент и его окраины) 48 составляет мужские антропонимы и лишь 3 составляют женские имена» [106, 157]. Но в Центральной Сады Горной Масчи по сравнению с другими регионами женские антропонимы встречаются чаще. Хотя в других регионах и не замечены случаи связи целинных земель и иных мест с женскими именами, но в исследуемом регионе можно встретить подобного рода названия, например, *Санги Махтарма* (гора, с.Рев.), *Мазори Бибисомия* (кладбище, с. Х.С.), *Сои Азобико* (местность, с.Х.С.), *Замини Махбибӣ* (земля, с.Х.С.), *Боги Мирӣ* (*Мехрӣ- мехри*) (сад, с.Рев.), *Замини Олия* (земля, с.Рев.), *Зандоли очи Мобибӣ* (дерево, с.Рев.), *Зардоли Мобибӣ* (местность, с.Муж.) и др.

Как показывают собранные материалы, в исследуемом регионе содержатся большое число антропотопонимов, которые образовались в виде сложных слов и «в форме свободных синтаксических словосочетаний, и их компоненты связаны друг с другом с помощью изафетной частицы» [106, 147].

Как и в других регионах Таджикистана, имена людей, оказывая заметное влияние на микротопонимы исследуемой местности, образуют большую группу географических названий. В топонимической системе Центральной Сады Горной Масчи таким способом образована большая группа антропотопонимов, которую целесообразно группировать следующим образом:

3.1.1. Антропооронимы

Антропооронимы, в состав которых входят географические понятия *замин* -земля, *бог* -сад, *дашт* -степь, *бармол* - ухабистое место, непригодное для посева, *қутан* -место содержания скота, хлев и им подобные как основные компоненты:

а) термины на подобии земля+антропоним, или двухсоставные. Этот тип антропонимов весьма распространен, он является наиболее многочисленным в топонимической системе изучаемого региона и состоит из двух компонентов. Вторая часть этих названий – это имя частных лиц, указывающее на принадлежность им объекта: *Замини Собир*-Земля Собира (с. Эс.П.), *Замини Маҳадқосим*-Земля Махадкасима (с.Рев.), *Замини Бобои Давлат* (с.Эс.П.), *Замини Юнус* (с.Х.О.), *Замини Муллолатиф* (с.Рог), *Замини Устоҳалим* (с.Х.С.), *Замини Гадомахмад* (с.Муж.) и др. Этот вид названий в Центральной Сады Горной Масчи и, вообще, у истоков Зеравшана находится в широком употреблении, что имеет свои причины. Другая группа, относящаяся к данной категории, это трёхсоставные названия (земля+антропоним+антропоним). Например: *Замини Одинаи Ҳасанбой*-Земля Одины Хасанбая (земля, с.Рев.), *Замини Одинаи Иқлим* (земля, с.Х.С.), *Замини Сангини Зарифӣ* (местность, с.Муж.). Основным фактором появления такого рода антропонимов является то, что богатством населения этой местности является земля, которая передается в наследство от отца детям, а дети вспоминают о ней, связывая её с именами отцов и дедов, что постепенно распространяется. Причина тесной связи земли с именем того или иного лица заключается в том, что в этом регионе земля почти не продается и сохраняется под первоначальным именем;

б) термин типа *бог* (сад)+антропоним, или двухкомпонентный и трёхкомпонентный: *Боги Мулло*-Сад Муллы (с.Рев.), *Боги Ноёб* (с.Х.С.), *Боги Исмат* (с.Х.О.), *Боги Гулмирзой* (с.Х.С.), *Боги Розия* (с.Рев.), *Боги Нормаҳмад* (с.Рог.), *Боги Тўфун* (с.Эс.П.), *Боги Ҳабибулло* (с.Х.О.) *Боги Мирзои Давлат* (с.Эс.П.), *Боги Исмати Қорӣ* и др.;

в) термин типа *бармол*+антропоним. Слово «*бармол*» в «*Бурхони қотеъ*» («*Бурхони қотеъ*») приводится в следующем значении: «*Бармол* - это поверхность и хребет горы, холма...» [15, 196]. В данном регионе *бармолом* называют ухабистое место, не пригодное для посева, но которое используют для разведения садов: *Бармоли Сидаҳмад* (с.Х.О.), *Бармоли Мулоабдукарим* (с.Рев.), *Бармоли Раҷаб* (с.Х.С.), *Бармоли Азобико* (с.Х.С.);

г) термин типа *чар* (пропасть) + антропоним: *Чаррои Мирзои Ҳоҷӣ* (с.Х.С.), *Чарои Бобои Давлат* (с.Эс.П.), *Чарри Юнус* (с.Рев.), *Чарри Зоҳидпарида* (с.Х.С.), *Чарри Ҳоҷибибипарида* (с.Х.С.), *Чари Гулчиранар* (с.Эс.П.), *Чари Шехмурод* (с.Эс.П.) и др.;

д) термин типа *дашт* (степь, равнина) + антропоним. Слово «*дашт*» считается одним из наиболее употребительных слов в литературном языке и во всех диалектах таджикского языка. Именно высокая продуктивность данного слова стала причиной того, что оно встречается в топонимической системе различных регионов Таджикистана. По данным исследований топонимистов, «этот термин (*дашт*) одновременно со своим исконным значением, означающим «степь, равнина», в антропонимической структуре приводится ещё в значении «пастбище, пашня, участок земли того или иного лица» [106, 148]. Следует отметить, что в Центральной Сады Горной Масчи также находятся в употреблении некоторые из указанных значений данного понятия, в частности - участок земли того или иного лица: *Дашти Рағно* (с.Рог.), *Дашти Тура*. Прежде чем приступить к рассмотрению этого названия, мы считаем целесообразным дать сведения об истории получения степью этого названия, ибо «топографическое название почти никогда не случайно и не лишено смысла. В нём, как правило, отражается какой-либо характерный признак, характерная особенность или обстоятельство, которые являются плодом разума и мысли человека» [187]. Следует подчеркнуть, что во второй половине XVIII века между населением селений *Худғифи Соя* и *Ревомутк* произошёл конфликт из-за этой степи. Дело дошло до того, что несколько человек получили переломы рук и ног. Наконец, Охун Худжамир

из Палдорака, авторитетная личность того времени, предложил объявить эту степь жертвованием Туре Бузургходже (сыну Ишана Авлиёджуна из Андарака). Все принимают это предложение, после чего степь становится известной под таким названием. Какое название носила степь до того, пока неизвестно.

В словарях «*тӯра*» приводится в значении «прозвище вельмож правительства Бухары и прозвище приближённых эмира в Бухаре» [61, 2, 382].

Однако, как стало известно, не только престолонаследников и ближайших родственников эмира, но и представителей духовенства в Горной Мастче наделяли прозвищем «*тура*», в то время когда они не имели никакого родства с эмирами Бухары, если бы они были приближёнными эмира, никогда не избрали бы местом своего обитания отдалённый горный регион. Так, встречаются примеры *Замини Тура*, *Боги Тура* (с.Рев.) и др., что подтверждает высказанные выше суждения;

е) термин типа *мақбара* (гробница) + антропоним. *Мақбара* является словом арабским, и в «СТЯ» приводится в значении «*қабр; қабристон*»- «могила, гробница, кладбище» [61, 1, 669]. В топонимической системе этого региона данное слово имеет широкую сферу применения. Следует отметить, что этим словом называется место, где кто-то умер, но похоронен в другом месте: *Мақбари Файзулло* (с.Эс.П.), *Мақбари Сидолим* (с.Эс.Б.), *Мақбари Устониёз* (с.Эс.П.), *Мақбари духтари Азолуқ* (с.Х.О.) и др.;

ё) термин типа *қутан* (хлев, место содержания скота) + антропоним. Слово «*қутан*» в словаре семантизируется как «место для зимовки стадо овец», и отмечено, что оно тюркского происхождения [62, 1, 700]. Так как регион нашего исследования имеет благоприятные условия для развития животноводства, такого рода антропотопонимы находятся в широком употреблении. И основная причина такого рода названий заключается в том, что эти стада были впервые разведены какими-то конкретными лицами:

Қутанои Абдулло (с. Эс.П.), *Қутанои Бобошодӣ* (с.Муж.), *Қутанои Ҳамробой* (с.Эс.Б.), *Қутанои Алӣ* (с.Рев.) и др.

3.1.2. Антропогидронимы

В деле формирования микротопонимов региона особое место имеют географические термины, сочетающихся с гидронимическими объектами. Этот вид микротопонимов начинается словами «*чашма*»-«родник», «*чӯбор*» («*чӯйбор*»)-«ручей, арык», «*шарра*» («*шаршара*»)-«водопад», «*обраҳа*»-«сток воды, русло», «*обрав*»-«водосток» и «*сой*»-«ручей, речка»:

а) термин типа *чашма* «родник»+антропоним: *Чашмаи Мирзошариф* (с.Рев.), *Чашмаи Шомирзо* (с.Х.С.), *Чашмаи Ниёзмалик* (с.Эс.П.), *Чашмаи Бобошодӣ* (с.Эс.П.), *Чашмаи Маҳадшариф* (с.Х.О.) и др.;

б) термин типа *шара* (*шаршара*)-«водопад» + антропоним: *Шарраи Азим* (с.Х.О.), *Шарраи Сидаҳмад* (с.Х.С.), *Шарраи Атобулло* (с.Эс.П.), *Шарраи Миродина* (с.Рев.), *Шарраи Муломахмад* (с.Муж.) и др.;

в) термин типа *чӯбор* (*чӯйбор*)- «арык, речушка» + антропоним: *Чӯбор Сафари Хунакалун* (с.Х.О.), *Чӯбори Бобои Қаландар* (с.Эс.П.), *Чӯбори Мирзои Сиёҳ* (с.Эс.Б.) и др.;

г) термин *испун* + антропоним. «*Испуном*» называют «арык, оба края и дно которого состоят из камня», чтобы вода не могла протекать через него: *Испуни Абдукарим* (с.Рев.), *Испуни Олим* (с.Х.О.), *Испуни Мулосайфулло* (с.Х.С.), *Испуни Халил* (с.Эс.П.), *Испуни Қурбони Раҳим* (с.Хайр), *Испуни Боймахмад* (с.Муж.), *Испуни Ниёзбоқӣ* (с.Муж.), *Испуни Аъзам* (с.Х.С.) и др.;

д) термин *сой*-ручей, речка + антропоним: Слово «*сой*» в Горной Мастче весьма популярно, и им называют горные реки. Это слово в «ТСТЯ» получило следующее толкование: 1. река, ручей, канал, арык. 2. русло реки, поток, обрыв, пропасть» [62, 2, 258]. Автор «*Фарҳанги Доро*» («Словаря Доро») даёт более подробное толкование слова «*сой*» и указывает на то, что оно тюркского происхождения: «горная речушка; арык, который течет по дну

ущелья и впадает в реку или большой арык...Прим.: «сой», являющееся тюркским словом, издревле употребляется в таджикском языке» [23, 416-417].

Слово «сой» в Центральной Сады Горной Масчи находится в употреблении в указанных значениях и широко употребляется в составе географических названий – гидронимов: *Сойи Азобико* (местность, с.Х.С.), *Сойи Давлатхӯча* (пастбище, с.Х.О.).

Кроме видов, указанных выше, также на территории изучаемого региона находятся в широком употреблении в географических названиях гидронимов региона формы «обрав»-«водосток» (*Обрави Холмахмад* (местность, с.Эс.П.), «обраха»-«сток воды, русло» (*Обрахи Боймирзо* (местность, с.Эс.Б.), *Обрахи Толиб* (местность, с.Эс.П.).

Кроме антропотопонимов, приведенных выше, также встречаются названия, образованные в форме сложных и смешанных слов. Это слова типа *Расулпарида* (скала, с.Х.С.), *Нодирасангада* (местность, с.Рев.), *Зухурпарида* (пастбище, с.Х.С.), *Гулчиранар* (пропасть, с.Эс.П.), *Устофатхуллопарида* (скала, с.Х.С.) и др.

Кроме тех разнообразных примеров, которые были приведены выше, фиксированы также породы деревьев (*Бодумаки Мирзоқодир*, *Ворихии Милакшо*, *Себи Исмат*, *Тут (тут)-и Устоҳалим*, *Чормағзи Мулораҷаб*, *Талхаки Боботоҳир*, *Реми Ҳофизниёз* и др.), мельницы (*Осиёи Бобои Шех*, *Осиёи Нормаҳмад*, *Осиёи Баққо*, *Осиёи Рӯзӣ*, *Осиёи Боймаҳмад* и др.), хирманы (*Хирмани Боймаҳмад*, *Хирмани Мирзошариф*), крепости (*Қалъаи Миродина*, *Қалъаи Ботурхӯча*, *Қалъаи Қайсар//Кайсар*), кладбища (*Мазори Хоҷи Сабзпӯш*, *Мазори Хоҷа Исҳоқ*, *Мазори Хоҷа Муҳаммади Гулшан*, *Мазори Бибисомеа*, *Мазори Хоҷа Иброҳим*) и им подобные, связанные с именами людей.

Сфера исследования антропотопонимов Центральной Сады Горной Масчи весьма широка, и мы считаем необходимым разъяснить причины их возникновения:

1. Разведение сада кем-либо и скрепление его названия со стороны населения за именем этого человека;
2. Благоустройство участка земли отдельными лицами и закрепление его названия за именем этого человека;
3. Трагические падения людей со скал или в пропасти становится причиной закрепления названий этих мест за именами этих людей;
4. Сооружение домов, хлева, моста и т.п. тем или иным человеком;
5. Место казни того или иного лица в той местности. Например, *Бурси Икром* (название места, с.Х.О.). По свидетельству людей преклонного возраста, в этой местности, под арчой, казнили человека, после чего это место стали называть его именем.

3.2. Зоотопонимы

Зоотопонимы также являются частью ономастики и состоят из двух компонентов. Первая часть – название животных, вторая – название пространства, которые вместе обозначают название места, где, обитают большое количество различных животных, или в прошлом это было местом их обитания. Вообще, под термином зоотопонимы понимаются названия, которые образованы на базе названий животных. Сочетание разнообразных мест с именами животных – в мире весьма распространённое явление. Например, Албания, сами албанцы именуют свою страну *Шкиперами*, и это название состоит от албанского слова «*шките*» - «орёл» [83, 30]. *Бошқирдистон*-Башкирия – образована от тюркского слова «*беш*»-«голова» и «*қурт*»-«волк» [83, 30]. *Гваделупа* – «город волков» [83, 35], *Панчшер*, *Бешаи* *Палангон* и другие, образовавшиеся на базе названий животных.

Число топонимов и микротопонимов, основную часть которых составляют названия животных, в Таджикистане очень многочисленны, но они до сих пор не изучены в достаточной степени. До сих пор нет ни одного самостоятельного, доведенного до конца исследования, которое охватило бы основные аспекты зоотопонимов, и только отдельные учёные, завершившие

свои исследования на базе топонимики, ограничивались фиксацией названий зоотопонимических мест. Они не посчитали необходимым исследовать их всесторонне, а лишь в некоторых местах своих монографий, посвященных ономастике, они затронули проблемы, связанные с зоотопонимами (Исмоилов Ш., Насраддиншоев А., Абодуллоев С.). Такой исследовательский подход наблюдается на фоне того, что одну из наибольшей группы топонимов и микротопонимов Таджикистана составляют лексические единицы, образованные на базе названий животных.

Среди них является не исключением и Центральной Сады Горной Масчи, в топонимической системе которой можно встретить ряд имен, образованных на базе названий животных.

А. Насраддиншоев при изучении микротопонимов восточного Памира зоотопонимы этого региона делит на две группы: а) названия, образованные на базе названий домашних животных и б) микротопонимы, сформировавшиеся на базе названий диких животных [175, 19].

В своём исследовании, опираясь на приведенную классификацию А. Насраддиншоева, используя материалы, собранные в Центральной Сады Горной Масчи, мы посчитали целесообразным зоотопонимы этого региона группировать таким же образом:

3.2.1. Генезис топонимов на базе названий диких животных

3.2.1.1. На базе названий хищных животных

Эта группа названий в основном образовывается в форме сложных слов, основная часть их – это название хищных животных, которых в том регионе бесчисленное множество или они обитают там: *Хирсхуна* (гора, с.Муж.), *Гургхуна* (гора, с.Эс.П.).

Волк является одним из хищных животных, численность которого в Центральной Сады Горной Масчи весьма значительна. Это и послужило причиной наличия его названия в составе топонимов данного региона. Это

слово в истории таджикского языка имеет длительный срок существования, и его можно заметить в составе среднеперсидского языка и даже в авестийском языке. Оно широко используется в семействе индоевропейских языков, а исследователи его историю истолковывают следующим образом: *Гург* – в древнеперсидском «vṛka», в «Авесто» «vehrka», в пехлевийском «gurg», в древнеиндийском «vṛka», в курдском «varg», в булуджском «gvark», «gurg» [33,3,3263], в английском «wolf», в русском «волк», в шугнанском «wurj, gurg», в рушанском и хуфском «wurj» [24, 299], в таджикском языке «*гург*». Совпадение близких друг к другу компонентов слова «*гург*»-«волк» в ряде языков свидетельствует о том, что это слово свойственно индоевропейским языкам и тот факт, что они образованы из одного корня, не вызывает сомнения.

3.2.1.2. На базе названий нехищных животных

В эту группу можно включить слова, образовавшиеся на базе названий диких, но не хищных животных: *Охубош-Оху*-олень (скала, с.Х.С.), *Сузурхуна-Сузур*-сурок (гора, с.Рев.), *Заргушхуна-Заргуш*-заяц (гора, с.Х.С.).

3.2.2. На базе названий домашних животных

Следует отметить, что среди зоотопонимов Центральной Сады Горной Масчи имеются названия мест, образованных с помощью слова «*асп*»-«конь». Во всех селениях изучаемого региона можно найти места, в составе названий которого имеется компонент «конь». Это обосновывается тем, что таджики в течение своей длительной истории с уважением относились к такому полезному животному как конь. Среди домашних животных, по сведениям «Авесты», конь для древних иранцев был весьма значимым, а в сравнении «10 овец равнялись одной корове, десять коров были равны одному коню, десять коней были равны одному верблюду» [99, 184]. Историю слова «*асп*» исследователи комментируют следующим образом: в

«Авесто» «aspa», в древнеперсидском «asa» [120, 47]; ās (в «asa-baga» в значении «*асп бурдан*»-«уводить коня») [33, 5, 117], в скифском языке «asp», в согдийском «'sp», в среднеперсидском «asp», в современном таджикском литературном языке «asp//b», в современном фарси «āsp», в языке пашту «ās» [119, 30-31]. Именно признание коня, как полезного животного, стало причиной того, что в Центральной Сады Горной Масчи ряд мест содержат в составе своего названия это слово: *Чорраи Аспун* (с.Муж.), *Аспохур* (с.Рев.), *Шарраи Аспун* (с.Х.С.) и др.

В исследуемом регионе были замечены лишь два названия, образованные с помощью слова «*уштур*»-«верблюд»: *Уштурраха* (с.Рев.), *Замини Уштуррахаи Мирбадал* (с.Х.С.). На наш взгляд, причина малого употребления слова *уштур*-верблюд в названиях мест заключается в том, что в данном регионе в повседневной жизни редко используют это животное. Как известно, верблюдов преимущественно использовали в пустынных регионах, и они не свойственны горной местности, где вместо них преимущественно используются лошади и ослы.

3.2.3. На базе названий птиц

Подобного рода названия образовались в форме сложного слова и во всех из этих слов содержится компонент «*хуна*», являющийся фонетической разновидностью слова «*хона*»-«комната, дом». Вместо гласного «о» употребление гласного «у» - это одна из особенностей говора данного региона, о чем мы уже высказали свои соображения. Компонент «*хона*» в составе этой группы названий приводится в значении «*макон*»-«место, местопребывание, очаг»; «*лона*»-«гнездо», вообще, в значении местопребывания, место жительства: *Кафтархуна* (голубятник) (с.Х.С.), *Хумохуна* (с.Х.С.), *Калморхуна* (с.Х.О.), *Қароғушхуна* (с.Х.С.), *Чашии Мурзун* (с.Муж.), *Бошахуна* (с.Эс.).

Орлы, *хумо* (сказочная птица, якобы приносящая счастье тому, на кого падает её тень), грифы, как известно, ставят гнёзда на высоких и недоступных местах *Калморхуна* – это название высокой непроходимой скалы в селении *Худгифи Офтобру*. В говоре населения Центральной Сады Горной Масчи птицу *хумо* называют *калмором*. Следует отметить, что слово *калмор* имеет ограниченный круг применения, и его преимущественно употребляют люди преклонного возраста.

Следует отметить, что в говоре населения изучаемого региона в заимствованных тюркских словах согласный «к» в большинстве случаев чередовался с согласным «ғ». Например, тюркское слово «*қуруқ*»-«*қурыз*» [62, 1, 696], «*улоқ*» – «*улог*» [62, 2, 366], «*айлоқ*» – «*айлог/элог*» [62, 1, 45], и др. подверглись этому фонетическому преобразованию. *Қароғуш* также относится к ряду слов, в которых согласный «к» преобразован в «ғ».

То, что различные регионы в своем названии содержат имена животных, имеет несколько факторов. Одной из основных причин является то, что в этом регионе обитают животные. Например, *Гургхуна* (Логово волка), *Сузурхуна* (Нора сурка), *Охубош* (Местопребывание оленей), *Заргушхуна* – (Нора зайца), *Кафтархуна* (Голубятня), *Хумохуна* (Местопребывание птицы *хумо*). Во-вторых, благоприятность места, как пастбища для животных: *Чори Аспун*, *Чашми Говун*, *Аспохур*. В-третьих, гибель животного в этой местности также может стать причиной того, что это место называют его именем, например, *Харнар*, *Сагжушо*.

3.3. Фитотопонимы

Ономастика как составная часть лингвистики имеет множество разделов, важнейшими из которых являются антропонимика (имена людей), топонимика (названия местностей), этнонимика (названия родов, племён, кланов). Она также охватывает и большое количество других разнообразных предметов и имущества, в том числе, гидронимика (названия рек),

космонимика (названия небесных тел), теонимика (имена богов и ангелов), фитонимика (названия растений) и им подобные. Кроме того, две группы из указанных разделов вместе образуют новую терминологию типа антропотопоним (названия мест, связанные с именами людей), антропогидроним (гидронимы, часть которых составляют имена людей), зоотопоним (места, получившие названия от имён животных), фитотопоним (топонимы микротопонимы, основной компонент которых составляют названия растений).

Круг употребления подобного рода микротопонимов в Центральной Сады Горной Масчи весьма широк, и во всех её селениях можно заметить такие названия. Фитотопонимы, то есть названия, образованные на основе названий трав и растений, внесли весомый вклад в топонимическую систему изучаемого региона.

Известно, что человечество с древности имело тесные связи с окружающей средой, что имеет место и в настоящее время. Именно эта связь стала причиной того, что одновременно с микротопонимами (названия мест типа полей и степей, пастбищ и лугов и т.п.), а также топонимы (названия республик, областей, городов и районов, джамоатов и селений) получили своё название от трав и растений. В том числе О. Гафуров на базе точки зрения лингвиста А.З.Розенфельда по поводу названия *Ванч* утверждает, что слово «*ванч*» в значении «*дарахти бед*»-«тополь» является источником возникновения названия Ванж [83, 32]. Или топоним *Конибодом*, по свидетельству Олима Гафурова, приведенный в «*Бобурнаме*» в форме *Кенди Бодом*, является выражением значения «*макони бодом*»-«место миндаля» [83, 60]. Таким же образом мы можем привести здесь большое количество названий, основу которых составляют фитонимы: *Деҳхаданг*, *Даҳбед*, *Дулона*, *Чормагзак*, *Ремон*, *Сафедорак*, *Гулистон* и др.

Следует отметить, что связь названий мест с названиями трав и растений не только свойственна Центральной Сады Горной Масчи или Таджикистана, такого рода топонимы можно заметить в других краях и регионах. В качестве

доказательства высказанной мысли можно привести следующее название: *Аддис-Абеба* - столица Эфиопии, образована от слова «аддис»-«нав»-«новый» и «абеба»-«гул»-«цветок», что означает «гули нав» - «новый цветок» [83, 7] или *Алмаата* –название города в Казахстане, что означает «себзор»-«яблоневоый сад» [83, 9].

При изучении названий исследуемого региона стало очевидно, что в регионе Центральной Сады Горной Масчи фитотопонимы не образуются в форме простого слова, а в большинстве случаев имеют форму составных слов или образованы в виде изафетных словосочетаний.

На этой почве микропонимы, образованные на базе фитонимов и других словарных единиц, целесообразно разделить на две группы:

1) имеются микропонимы, образованные только на основе фитонимов и формантов. Например: **фитоним + суффикс:**

а) фитоним +зор:

Торунзор. Название местности в селении *Худгифи Соя*. В этом названии гласный **о** заменён **у**. *Торон* в словарях комментируется следующим образом: «навъи растанй - вид растения [62, 2, 351], «*гиёхест, ки бо сақай сабзи дароз, ки аввали баҳор дар пуштаҳо ва кӯҳҳо мерӯяд ва анвои хӯриши сабз ва хеле хуштамъ аст*» - «растение с зеленым длинным стеблем, которое растёт весной в горах и предгорьях и является видом зелени, одной из разновидностей имеющий приятный вкус» [23, 444].

Вагничзор. Название ойконима в селении *Ревомутк* и других населённых пунктов. Авторы словарей дали такое определение значению слова «вагнич»: «Куст из рода шиповниковых, ягоды которого похожи на вишню, но мельче» [62, 1, 256], «вагнич»- кустарниковое плодое растение, которое растёт в горах и предгорьях, горных склонах и степях;...имеет плоды красного цвета, похожие на вишню...» [23, 93], «...название растения; вид невысокого растения, плоды которого съедобны» [31, 35].

Также можно привести несколько других названий, которые образованы в этой форме. Например, *Фуларзор*, *Маргзор*, *Буттазор* и др.

б) фитоним+ак:

Следует отметить, что в Центральной Сады Горной Масчи суффикс «-ак» является весьма продуктивным. Хотя и отмечено, что суффикс «-ак» в таджикском литературном языке употребляется в ласкательном значении [98, 151], но наблюдения показали, что в микротопонимической системе Центральной Сады Горной Масчи используется и в значении «обильный, многочисленный» и «местность». Собранные материалы показывают, что этот суффикс сочетается с рядом фитонимов и играет значительную роль в формировании микротопонимии данного региона. Например, *Ремак*. Название ойконима в селении *Рогиф* этого региона. Слово «рем» в словаре семантизируется следующим образом: «Разновидность лесного дерева, которое растёт в зоне Искандаркуля, Хафткуля и некоторых склонах Пенджикентского района» [23, 379].

Загерак. Название места в *Тагобе Порут* селения *Ревомутк*. *Загер* - фонетический вариант от «загир», который в словаре представлен так: «*Загир* – травянистое растение, из зёрен которого добывают масло и из волокон стеблей которого ткнут льняную ткань» [62, 1, 502].

Также можно привести большое количество примеров из названий Центральной Сады Горной Масчи, образованных на основе этой формы. Например, *Вагничак*, *Бедак* (с.*Эсиз*), *Фушак* (с.*Худгифи Соя*), *Бурсак* (с.*Худгифи Офтобрӯ*), *Визнак* (с.*Худгифи Офтобрӯ*), *Карафсак* (с.*Эсиз*).

в) фитоним+о:

Следует отметить, что формант «-о» сокращенный вариант суффикса множественного числа «-ҳо», широко употребляющийся как в таджикском литературном языке, так и в его говорах и диалектах. В диалекте населения Центральной Сады Горной Масчи в большинстве случаев употребляется в форме «-о». Например, *одамо=одамҳо* - люди, *уно=онҳо* -они, *коро=корҳо*-дела и др.

Қото. Название местности в селении *Худгифи Офтобрӯ*. *Қот* в словаре приводится в значении «барбарис» [62, 1, 668]. Следует подчеркнуть,

одновременно с тем, что это слово широко используется как название растения, с его помощью созданы также и фитотопонимы.

Ангито. Название местности в селении *Худгифи Офтобрӯ*. *Ангит* является фонетической разновидностью «*ангат*», который в «Словаре Доро» семантизирован так: «Дикорастущее кустарниковое дерево темной джиды, достигающей высоты до четырёх метров. Стебли и ветки иглистые и серые; листья прямые, в виде копья, поверхность их синяя, основание имеет белый оттенок, цветы желтоваты... Другие названия «*ангат*»: *ангед, ангархор, чинхор, гулкитак, налоч, сангор, чунт, сарканак, хингбед, хори чангак*» [23, 42].

Можно назвать ряд других фитотопонимов, которые образованы в этой форме. В том числе: *Калчо, Визно, Хаданко, Карафсо*.

Калч – это невысокое кустарниковое растение, имеющее сходство с «*вазнич*». Оно растёт в основном в высокогорьях и имеет красноватый ствол и белые цветы;

Визн – это вид растения, который достигает высоты трёх-четырёх метров. Это растение имеет сходство с яблоней, а цвет его ствола красно-коричневый. Плоды его красные по цвету и горькие на вкус, они напоминают вишню;

Хаданг – это весьма прочное дерево. Из него делали стрелы, копья и седло коня. В классической литературе в значении «стрела» оно имеет широкую сферу употребления. Это слово употреблено особенно широко в «Шахнаме» Фирдоуси.

Карафс относится к ряду низкорослых кустарников, у которого широкие листья и острый вкус, он имеет сходство с *торон*. Это слово в говоре населения Верхнего Сады Горной Масчи употребляется в форме «*кнуш*», в ягонобском языке используется вариант «*карафш//карафшак*».

г) фитоним+зор+ак:

Ровазорак. Это название многих мест в селениях Центральной Сады Горной Масчи, где данное растение встречается в большом количестве.

Авторы словарей дают такое толкование этого слова: «*Рова* – это вид дикой травы с широкими листьями и корнеплодом» [31, 169], «горное растение с толстым белым стеблем, которое является кормом для скота» [62, 2, 167]. Кроме того, слова *Загосазорак* и *Буттазорак* также образованы в этой форме.

д) фитоним+ак+о:

Куртако. Под этим названием в Центральной Сады Горной Масчи существует ряд мест. *Курт* в «Ягнобско-таджикском словаре» приводится в значении «*иргай*» -«кизильник» [31, 110]. *Курт* растёт в высокогорьях и имеет ствол, схожий со стволом яблони. У него плотная древесина, из которой делают рукоять топора, *теши* (вид топора), трость и другие предметы быта.

2) В эту группу входят названия, образованные с помощью фитонима и других словарных элементов в форме изафетного словосочетания. Например, фитоним+антропоним, гидроним+фитоним и им подобные.

а) фитоним+антропоним.

Образование микропонимов в Центральной Сады Горной Масчи в этой форме весьма распространённое явление, что можно заметить почти во всех селениях. Например, *Бурси Икром*, *Тит (тут)-и Устоҳалим*, *Бодумак* (вид урюка, по форме на подобие миндале) *Мирзоқодир*, *Реми Абдукарим*, *Себи Исмат*, *Ворихи* (вид урюка, привезённого из Воруха)-и *Маликшо* и др. По данным материалов исследования и народным преданиям, нам стали известны два основных фактора, по которым так именовались те или иные места в данном регионе: посадка растений и деревьев со стороны лиц, имена которых в дальнейшем включаются в это название, и принадлежность местности тому или иному лицу, где растёт дерево. Например, *Тити Устоҳалим*. Под этим названием в селении *Худгифи Соя* Центральной Сады Горной Масчи есть место, где до сих пор растёт тутовое дерево и, по словам пожилых жителей села, оно было посажено человеком по имени Устохалим, поэтому это дерево по сей день упоминается под этим именем. В изучаемом

регионе подобного рода названия весьма популярны. Например, *Чормағзи Муллорачаб*, *Реми Ҳофизниёз*, *Талхак* (вид урюка, семена которого имеют горький вкус) – и *Боботоҳир*, *Себи Исмат* и др.

Вторая причина сочетания фитонимов и антропонимов в названиях местностей заключается в том, что это пространство является местом гибели кого-либо. Доказательством тому является *Бурси Икром* в селении *Худғифи Офтобру* Центральной Сады Горной Масчи. В этом месте был казнён и оставлен под деревом *бурс* (*арчой*) молодой человек по имени Икром, откуда и название *Бурси Икром-Арча* Икрама.

Так, в селении *Рогиф* изучаемого региона одно из мест названо *Бетои Раъно*. По поводу того, как появилось это название: есть народное предание, согласно которому девушку по имени *Раъно*, влюблённую в молодого человека, отец подверг казни, что стало причиной получения этим местом соответствующего названия. Абдурахман Мустаджир ошибочно назвал это место *Будҳои Раъно*: «Затем, перейдя то место, мы дошли до места, которое состояло из широкой равнины. То место называют *Будҳои Раъно*, где имеется родник» [110, 66]. Следует отметить, что слова Абдурахмана Мустаджира, сказавшего *Будҳои Раъно*, нуждаются в редакции, ибо это понятие ничего не означает, кроме того, в данной местности до сих пор существуют ивы, а также выше неё есть пространство, которое жители села называют *Тагоби Бето*. Помимо того, есть и значительное число других мест, где растут ивы, что стало причиной включения в название этих мест слова ива. Например, *Бини Бед*, *Бедак*, *Мазори Бед*, *Нови Бед*, *Сибед* и др.

б) гидроним+фитоним:

Чашмаи Ангито, *Чашмаи Загерак*, *Чашмаи Эшумзор*, *Чашмаи Ремак*, *Чашми Қот*. Обуславливается такое название этих места тем, что вокруг родника густо растут растения, поскольку очевидно, что дерево развивается быстро лишь в том месте, где в обилии имеется вода.

Фитонимы, с помощью которых создана большая группа топонимов Центральной Сады Горной Масчи, по месту их использования в современном литературном языке целесообразно классифицировать на три группы:

1) Первая группа, растения и травы, имевшие широкий круг применения в средние века, которые также широко применяются и в таджикском литературном языке. Примером тому могут быть *бед -ива*, *себ -яблоня*, *зардолу -урюк*, *тут -тутоник*, *хор -колючка* и им подобные, составляющие большую часть собранного нами материала.

2) Во вторую группу можно включить фитонимы, имевшие в прошлом широкий круг применения, но редко употребляющиеся в современном таджикском литературном языке, сохранившись в основном в говорах того или иного региона, например, слово «*карафс*». В прошлом оно было в широком употреблении, семантизировано в большинстве доступных словарях: «растение, когда ужаленный скорпионом съедал его, то погибал».

Это слово также использовано в знаменитом произведении Джалолиддина Руми, что свидетельствует о широкой сфере его употребления:

Му ба муву зарра-зарра макри нафс,

*Мешиносиданд чун гул аз **карафс** [49, 25].*

Постепенно все коварства с их желаний

Отличали, как цветок, мы от **карафса**.

Мухаммад Гиёсиддин в «*Фиёс-ул-луғот*», опираясь на «*Мунтахаб*» и «*Латоиф*», по поводу данного слова пишет: «*Карафс* – это лекарство, как *азвоин*, имеет острый и неприятный запах, и оно – *ачмуд*, его особенностью является то, что если ужаленный скорпионом употребит его, то тут же лишится жизни» [48, 165]. Составители «Словаря таджикского языка», повторив значение, приведенное в «*Фиёс-ул-луғот*», приводят в качестве примера следующее двустишие Хокони:

Масоз айш, ки номардум аст табъи чаҳон,

*Махӯр **карафс**, ки пуркаҷдум аст бому саро.*

Хокони [61, 1, 539].

«Не предавайся наслажденьям, ибо подла сущность мира,
Не ешь **карафс**, ибо полны скорпионов крыша наша и сарай».

Низами Ганджави в своей поэме «Лейли и Меджнун» так использовал слово «карафс»:

Захрест ба қаҳри нафс додан,

Каҷдумзадаро карафс додан.

«То яд, во зло он аппетиту,

Давать **карафс** ужаленному скорпионом».

Под этим названием, то есть *карафс*, в Центральной Сады Горной Масчи есть растение с широкими листьями, имеющее среди населения широкий круг употребления, оно наблюдается в составе названий нескольких объектов данного региона: *Чашмаи Карафсак* (родник, с.Х.О.), *Чашмаи Карафс* (родник, с.Э.П.).

Следует отметить, что «карафс» в диалекте населения Центральной Сады Горной Масчи употребляется в форме «кунуш», что замечено в составе его географических названий, в том числе в селении *Водиф* одно из мест называют *Нови Кунушо*.

Автор «Ягнобско-таджикского словаря» С. Мирзозода, приводя слово «карафс» в форме «карафш//карафшак», семантизирует его следующим образом: «вид горького на вкус растения, имеющий сходство с гречихой, листья которого напоминают листья кукурузы» [31, 101].

Другим словом является «гӯш», которое в словарях имеет следующее толкование: «прочная древесина, из которой делают стрелы, копья и другое оружие, а также медиатор»:

Андоз абрувонат ҳамсоли чӯби гӯш,

В-он гоҳ гӯядам, ки хурушон машав, хамӯш!

Хисравонӣ [61, 2, 660; 62, 2, 392].

«Сложи свои ты брови, как палка древа гуш,
Тогда скажу тебе я: «Не кипятись, молчи!».

В данном случае «*gūsh*» приводится в стихотворном размере и значении *gūsh* -ухо, что на арабском называют *uzh*...прочная древесина, из которой делают копыя и сёдла для лошадей. Это слово также имеет значение «взгляда» и «развлечения», а также значение «видеть, смотреть», им же называют полностью обнаженного, в чём мать родила» [16, 3, 14, 27].

3) К третьей группе относятся фитотопонимы, которые не были замечены в словарях, возможно, по той причине, что в диалекте Центральной Сады Горной Масчи эти травы и растения имеют другие названия, то есть употребляются их синонимы. Например, *визн*, *гулар*, *калч*, *туштур*. Следует отметить, хотя в словарях они и не семантизированы, но в дело образования названий в Центральной Сады Горной Масчи они вносят весомый вклад.

Таким образом, в этом разделе диссертации, избегая развернутого повествования, мы отказались от комментирования фитонимов, широко употребляющихся в таджикском литературном языке, такие как *себ* -яблоко, *зардолу* -урюк, *бед* -ива, *тут* -тутовник и др.

Выводы третьей главы.

На основании анализируемого фактологического материала следует констатировать тот факт, что одну продуктивных групп микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи составляют фитотопонимы, о чем свидетельствуют многочисленные образцы собранного и исследованного топонимического материала.

Известно, что изучение и рассмотрение названий трав и растений и их вклад в формирование топонимов и микротопонимов имеет особое значение, так как оказывает значительную помощь в деле освещения неизвестных страниц истории населения этого региона и его языка.

Центральной Сады Горной Масчи – это неиссякаемый источник географических названий, которые в течение веков отражали специфику разнообразных языков, особенно согдийского и таджикского, и мотивы из истории народа этого региона. В топонимической системе этого региона особое место занимают микротопонимы, образованные на базе названий трав

и растений. В этом разделе диссертации мы по мере возможности сделали предметом исследования и анализа место и значимость названий растений в формировании топонимов и микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи. Названия этого региона, обозначенные термином фитотопонимы, в основном были образованы из названий растений и формантов, образующих топонимы. Причина получения таких названий различными объектами заключается в том, что в той местности широко распространён тот или иной вид растения, и даже наличие одного или двух деревьев стали причиной создания с их помощью фитонимов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральной Сады Горной Масчи – это неиссякаемый источник географических названий, который в течение веков отражал в себе специфику различных языков, особенно согдийского и таджикского в контексте событий и мотивов из жизни населения этого региона.

Основные результаты исследования указывают на тот факт, что изучение имён собственных, в том числе географических названий, весьма информативно для исследования лингвистической и историко-культурной картины того или иного региона. Именно топонимическое наследие того или иного региона или языка является бесценным историческим источником, в диахроническом плане раскрывающем характер и мотивацию процесса присвоения имени рукотворным и географическим объектам различного характера. Одновременно с этим, присвоенные в долгом историческом процессе имена предоставляют для исследования этапов развития языка важные и достоверные лингвистические факты, доводы и доказательства, реконструируют древние формы и модели определенных слов и конструкций в различных исторических этапах.

Исследование географических названий Центральной Сады Горной Масчи позволило нам получить точную и достоверную информацию о специфике топонимов и микротопонимов этого древнего региона. Следует подчеркнуть, что на этой базе нет отдельного, самостоятельного и обстоятельного исследования. Так, после изучения и исследования важных структурно-семантических аспектов географических названий изучаемого региона, можно обоснованно говорить о следующих особенностях формирования и развития топонимического наследия данного древнего с точки зрения функционирования оригинальных языков региона:

1. До сих пор нет заметных и обстоятельных исследований, посвященных географическим названиям Центральной Сады Горной Масчи, и наша диссертационная работа в аспекте изучения топонимов и микротопонимов этого региона считается первой комплексной

исследовательской инициативой. При исследовании и изучении этой темы мы встретились с рядом проблем, к числу которых относятся вопросы о структуре названий и их языковом генезисе, которых касаются некоторые пункты заключения диссертации.

2. Центральной Сады Горной Масчи весьма богата географическими названиями, и они охватывают более 1500 наименований. Следует отметить, что ни одно из этих названий не является случайным, большая часть из них мотивирована, заключает в себе глубокий смысл, что свидетельствует о неизменной мудрости предков, изучение и анализ этих названий имеет специфическую роль в освоении ментального богатства этого древнего края.

3. Географические названия Центральной Сады Горной Масчи по их строению были классифицированы в пять групп:

- а) простые названия;
- б) составные названия;
- в) сложные названия;
- г) топонимы-словосочетания;
- д) названия категории *pluralia tantum*.

Следует отметить, что среди них более употребительными были названия-словосочетания и сложные лексические единицы.

4. Из аналитического изучения составных названий Центральной Сады Горной Масчи стало известно, что приставки по сравнению с суффиксами были менее продуктивными, они в образовании топонимов и микротопонимов региона играют незначительную роль.

5. Одновременно с таджикскими топоформантами региона, которые многочисленны, нами замечено группа окончаний согдийского происхождения, которые занимают значительное место в деле образования географических названий.

6. Большая часть согдийских топонимов Центральной Сады Горной Масчи имеют тесную связь с географическими названиями других регионов

развития согдийского языка (в том числе с Ягнобом и иными регионами долины Зеравшана), они объединены исторической судьбой, и эта общность свидетельствует о том, что эти названия были в широком употреблении у населения региона в течение долгих лет.

7. Большая часть топонимов и микропонимов Центральной Сады Горной Масчи одновременно с тем, что являются терминами, обозначающими географические названия, являются составной частью словарного фонда языка данного населения, обозначающие специфические особенности этого региона.

8. В аспекте языкового генезиса топонимы этой местности преимущественно имеют согдийское происхождение, но её микропонимы большей частью являются исконно таджикскими словами.

9. Одновременно с иранскими названиями региона, составляющими абсолютное большинство, нами замечено арабские и тюркские микропонимы, которые по сравнению с топонимами имели более древнюю историю и образовались под влиянием языка жителей региона.

10. Одновременно с микропонимами, имеющими своими источниками таджикский, арабский и тюркские языки, были зарегистрированы несколько названий с русской основой, которые, без сомнения, являются плодом советской эпохи, не имеют древнюю историю и являются относительно новыми.

11. В процессе определения лексического значения и языкового генезиса топонимов и микропонимов региона мы встретили группу названий, языковая принадлежность которых не была установлена.

12. Большая часть антропотопонимов Центральной Сады Горной Масчи состояла из мужских имён, по языковому происхождению принадлежащих к арабскому языку. Они образованы с помощью специфически-региональных и разнообразных терминов-индикаторов.

13. Антропонимы, состоящие из женских имён и других элементов, по сравнению с другими регионами в Центральной Сады Горной Масчи встречаются чаще.

14. Аналитическое рассмотрение значения микротопонимов Центральной Сады Горной Масчи свидетельствует о том, что большая часть географических названий этого региона образовались на базе географических терминов, зоонимов, фитонимов, антропонимов, этнонимов и собственных имён.

15. Основные причины появления антропонимов региона связаны с разведением садов и земель, сооружением домов, мостов и загонов для скота и т.п. кем-либо, и столкновением людей с нежелательными явлениями (в том числе падение людей с гор или в обрыв, захоронение некоторых лиц в определенных местах).

16. Микротопонимы, сформировавшиеся на базе названий трав и растений, в топонимической системе региона имеют весомый вклад. Названия этого региона, упомянутые термином фитотопонимы, в основном образованы из названий растений и формантов, принимающие участие в образовании топонимов. Причина приобретения конкретного названия различными регионами заключается в том, что в этой местности та или иная разновидность растений встречается в изобилии, даже наличие одного-двух деревьев или лечебных трав может послужить основой для присоединения к названию фитонимов.

17. Наблюдения показали, что некоторые местности изучаемого региона обрели свои названия на основе отношения к временам года. Например, *Бурси Наврӯзгах, Тудайи Ҳиччо (Ҳитчо), Санги Ҳит* и т.п.

Сокращения

ав. яз. – авестийский язык

ар. яз. – арабский язык

вах.яз. – вахонский язык

др.п. – древнеперсидский

мундж. яз. – мунджанский язык

нов.п. – новоперсидский

осет. яз. – осетинский язык

рош. яз. – рошорвский язык

с. – селение

с. Х.С. – селение Худгифи Соя

с. Х.О. – селение Худгифи Офтоб

с.Рев. – селение Ревомутк

с.Муж. – селение Муждиф

с. Хайр. – селение Хайробод

с.Эс.Б. – селение Эсизи Боло

с.Эс.П. – селение Эсизи Поён

согд. яз. – согдийский язык

СТЛЯ – Современный таджикский литературный язык

ср.п. – среднеперсидский

СТЯ – Словарь таджикского языка

тадж. яз. – таджикский язык

тюрк. яз. – тюркский язык

ТСТЯ – Толковый словарь таджикского языка

хорезм.яз. – хорезмийский язык

ягн. яз. – ягнобский язык

язг. яз. – язгулемский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Абдулов, К. Дар ин дунё. Ҷилди 12. Мастчоҳ. Китоби аввал / К. Абдулов. – Душанбе: Адиб, 2006. – 1207 с.
2. Абдуллоев, Н. Луғати мухтасари эзохотӣ доир ба географияи Тоҷикистон / Н.Абдуллоев. – Душанбе, 1962. – 64 с.
3. Аз Масҳо то Мастчоҳ (маҷмӯи мақолаҳо). //Мурағтиб ва муаллифи муқаддима А.Одинаев.- Хучанд: Кова, 2015. – 184 с.
4. Айнӣ, С. Куллиёт/ С. Айнӣ. Ҷ.12. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 564 с.
5. Айнӣ, С. Дохунда/ С.Айнӣ.- Душанбе: Ирфон, 1984. – 432 с.
6. Алимӣ, Ҷ. Мавзӯномаи Кӯлоб/ Ҷ.Алимӣ. – Душанбе, 1995. – 80 с.
7. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф/ М.С.Андреев. – Сталинабад, 1953, вып. 1. – 215 с.
8. Андреев, М. С., Пещерова, Е. М. Ягнобские тексты/ М.С.Андреев, Е.М.Пещерова. – М.-Л., 1957. – 256 с.
9. Андреев, М. С. Материалы по этнографии Ягноба/ М.С.Андреев. – Душанбе, 1970.-221 с.
10. Арандаренко, Г.А. Дарваз и Каратегин/ Г.А. Арандаренко// Военный сборник, 188, №11. – С.140-159.
11. Бартольд, В. В. Сочинения/ В.В.Бартольд. Т.2. Ҷ.1.// К вопросу о языках согдийском и тохарском. – М., 1964. – 657 с.
12. Бекзода, С. Аз скифҳо то тоҷикҳо/ С.Бекзода. – Хучанд: Меъроҷ, 2014. – 750 с.
13. Бекзод, С. Матрушкат (Мартушкат) – ҷойгоҳи Худои мардук ё мардук/ С.Бекзода.// Аз Масҳо то Мастчоҳ (маҷмӯи мақолаҳо). Мурағтиб ва муаллифи муқаддима А.Одинаев. – Хучанд: Кова, 2015. – С. 125- 155.
14. Боголюбов, М.Н., Смирнова, О.В. Согдийские документы с горы Муг (хозяйственные документы)/ М.Н.Боголюбов. Вып. 2. – М., 1962. – 131 с.

15. Бурхон, М. Бурхони котеъ/ М.Бурхон. Таҳияи А. Нуров. Ҷилди 1. – Душанбе: Адиб, 1987. – 416 с.; Ҷилди 2. – Душанбе: Адиб, 2004. – 424 с.
16. Бурхон М. Бурхони котеъ/ М.Бурхон. Дар панҷ ҷилд. Бо эҳтимоми Муҳаммад Муин. Чопи ҳафтум. – Техрон: Амири кабир, 1391.
17. Губаева, С. С. Этнонимы в топонимии Ферганской долины/ С.С. Губаева. – М., 1973. – 20 с.
18. Гулзод, М. Таърихи Падроғ: асари таърихӣ-ахлоқӣ/ М.Гулзод. – Хучанд: Ношир, 2009. – 336 с.
19. Гулзод, М. Мостчо аз дидгоҳи сарчашмаҳои муътамад: рисолаи илмӣ-тадқиқотӣ/ М.Гулзод. – Хучанд: Ношир, 2014. – 128 с.
20. Ғуломхусайн А., Ҳакамӣ Н., Ҳасан Н. Фарҳанги муосири форсӣ/А.Ғуломхусайн. – Техрон, 1381.
21. Девонакулов, А. Асрори номҳои кишвар/ А.Девонакулов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 223 с.
22. Дониш, А. Асарҳои мунтахаб/ А.Дониш. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959. – 220 с.
23. Доро Начот. Фарҳанги Доро/ Н.Доро.- Душанбе: Пайванд, 2012. – 608 с.
24. Зарубин, И.И. Шугнанские тексты и словарь/ И.И.Зарубин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 390 с.
25. Қиссаҳои аз Суғд. Пажӯҳиш ва бознависи дуктур Зухраи Заршинос, Анохито Партавӣ. – Техрон: Пажӯҳишгоҳи улуми инсонӣ ва мутолиоти фарҳангӣ, 1389. – 212 с.
26. Лившиц, В.А. Согдийские документы с горы Муг (юридические документы и письма) / В.А. Лившиц. Вып. 1. – М., 1963. – 222 с.
27. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990. – 688 с.
28. Маликӣ, У. Фарҳанги форсии фарҳефта/ У.Маликӣ. – Техрон: Бадеҳа, 1381.
29. Маликушшуаро, Б. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввурӣ насри форсӣ/ Б. Маликушшуаро. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 570 с.

30. Масов, Р. Таърихи тоҷикон бо муҳри "комилан махфӣ Бахше аз таърихи фошношудаи тоҷикон дар аввалҳои қарни XX/ Р.Масов. – Душанбе: Дониш, 1996. – 192 с.
31. Мирзозода, С. Луғати яғнобӣ-тоҷикӣ/ С.Мирзозода. – Душанбе, 2002. – 235 с.
32. Мозандаронӣ, Ҳ.Ш. Фарҳанги «Шохнома». Номи касон ва ҷойҳо/ Ҳ.Ш.Мозандаронӣ. Нашри Балх. – Бунёди Нишобур, 1337. – 814 с.
33. Муин, М. Фарҳанги форсӣ. Ҷ.1-5/ М.Муин. – Техрон, 1963.
34. Мустачир, А. Рӯзномаи сафари Искандарқул/ А.Мустачир. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
35. Мухторов, А. Кӯхистон (Очерки таърихӣ)/ А.Мухторов// Асрори замони куҳан. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 93-142.
36. Мухторов, А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI- XIX вв). Книга I/ А.Мухторов. – Душанбе: Дониш, 1978. – 305 с.; Книга II. – Душанбе: Дониш, 1979. – 150 с.
37. Мухторов, А. Санг ҳам диле дорад/ А.Мухторов.- Душанбе: Ирфон, 1986. – 346 с.
38. Мӯбад Ф. Бахше аз фарҳанги "Авасто" ва татбиқи он бо форсӣ ва курдӣ/ Ф.Мӯбад. – Шаҳриюр, 1337. – 105 с.
39. Мӯхтарам Ҳ. Аз моҳӣ то моҳи Мастчоҳ/ Ҳ.Мӯхтарам// Аз Масҳо то Мастчоҳ (маҷмӯи мақолаҳо). Мурағтиб ва муаллифи муқаддима А.Одинаев.- Хучанд: Кова, 2015. – С. 95- 118.
40. Насриддин, А. Куллиёти осор. Ҷилди 5/ А.Насриддин. – Хучанд: Ношир, 2013. – 588 с.
41. Низомӣ, Г. Куллиёт.Ҷилди 2. (Лайлӣ ва Мачнун)/ Г.Низомӣ. Ба ҷоп тайёркунанда, муаллифи сарсухан ва мурағтиби луғату тавзеҳот А.Афсаҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 367 с.
42. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. Ҷилди 1/. – Душанбе, 1983. – 480 с.; Ҷилди 2. – Душанбе, 1984. – 416 с.

43. Нуров, А. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ/ А.Нуров. – Душанбе: Маориф, 1990. – 368 с.
44. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии/ Н.В.Подольская. – М., 1964. – 156 с.
45. Пошанг, М. Зебономҳои ориёӣ/ М.Пошанг. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 430 с.
46. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов/ Д.Э. Розенталь Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1985. – 400 с.
47. Розова, Л. И. Словарь географических терминов и других словоформирующих топонимов Таджикской ССР/ Л.И.Розова. – М., 1975. – 147 с.
48. Ромпурӣ, М. Ғиёс-ул-луғот/ М.Ромпурӣ. Ҷилди 1. – Душанбе: Адиб, 1987. – 480 с.; Ҷилди 2. – Душанбе: Адиб, 1988. – 416 с.
49. Румӣ, Ҷ. Маснавии маънавӣ/ Ҷ.Румӣ. Танзим, таҳия ва баргардониши Бадриддин Алиев ва Алӣ Муҳаммади Хуросонӣ. – Техрон, 1379//2001. – 728 с.
50. Улуғзода, С. Восеъ/ С.Улуғзода. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 368 с.
51. Ёбаҳӣ, Ҳ. Тӯҳфат-ул-аҳбоб/ Ҳ.Ёбаҳӣ. – Душанбе: Ирфон, 1992. -288 с.
52. Ҳайдарӣ, Ш. Ономастика ираноязычных народов (Библиографический указатель литературы с XVIII в. до 2012 г.)/ Ш.Хайдари. – Худжанд: Меъроҷ, 2012. – 528 с.
53. Хомиджонова, М. А. Материальная культура Мастчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли/ М.А.Хомиджонова. – Душанбе: Дониш, 1974. – 231 с.
54. Хромов, А.Л. Аз Рустам то Деваштич/ А.Л.Хромов. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 88 с.
55. Хӯчамуҳаммад, Ш., Шоҳмирзо, Ш. Сурмаи дил/ Ш.Хӯчамуҳаммад. – Хучанд: Нашриёти давлатии Раҳим Ҷалил, 1997. – 188 с.
56. Ҳасан, А. Фарҳанги Амид. Ҷилди 2./ А.Ҳасан. – Техрон: Амири кабир, 1381.

57. Ҳасанӣ, А. Фарҳанги фишурдаи сухан (дар ду ҷилд)/ А.Ҳасанӣ Ҷилди 2. – Техрон: Сухан, 1382.
58. Ҳудуд-ул-олам, Ибни Ҳавқал. Сураг-ул-арз, Муҳаммад Обиди Иршод. Чаҳорбоғи гулҳо. Таҳияи Зариф Шариф. – Душанбе: Адиб, 2008. – 212 с.
59. Ҳусейнзода, Ш. Адабиёти тоҷик. Барои синфи VIII. Нашри V/ Ш.Ҳусейнзода. – Душанбе, 1969. -172 с.
60. Ҷӯраев, Р. Этимологияи 100 калима/ Р.Ҷӯраев. – Душанбе: Маориф, 1985. – 28 с.
61. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. – М.: СЭ, 1969. – 952 с.; Ҷилди 2. – М.: СЭ, 1969. – 948 с.
62. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. – Душанбе, 2008. -949 с.; Ҷилди 2. – Душанбе, 2008. – 944 с.
63. Фарҳанги шаҳру устонҳои Эрон. Пажӯҳиш ва нигориши Эраҷ Афшори Систонӣ. Ҷилди 1. – Техрон: Созмони чопу интишорот; Созмони авқоф ва умури хайрия, 1392. – 756 с.; Ҷилди 2. – Техрон: Созмони чопу интишорот; Созмони авқоф ва умури хайрия, 1392. – 744 с.
64. Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ. Мурағтибон М.Маҳмудов, Ғ.Ҷӯраев, Б.Бердиев. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ – тоҷикии Сафорати ҶИЭ, 2012. – 946 с.
65. Шерозӣ, И. Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ/ И.Шерозӣ. Бо эҳтимоми Раҳими Афифӣ. Ҷилди 1. – Машҳад, 1351.
66. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷ.1-3. – Душанбе: ЭСТ, 1988-1989, 2004.
67. Энциклопедияи советии тоҷик. Ҷ.1-8. – Душанбе: ЭСТ, 1978-1988.
68. Юсуфӣ, Ҷ. Аз таърихи Мастҷох/ Ҷ. Юсуфӣ. – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1996. – 120 с.
69. Якубов, Ю. Археологические исследования в Верхнем Зеравшане/ Ю.Якубов// Наследие предков (Научно популярное и культурно-просветительское издание). №12, 2009. – С.121-130.

II. Монографии и научные статьи

70. Алимӣ, Ҷ. Ташаккул ва таҳаввули топонимияи минтақаи Кӯлоб/ Ҷ.Алимӣ. – Душанбе, 1995. – 196 с.
71. Алимӣ, Ҷ. Топонимика/ Ҷ.Алимӣ. – Душанбе, 1995. – 63 с.
72. Алимӣ, Ҷ. Топонимияи минтақаи Кӯлоб (тадкики таърихию забоншиносӣ). – Душанбе: Андалеб-Р, 2015.-448 с.
73. Антропонимика// Сборник статей. – М.: Наука, 1970. – 330 с.
74. Бектош. Дар атрофи забони тоҷикӣ/ Бектош// Забони тоҷикӣ дар мабноси мувоҳисаҳо (маҷмӯаи мақолаҳои солҳои 20-ум). Тартибдиҳандагон А.Набавӣ, Н.Одинаев, П.Олимова. – Душанбе: Ирфон, 2007. – С. 529-554.
75. Бердиев, Б. Баъзе хусусиятҳои топонимикаи сарғаҳи Кофарниҳон/ Б.Бердиев// Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1984. – С. 251-262.
76. Бердиева, Т. Назарияи иқтибос (калимоти арабӣ дар забони тоҷикӣ)/ Т.Бердиева. – Душанбе: ДДТ, 1991. – 128 с.
77. Боголюбов, М.Н. Персидские слова с **хар** и **каг** в Авесте/ М.Н. Боголюбов// Иранская филология. – М., 1969. – С. 91-93.
78. Бондарук, Г.П. История формантного метода в топонимике/ Г.П.Бондарук// Развитие методов топонимических исследований. – М., 1970. – С. 13-25.
79. Ваҳҳобов, Т. Ҳақиқат зодаи баҳс аст/ Т.Ваҳҳобов. – Хучанд: Хуросон, 2010. – 288 с.
80. Ваҳҳобов, Т. Вазъи амалкарди забони тоҷикии адабӣ (пеш аз Инқилоби Октябр). Китоби 1/ Т.Ваҳҳобов. – Хучанд: Ношир, 2013. – 112 с.
81. Гафуров, О. О сложносоставных антропонимах в таджикском языке / О.Гафуров// Ономастика Средней Азии.- М., 1978. – С.165-167.
82. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик/ Ҷилди 1. Фонетика ва морфология. Мухаррирони масъул: Ш.Рустамов, Р.Ғаффаров. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.

83. Ғафуров, О. Тафсири мухтасари номҳои ҷуғрофӣ/ О.Ғафуров. – Душанбе: Маориф, 1983. – 144 с.
84. Додихудоев, Р.Х. Памирская микротопонимия (исследование и материалы)/ Р.Х.Додихудоев. – Душанбе, 1975. – 165 с.
85. Додихудоев, Р.Х., Герценберг, Л.Г. Таърихи забони тоҷикӣ/ Р.Х.Додихудоев.- Душанбе: Маориф, 1988. – 215 с.
86. Додихудоев, Р.Х. Микротопонимияи Испечак/ Р.Х.Додихудоев.// Масъалаҳои забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Душанбе, 1992. – С. 3-9.
87. Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. Персидский, таджикский, дари/В.А.Ефимов.// Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. – М.: Наука, 1982. – С.5-230.
88. Жучкевич, В. А. Общая топонимика/ В.А.Жучкевич. 12-ое изд. – Минск, 1968. – 432 с.
89. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. – Душанбе: Маориф, 1982. – 462 с.
90. Зехнӣ, Т. Чанд сухани судманд/ Т.Зехнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 160 с.
91. Зехнӣ, Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ/ Т.Зехнӣ. – Душанбе: Дониш, 1987. – 235 с.
92. Исмоилов, Ш. Таҳлили лингвистии топонимҳо/ Ш.Исмоилов. – Душанбе, 1974. – 70 с.
93. Исмоилов, Ш. Назаре ба вожаҳои ҷуғрофӣ/ Ш.Исмоилов. – Душанбе, 1993. – 63 с.
94. Исмоилов, Ш. Унсурҳои шарқии эронӣ дар топонимияи Қаротегин/ Ш.Исмоилов// Абкори маонӣ (маҷмӯаи илмӣ). – Душанбе, 2002. – С. 2-14.
95. Исмоилов, Ш. Қаротоғ ё Каратак?/ Ш.Исмоилов // Устоди зиндаёд (маҷмӯаи илмӣ). – Душанбе, 2002. – С. 24-32.
96. Камолиддин, Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии / Ш.С.Камолиддин. – Ташкент: Шарк, 2006. – 192 с.

97. Карамшоев, Д. Грамматический род абстрактных имён в шугнано-рушанской группе/ Д.Карамшоев// Забонҳои помирӣ ва фолклор. – Душанбе, 1972. – С. 61-64.
98. Каримов, А. Хрестоматияи забони паҳлавӣ: дастури таълимӣ/ А.Каримов. – Душанбе, 1978. – 148 с.
99. Касимов О.Х. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси/ О.Х.Касимов . –Душанбе: Дониш .2016. -346с. -ISBN 978-99975-44-91-9.
100. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Ҷилди 1/ М.Н.Қосимова. – Душанбе, 2012. – 568 с.
101. Лившиц, В.А., Хромов, А.Л. Согдийский язык/ В.А.Лившиц.// Основы иранского языкознания. Т.П. – М., 1981.- С. 345-514.
102. Лившиц, В.А. Согдийские документы из замки Чильхуджра/ В.А.Лившиц// Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. – М., 2003. – С. 77-88.
103. Мақсудов, Т. Лексика ва фразеологияи шеваҳои тоҷикони Исфара/ Т.Мақсудов. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 159 с.
104. Маҳмадҷонов, О.О. Баъзе хусусиятҳои умумии топонимияи Ромит/ О.О.Маҳмадҷонов//Маърузаҳои конфронси илмӣ-амалии олимони мутахассисони ҷавони ҷумҳурӣ. – Қурғонтеппа, 1991. – С. 53-58.
105. Маҳмадҷонов, О.О. Баррасиҳо дар номшиносии тоҷик/ О.О.Маҳмадҷонов. – Душанбе, 2004. – 101 с.
106. Маҳмадҷонов, О. О. Топонимия ва микротопонимияи қисмати шимолии водии Ҳисор/ О.О.Маҳмадҷонов. – Душанбе: Шучоиён, 2010. - 288 с.
107. Мурзаев Э.М. Топонимика популярная/ Э.М.Мурзаев. – М., 1973.
108. Мурзаев Э.М. Топонимика Средний Азии и Казахстана/ Э.М.Мурзаев// Ономастика Средний Азии. – М.: 1978. – С. 38-45
109. Назарзода, С. «Аҷоиб-ул-маҳлуқот»-и Аҳмади Тӯсӣ ҳамчун сарчашмаи вожагузинии таърихӣ/ С. Назарзода. – Душанбе: Дониш, 1999. – 309 с.

110. Назарзода, С. Нақши вожаҳои иқтибосӣ дар забон/ С.Назарзода// Фишурдаи суханронихо дар конференсияи «Масоили иқтибос дар забони тоҷикӣ» (15-16.07.2003). – 2003. – С. 20-22.
111. Назарзода, С. Номҳои ҷуғрофӣ/ С. Назарзода// Забон ва ваҳдати миллӣ. – Душанбе: Деваштич, 2007. – С.73- 74.
112. Насрадиншоев, А. Н. Гидронимы восточного Памира (Лексико – семантический анализ)/ А.Н. Насрадиншоев // Масъалаҳои помиршиносӣ = Вопросы помироведения. Барориши 5. – Душанбе: Дониш, 2003. – С. 67- 72.
113. Насрадиншоев, А. Н. Микротопонимияи Помири Шарқӣ (тахқиқоти забоншиносӣ)/ А.Н. Насрадиншоев. – Душанбе, 2005. – 122 с.
114. Никонов, В. А. Славянские топонимические названия/ В.А.Никонов// Вопросы географии. – М., 1962. – №58. – С. 17-33.
115. Никонов, В.А. Введение в топонимику/ В.А.Никонов. – М., 1965. – 179 с.
116. Никонов, В. А. Научное значение микротопонимии/ В.А.Никонов// Микротопонимия. – М., 1967. – С. 5-22.
117. Никонов, В.А. Имя и общество/ В.А.Никонов. – М., 1974. – 286 с.
118. Нуриддинова, Д. Топонимикаи «Ҳисор» дар ашъори Лоиқ Шералӣ/ Д.Нуриддинова// Масъалаҳои маориф, 2014. – №4. – С. 33- 35.
119. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию/ И.М. Оранский. – М., 1963. – 490 с.
120. Оранский, И.М. Иранские языки/ И.М. Оранский. – М.: ИВЛ, 1963. – 204 с.
121. Оранский, И. М. Иранские языки в историком освещении/ И.М. Оранский. – Л., 1979. – 238 с.
122. Офаридоев, Н. Доир ба морфемаи топонимсози =Wad/ Н.Офаридоев // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.74 -78.
123. Офаридоев, Н. Микротопонимияи Ванджа и Дарваза/ Н.Офаридоев. – Душанбе, 1991. – 175 с.

124. Офаридаев, Н. Ойконимияи Вилояти Мухтори Кӯхистони Бадахшон/ Н.Офаридаев. – Душанбе, 2002. – 163 с.
125. Паспелов, Е. М. Топонимика и картография/ Е.М. Паспелов. – М., 1970. – 256 с.
126. Пахалина, Т. Н. Памирские языки/ Т.Н.Пахалина. – М.: Наука, 1969. – 163 с.
127. Пахалина, Т. Н. О происхождении топонимов Ишкашима, Язгуляма и Вахана / Т.Н.Пахалина // Иранское языкознание. – М.: Вост. литература, 1975. – С. 63-71.
128. Попов, А.И. Географическая названия/ А.И.Попов. – М. – Л.,- 1965. – 181 с.
129. Принципы топонимики. – М: Наука, 1964. – 153 с.
130. Развитие методов топонимических исследований. – М.: Наука. – 1970. – 112 с.
131. Расторгуева, В. С. Очерки по таджикской диалектологии, вып. 5/ В.С.Расторгуева. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 250 с.
132. Расторгуева, В. С. Среднеперсидский язык / В.С.Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с.
133. Расторгуева, В.С. Сравнительно – историческая грамматика западно-иранских языков. Фонология/ В.С.Расторгуева. – М., 1990. – 353 с.
134. Реформатский, А.А. Введение в языкознание/ А.А.Реформатский. – М.: Просвещение, 1955. – 400 с
135. Розенфельд, А. З. Топонимика Ванджа/ А.З. Розенфельд// Топонимика Востока. – М., 1962. – С. 273-280.
136. Розенфельд, А. З. Великаны в таджикском фольклоре и топонимике/ А.З. Розенфельд // Фольклор и этнография. – Л., 1977. – С. 92-96.
137. Розенфельд, А. З. Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимике/ А.З. Розенфельд // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1978. – С. 63-71.

138. Розенфельд, А. З. Отражение верований в таджикском топонимическом фонде/ А.З. Розенфельд // Краткое содержание докладов Среднеазиатское – кавказских чтений (авг. 1973). – Л., 1979. – С. 13.
139. Розенфельд, А. З. Заметки по топонимии Юго-восточного Таджикистана/ А.З. Розенфельд // Ономастика Средней Азии. – Алмаата, 1980. – С.185-189.
140. Роспонд, С. Перспективы развития славянской ономастики/ С.Роспонд // ВЯ., №4. – М., – 1962.
141. Роспонд, С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. С. Роспонд//Востоочнославянская ономастика. – Москва: Наука, 1972. – с.9-89.
142. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик/ Ш.Рустамов. – Душанбе, 1972. – 76 с.
143. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форсии миёна/ Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 309 с.
144. Саймиддинов, Д. Форсии бостон (овошиносӣ, грамматика, овонавишт, катибаҳои мехӣ ва воҷанома). Чопи дувум бо ислоҳот/ Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2008. -190 с.
145. Суперанская А.В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии/ А.С. Суперанская // Микротопонимия- М., 1967. – С.23-30.
146. Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология/ А.С. Суперанская. – Москва: Наука, 1969. – 207
147. Суперанская, А.С. Что такое топонимика/ А.С. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
148. Топоров В.Н., Трубачёв О. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н.Топоров. – М., 1962. – 270 с.
149. Убайдов, Ф. Ҳифозати вожаҳои аслии ва иқтибосии кӯҳани забони тоҷикӣ дар лаҳҷаи Мастҷоҳ (дар асоси маводи зерлаҳҷаи поён)/ Ф.Убайдов. – Хучанд: Ношир, 2012. – 172 с.

150. Хайдаров, Ш. Антропонимика. Топонимика. Этносоциоллингвистика: Сборник статей/ Ш.Хайдаров. – Пермь: От и До, 2011. – 208 с.
151. Хромов, А.Л. О некоторых словах языка эпохи Рудаки, сохранившихся в таджикских говорах верховьев Зеравшана/ А.Л.Хромов// Рӯдакӣ ва Замони ӯ (маҷмӯи мақолаҳо). Тахти назари А.Мирзоев. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958. – С.22- 26.
152. Хромов, А.Л. Говоры таджиков Мастчинского района/ А.Л.Хромов. – Душанбе, 1962. – 213 с.
153. Хромов, А.Л. Согдийская топонимия верховьев Зеравшана/ А.Л.Хромов// Топонимика Востока: Исследования и материалы. – Москва: Наука, 1969. – С. 87-99.
154. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана/ А.Л.Хромов. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 88 с.
155. Хромов А.Л. Ягнобские архаизмы в топонимических названиях// Иранское языкознания. История, Этимология, типология (К 75-летию проф. В.И.Абаев). – Москва: Наук, 1976. – С.160-167.
156. Хромов, А.Л. Таджикская микротопонимия долина верхнего Зеравшана и Ягноба/ А.Л.Хромов// Ономастика Средней Азии. – М., 1978. – С. 58-62.
157. Хромов, А. Согдийская топонимия родины Рудаки/ А.Л.Хромов // Ёдбуди устод Рӯдакӣ (тартибдиҳанда А. Афсаҳзод). – Душанбе: Дониш, 1978. – С. 27-31.
158. Цгаева, А. Дз. Топонимы Северной Осетии/ А.Дз. Цгаева. – Орджоникидзе, 1971. – Т. 1. – 228 с.
159. Ҳасанов, А. Сайри сухан (Маҷмӯи мақолаҳо)/ А.Ҳасанов. – Хучанд: Нури маърифат, 2006. – 76 с.
160. Фатхуллоев, С. Баъзе мулоҳизаҳо дар бораи номгузорӣ/ С.Фатхуллоев// Забон ва чомаа (маҷмӯаи мақолаҳо). – Душанбе: Деваштич, 2006. – С.118 – 125.

161. Шодиев, Р. Масоили лингвистии номвожаҳои таърихи Хатлон.- Душанбе: МЕХРОҶ ГРАФ, 2016.-118с.
162. Шоев Р. Ономастикаи «Самаки айёр»/ Р.Шоев. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 192 с.
163. Эдельман, Дж.И. Язгулямский язык/ Дж.И. Эдельман. – М., 1966. – 219 с.
164. Эраҷ Афшор. Пажӯҳише дар номи шаҳрҳои Эрон/ А.Эраҷ. – Техрон: Равзана, 1378.-645 с.
165. Успенский Л.В. Загадка топонимики. – Москва: Молодая гвардия, 1973. – 272 с.

III. Авторефераты и диссертации

166. Абодуллоева, С. Ономастика «Фарсنامه» Ибна Ал-Балхи: автореф.дис... канд. филол.наук/ Абодуллоева С. – Душанбе, 2009. – 23 с.
167. Абдунабиев, А. Лингвистический анализ топонимии региона Уратюбе: автореф. дис... канд. филол.наук/ Абдунабиев А. – Душанбе, 1992. – 21 с.
168. Алимӣ, Ҷ. Лингвистическое исследование микротопонимии бассейна Сурхоб: автореф. дис... канд. филол.наук/ Алимӣ Ҷ. – Душанбе, 1993. – 20 с.
169. Боголюбов, М.Н. Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование материалы: автореф. дис... канд. филол.наук/ Боголюбов М. – Л., 1956. – 1082 с.
170. Додихудоев, Р.Х. Лингвистический анализ микротопонимы Памира (на материале шугнано-язгулямский языковой группы): автореф. дис... док. филол.наук/ Додихудоев Р. – М., 1980. – 29 с.
171. Исмоилов, Ш. Топонимия Каратегинской долины Таджикистана (лингвистическое исследование): автореф. дис... док. филол.наук/ Исмоилов Ш. – Душанбе, 1999. – 36 с.

172. Каримова, А.Г. Топонимы в севера-узбекских говорах: автореф. дис... канд. филол. наук/ Каримова А.- Тошканд, 1970. – 29 с.
173. Лурье, П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: автореф. дис... канд. филол.наук/ Лурье П. – СПб., 2004. – 20 с.
174. Мирзозода, С. Лексика ягнобского языка: автореф... дис. кан. наук.филол/ Мирзозода С. – Душанбе, 1998. – 21 с.
175. Насрадиншоев, А. Н. Микротопонимия Восточного Памира: автореф... дис. кан. наук.филол/ Насрадиншоев Н.- Душанбе, 2003. – 22 с.
176. Офаридает, Н. Лингвистическое исследование ойконимии Горного Бадахшана: автореф... дис. док. наук. филол/ Офаридает Н. – Душанбе, 2002.- 38 с.
177. Тураев, Б. Лексико – семантическое и словообразовательное исследование микротопонимии долины Ягноб: автореф... дис. кан. наук. филол/ Тураев Б. – Душанбе, 2010. – 20 с.
178. Хромов, А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана: автореф... дис. док. наук. филол/ Хромов А. – Душанбе, 1970. – 63 с.

IV. Статьи в научных журналах и газета:

179. Абдуллоев, Н. Тафсири баъзе номҳои географӣ / Н.Абдуллоев. //Маориф ва маданият, 1966, 3 феврал.
180. Абдунабиев, А. Сайри олами номҳо / А.Абдунабиев//Маориф ва маданият, 1975, 22 июл.
181. Абдунабиев, А. Забони замин / А.Абдунабиев//Газетаи муаллимон, 1981.- 27 октябр.
182. Аброров, Ҳ. Тафсири номи деҳаҳои Фалғарзамин/ Ҳ.Аброров.// Маорифи Тоҷикистон, 2014, №3. – С. 53- 56.
183. Айюбзод, С. Масҷоҳ не, Масҷо/ С.Айюбзод//Варорӯд, 2012, 15 ноябр.

184. Алборов, Б.А. Одно из древних мест поселения предков в Средней Азии по данным топонимики, гидронимики и оронимики/ Б.А. Алборов. – 5-ая межвузовская конференция по иранской филологии (тезисы докладов). – Душанбе, 1966. – С.133-139.
185. Алиев, Б. Пасванди -if дар номҳои чуғрофии водии Зарафшон/ Б.Алиев// Номаи Пажӯҳишгоҳ. Фаслномаи Пажӯҳишгоҳи эроншиносӣ. Соли чаҳорум, шумораи шашум.- Душанбе, 2004.- С.75-80
186. Ализода, Б. Чанд пасванди суғдӣ дар асомии ҳоси чуғрофиёи водии Зарафшон/ Б.Ализода// Рӯдакӣ. Фаслномаи адабӣ-фарҳангии Ройзани фарҳангии ҶИ Эрон дар Тоҷикистон. Соли даҳум, шумораи 24, поизи 1388. – С.65-74.
187. Алимов, Ҷ. Ҳурмати забон/ Ҷ.Алимов// Омӯзгор, 1989, 4 июл.
188. Бадруззамони Қариб. Таърихчаи забони суғдӣ/ Қ.Бадруззамон// Рӯдакӣ. Фаслномаи адабӣ-фарҳангии ройзани ҶИ Эрон дар Тоҷикистон. Воҷаномаи забонҳои суғдӣ ва яғнобӣ. Соли даҳум, шумораи 24, пойизи 1388. – С. 23-64.
189. Гребенкин, А. Заметка о Когистан/ А.Гребенкин// МСТК. Вып. 2. – СПб, 1873. – С. 71-82.
190. Исмоилов, Ш. Зоотопонимияи водии Қаротегин/ Ш.Исмоилов// Паёми Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон (маҷаллаи илмӣ). Бахши филология ва ҷомеашиносӣ. – Душанбе, 1997. – №5. – С.8-11.
191. Климчицкий, С.И. Ягнобцы и их язык/ С.И. Климчицкий// Труды Таджикской базы АН СССР. – Т. 9. – М.-Л., 1940. – 152 с.
192. Климчицкий, С.И. Название согдианы в топонимике Таджикистана/ С.И.Климчицкий.// Записки Института востоковедения АН СССР. – №6. – М.-Л., 1963. – С. 6.
193. Қосимӣ М. Бархе аз вижагиҳои вожағони забони тоҷикӣ/ М.Қосимӣ.// Номаи Пажӯҳишгоҳ. – Душанбе, 2001, №1. – С.20-41.

194. Лившиц, В. А., Хромов, А. Л. Согдийские слова в таджикском языке/ В.А. Лившиц// Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР.- Сталинабад: Изв. АН Тадж. ССР, 1957. – С. 31-34.
195. Маҳмадҷонов, О.О. Ҳамзистии фарҳангҳо дар топонимия / О.О.Маҳмадҷонов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (мачаллаи илмӣ). Бахши филология. – Душанбе: Сино, 2009. – №8. – С. 43-46.
196. Мирбобоев, А. Чамшед дар Бехруд/ А.Мирбобоев// Номаи Пажӯҳишгоҳ (маҷмӯаи мақолот). – Душанбе, 2001. – №1. – С. 42-46.
197. Назарзода, С. Андар номи забон/ С. Назарзода// Ахбори Академияи илмҳои ҚТ, шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2003. – №1. – С. 30-37.
198. Назарзода, С. Кӯшишҳои навсозии забони адабии тоҷикӣ/ С.Назарзода// Ахбороти Академияи илмҳои ҚТ, шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2004. – №2. – С. 22-29.
199. Розенфельд, А. З. Название «лангар» в топонимике Таджикистана/ А.З. Розенфельд // Изв. ВГО. – М., 1949.- Вып. 6 (72). – С. 861-864.
200. Розенфельд, А. З. Топонимика нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории/ А.З. Розенфельд// Изв. АН Тадж. ССР, Отд. общ. наук. – Вып. 10-11, 1956. – С. 85-94.
201. Рустамов, А. Топонимҳои суғдии дараи Киштут/ А.Рустамов// Мактаби Советӣ. – Душанбе, 1976, №11. – С. 33-38.
202. Тураев, Б. Вожаҳои суғдӣ дар топонимияи Яғноб/ Б.Тураев// Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (мачаллаи илмӣ). Бахши филология. - Душанбе: Сино, 2008. – №2. – С. 62-66.
203. Ёзбеков, Г., Ваҳҳобов, Т. Таҳқиқи топонимҳо/ Г.Ўзбеков // Мактаби советӣ, №7, 1975. – С. 61 – 63.
204. Хромов, А.Л. К вопросу о топонимике Мастчи/ А.Л.Хромов// Известия АН Тадж. ССР. ООИ, вып 1(32), 1963. - С.76-82.
205. Хромов, А.Л. Еще раз о согдийском топоформанти -уβ/ А.Л.Хромов // Известия АН Тадж. ССР. ООИ, вып 3 (32), 1968. - С. 85-87.

206. Хромов, А.Л. Вожаҳои суғдӣ дар ғӯишҳои тоҷикӣ/ А.Л.Хромов// Рӯдакӣ. Фаслномаи адабӣ-фарҳангии ройзании ҚИЭ дар Тоҷикистон. Виҷаномаи забонҳои суғдӣ ва яғнобӣ. Соли даҳум, шумораи 24, пойизи 1388. – С. 9-16.
207. Ҳомидов, Д., Шукурова, З. Топонимияи Чағонрӯд дар асари «Таърихи хумоюн»-и Гулшанӣ/ Д.Ҳомидов// Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – Душанбе: Сино, 2010. – №7. – С. 127-130.

V. Электронные ресурсы

208. *mastchoh.wordpress.com*.
209. www.ariarman.org/images/Iranian_Language.jpg
210. www.loghatnaameh.org